

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ №3(7)1994

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№3(7)

МОСКВА 1994

ИЕРУСАЛИМ 5755

Еврейский Университет в Москве
в содружестве
с Иерусалимским Институтом еврейских исследований
Адина Штайнзальца
сотрудничает с американским комитетом «ДЖОЙНТ»

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 3(7), 1994

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

История

- О. БУДНИЦКИЙ (Ростов-на-Дону). «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920—1930-х годов 4
- Д. ФЕЛЬДМАН. Из истории шкловских евреев (По материалам Российского государственного архива древних актов) 28
- Л. РОЗЕНБЕРГ. Еврейское население Поволжья в середине XIX — начале XX века 39
- В. ЭНГЕЛЬ. Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX — начала XX века 49
- В. ГУСЕВ (Киев). О еврейских погромах, помощи пострадавшим и эмиграции евреев из Украины (1917—1921 гг.) 64
- А. ГРИНБАУМ (Иерусалим, Израиль). Раввинская конференция в Коростене (1926) 82

Культура

- Е. БИНЕВИЧ (Санкт-Петербург). Еврейский театр в Одессе. Очерк первый: А. Гольдфаден и его труппа 87
- А. ЛЕВИТОВА. Еврейский народный университет в Москве (1918—1921) 107

Социология

- Ц. ГИТЕЛЬМАН (Анн-Арбор, США), В. ЧЕРВЯКОВ, В. ШАЛИРО. Иудаизм в национальном самосознании российских евреев 121
-

Jewish University in Moscow
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

Очерки. Исторические портреты

- Л. САЛМОН (Болонья, Италия). **Жизнь и творчество Бен-Ами** 145
 В. ХИТЕРЕР (Киев). **Арнольд Давидович Марголин — защитник Бейлиса** 156

АРХИВ

Публикации

- «Еврейский вопрос» в частной переписке советских граждан середины 1920-х гг. (По материалам перлюстрации). **Публикация В. Измолика** 164
Григорий Адольфович Ландау: необходимые уточнения. Публикация В. Гессена 189
Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины в 1941—1943 годах. Публикация А. Круглова 193

Воспоминания

- О. ГРУЗЕНБЕРГ. **Страшцы воспоминаний. Публикация В. Кельнера** 221

РЕЦЕНЗИИ. РЕФЕРАТЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

- А. ЛОКШИН. **Реферат книги: Frankel G. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1862—1917. Cambridge, 1981** 242
 Г. ЭСТРАЙХ. **Реферат исследования: Kahan A. The Impact of Industrialization in Tsarist Russia on the Socioeconomic Conditions of the Jewish Population // Kahan A. Essays in Jewish Social and Economic History. Chicago; London, 1986.** 252
Сборники «Пережитое». Т. 1—4. СПб., 1908—1913. Указатель содержания. Составитель М. Куповецкий 256

ХРОНИКА

- И. АЛЬТМАН. **Международный симпозиум по истории Холокоста** 262
 В. МАТВЕЕВ, В. ХИТЕРЕР (Киев). **Научная конференция «Шолом-Алейхем и еврейская культура Украины»** 264
 Ю. ЛЯХОВИЦКИЙ (Харьков). **Третья международная научная конференция «Дробицкий Яр: память, время, люди»** 267

Редакционная коллегия

М. ГРИНБЕРГ — *председатель*
 М. КУПОВЕЦКИЙ — *главный редактор*
 Р. КАПЛАНОВ — *зам. главного редактора*
 А. ЛИБЕРМАН — *зам. редакции*
 Г. КАЗОВСКИЙ

В. КЕЛЬНЕР
 А. КОВЕЛЬМАН
 А. ЛОКШИН
 Ш. ШТАМПФЕР
 М. ЧЛЕНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

О. Будницкий (Ростов-на-Дону)

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1920—1930-х ГОДОВ*

Роль евреев в русской революции и — шире — в судьбе России, как никогда, активно дебатировалась на страницах русской и русско-еврейской печати в 1920—1930-е гг. Поговорить было о чем. С одной стороны, бесспорным фактом является заметная роль, которую сыграли евреи в русской смуте 1917 г. и последующих лет. С другой — революция обернулась катастрофой для сотен тысяч евреев, ставших жертвами невиданных по масштабам до той поры погромов. Еще одним фактором, стимулировавшим обсуждение «еврейского вопроса», стало широкое распространение антисемитской литературы, объяснявшей крушение императорской России следствием международного еврейского заговора.

Прошли десятилетия. И мы стали свидетелями (и участниками) дискуссий на ту же тему. Правда, дискуссии временами напоминают балаган, а интеллектуальный уровень их заметно уступает аналогичной полемике 1920—1930-х гг. Есть смысл «повторить пройденное» и обратиться к текстам публицистов того времени. Тем более, что их размышления по «еврейскому вопросу» разбросаны по страницам редчайших эмигрантских изданий и неизвестны не только «широкому», но и «узкому», профессиональному кругу наших современников.

К «еврейскому вопросу» неоднократно обращался признанный лидер русского либерализма и, что в данном случае не менее важно, профессиональный историк Павел Николаевич Милю-

* Статья написана в период действия гранта, предоставленного автору Международной ассоциацией иудаики и еврейской культуры.

ков¹. Для Милюкова «еврейский вопрос» — прежде всего вопрос политический. Такое его понимание, в известном смысле классическое для русского либерализма, Милюков сформулировал еще до революции, в статье «Еврейский вопрос в России», опубликованной в известном сборнике «Щит»². Напомню, что сборник был издан группой видных деятелей русской культуры в поддержку евреев в условиях разнузданной антисемитской кампании, инспирированной властями после начала первой мировой войны.

Милюков писал, что «у нас в России еврейский вопрос есть, прежде всего, вопрос о частно-правовых последствиях религиозного и национального неравенства евреев. Он есть лишь часть вопроса о нашем общем неравенстве и об отсутствии наших общих гражданских свобод. Вопрос о еврейском равноправии в России есть вопрос о равноправии всех граждан вообще. Отсюда видно, почему антисемитские партии в России имеют гораздо более широкий политический смысл и значение, чем антисемитские партии Запада. У нас они почти сливаются с партиями вообще антиконституционными, и антиконституционализм служит знаменем того старого строя, с которым мы до сих пор тщетно стремимся разделаться. Вот почему еврейский вопрос в русском обществе и политической жизни занимает такое видное место. Моменты борьбы за равноправие общее и за равноправие национальное здесь совпали. Поэтому еврейский вопрос и выдвинулся в нашей политической жизни на первое место»³.

В то же время Милюков отмечал, что парадоксальным образом антисемитские тенденции усилились именно в «конституционную» эпоху, в период борьбы за голоса избирателей на выборах в Государственную думу. Если раньше проблема евреев решалась бюрократией в тиши канцелярий, исходя из соображений государственной пользы (разумеется, в понимании бюрократии), то теперь, когда «народ был призван к участию в государственной жизни, явилась и потребность влиять на него в известном смысле. Надо было обработать массу, воздействовать на ее мысль и волю. Официозный антисемитизм есть простейший способ удовлетворения этой потребности, упрощенная попытка взнудать массы, подсказать им те чувства, те побуждения, тот характер взглядов и способ действий, которые нужны тем, кто играет на этих струнах... Итак, антисемитизм нового типа, как это ни странно на первый взгляд, является приобретением конституционной

эпохи. Он является ответом на потребность в применении новых средств массового воздействия»⁴.

Напомнив известное высказывание Бисмарка, что антисемитизм — это «социализм дураков», Милюков, развивая эту мысль, писал: «Для того, чтобы бороться с социализмом умных людей, нужно темных людей взять в свои руки и поманить их призраком социального улучшения их быта, показавши им мнимого врага вместо действительного. И антисемитизм говорит темной массе: вот твой враг, борись с евреями, и ты добудешь социальные улучшения...»⁵

Справедливо указав на применение антисемитизма для создания социальных партий нового типа на Западе, в частности в Австрии, Милюков отметил, что в России масса недостаточно подготовлена, чтобы «оценить непосредственно социальный аргумент, хотя бы и преподносимый в упрощенной форме. У нас антисемитизм принужден облекать этот аргумент в еще более доступную форму, обращаясь к наиболее элементарным страстям и инстинктам... У нас антисемитизм есть средство создать в массах национализм определенного типа. Для этой -то цели наши антисемиты ставят своей задачей играть на струнах расовой и религиозной ненависти».

Милюков обратил внимание еще на одну «задачу» антисемитизма: воздействовать на власть. «Если массы нужно приобрести, то власть нужно запугать. И создается новый вариант антисемитской легенды: легенда о еврее — создателе русской революции. Это он создал русское освободительное движение, это он работал в печати, он работал в революционных организациях, он ходил с красными флагами... Русский человек, который бы этому поверил, показал бы тем, что он не уважает русский народ. Сказать, что только еврей мог помочь русскому народу освободиться, это значит сказать, что без еврея русский народ не вышел бы на путь собственного освобождения. Нет, как я ни уважаю исключительную талантливость еврейского народа, но я не откажу русскому народу в способности своими силами участвовать в собственном освобождении».

Рассмотрел Милюков и другую сторону проблемы — «зависимость» российских евреев от освободительного движения. Тут, полагал он, «разумеется, не может быть никаких сомнений. Не только то обстоятельство, что еврейская масса более образованна,

что она прошла ту или иную школу, что она не подвержена алкоголизму — и по всем этим причинам стоит выше по самосознанию, должно было побудить ее понять важность для нее освободительного движения. К тому же привело ее и то обстоятельство, что речь тут идет о приобретении таких элементарных прав, значение которых близко и понятно каждому. Вот почему всю еврейскую массу можно, действительно, записать в ряды сторонников русского освободительного движения».

Лидер кадетов здесь же предостерегает «инородцев» от разрыва с русским освободительным движением, от организации для борьбы только за свои национальные цели: «Не следует увлекаться национализмами до тех пор, пока не разрешен общеимперский вопрос российского освобождения»⁶.

Я позволил себе столь подробно изложить концепцию Милюкова потому, что, во-первых, многие его рассуждения о политической природе антисемитизма, о разыгрывании еврейской карты партиями определенной ориентации представляются мне справедливыми не только для России начала века, но и для нашего времени. Во-вторых, в его статье наиболее последовательно изложена либеральная концепция «еврейского вопроса», оставшаяся в принципе без особых изменений не только в послереволюционный период, но и десятилетия спустя — со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Сильные стороны очевидны — профессиональный социально-политический анализ и безусловное признание права евреев на равноправие и реализацию национальных и религиозных потребностей.

Менее очевидны слабости его концепции: по-первых, Милюков обходит вопрос о том, почему именно антисемитизм послужил основой для консолидации антидемократических и антилиберальных партий? Почему народные массы столь легко и охотно поддержали именно антисемитскую пропаганду (и не только пропаганду)? Для современного читателя эти вопросы должны быть еще острее. Не так давно прогрессивные публицисты объясняли борьбу с «космополитами» чуть ли не личным антисемитизмом Сталина. Но этак нам пришлось бы записать в антисемиты и хрущевское, а затем брежневское Политбюро, а также всех поголовно лидеров современных коммунистических и «патриотических» партий. Не испытывая к этой публике никаких симпатий, сомневаюсь все же в их поголовном личном

антисемитизме. Полагаю, что их антисемитская (антисионистская) риторика — следствие причин более глубоких: они ориентируются на те самые струны расовой и религиозной ненависти, которые продолжают — только тронь — звучать в душах миллионов сограждан, несмотря на их гораздо более высокий образовательный уровень, чем во времена Милюкова. По-видимому, «еврейский вопрос» не мог быть разрешен только юридическим путем.

Во-вторых, Милюкову, по-видимому, была свойственна недооценка национального фактора. Его отеческий совет не увлекаться «национализмами» вряд ли мог быть понят национально ориентированными евреями в условиях массированного наступления на еврейство в годы первой мировой войны. Те же евреи, которые порвали с религиозными и культурными традициями своего народа, обычно «проскакивали» гораздо дальше либерализма — к социалистическому или коммунистическому интернационализму.

Аналогичных взглядов Милюков придерживался и после революции. В интервью Д. Шубу, которое он дал в 1921 г., Милюков говорил, что погромы при Деникине и при Петлюре «были искусственно вызваны некоторыми реакционными кругами. Там, где во главе антибольшевистских восстаний стояли не крайние правые, как, например, в Кронштадте... или в крестьянском восстании в Тамбовской губернии, или в волжском районе, или на Дону, еврейское население ничуть не пострадало, несмотря на то, что там теперь сосредоточено значительно число евреев».

На вопрос интервьюера: «Думаете ли Вы, что еврейский народ имеет будущее в России?», Милюков ответил: «Несомненно. Россия не останется навсегда большевистской, как и не вернется к царскому самодержавию. Россия будет демократической республикой. Хаос в конце концов исчезнет, и когда установится более или менее нормальная жизнь, евреи будут играть большую роль в экономике, политической и культурной жизни страны. Судьба евреев в России тесно связана с победой в России демократии. В демократической России евреи, как и все национальности, будут чувствовать себя свободными и равноправными гражданами»⁷.

В начале 1920-х гг. Милюков (кстати, «заработавший» у антисемитов прозвище «Милюковер») напечатал ряд статей про-

тив антисемитизма, и в особенности против одной из самых громких антисемитских фальшивок — «Протоколов сионских мудрецов». Сейчас даже как-то неприлично вновь писать об этом навязшем в зубах сюжете. Однако нас интересуют не сами по себе «Протоколы», — вопрос об их подложности давно выяснен наукой, и нет смысла к нему возвращаться. Интереснее другое — «Протоколы» как феномен массового сознания, а также мысли о русско-еврейских отношениях, о «еврейском вопросе» в России, которые высказывали видные историки, философы, публицисты в интересующее нас время.

В 1922 г. Милюков написал предисловие к брошюре «Правда о «сионских протоколах». В брошюре в переводе на русский язык были перепечатаны статьи из английской газеты «Таймс», в которых рассказывалось о находке одного из корреспондентов газеты «первоисточника» «Протоколов» — памфлета М. Жоли против Наполеона III. Это сенсационное в то время открытие давало прочную основу для разоблачения фальшивки — из разряда логики критики «Протоколов» могли перейти к текстологии.

В предисловии Милюков объяснял, почему после «второй революции» (имеется в виду революция 1917 г.: в отличие от советской историографии, разглядевшей в 1917 г. две революции, Февральскую и Октябрьскую, Милюков эти события рассматривал как единый процесс) работу русской охраны ожидал блестящий успех: «Великий всемирный заговор премудрых старейшин Израиля, решивших гораздо раньше Людендорфа наслать на Россию революцию и революционного диктатора, — разве не было это точным предсказанием пришествия Ленина и большевиков?»⁸

Проследил он и географию распространения «Протоколов» в России и за границей, справедливо расценивая их как своеобразную «лакмусовую бумажку» антисемитизма: «Будущий историк, которому захочется проследить историю и разветвления русского и заграничного антисемитизма, сможет прекрасно сделать это по истории распространения «Сионских протоколов», сделавшихся своего рода библией реакционного антисемитизма. Из Новочеркасска в Ростов, оттуда, вместе с Освагом⁹ и с еврейскими погромами, в Харьков и в Киев, потом, при содействии гг. Малахова, Востокова, Ножина¹⁰ и т. д., в Крым при Врангеле, а из Крыма с русской эмиграцией в Константинополь, Софию и

Белград,— еще раньше, при посредстве заграничных изданий и реакционных издательств, во Францию и Англию, даже в Америку; вот направление триумфального шествия произведения гг. Головинского¹¹ и Манусевича-Мануйлова¹². Всюду этот продукт ненависти и мракобесия заносил свои ядовитые семена, сообщая разбуженным революционными эксцессами шовинистическим инстинктам идеологическое и философско-историческое обоснование»¹³.

В следующем году Милюков вновь обратился к сюжету о «Протоколах». На этот раз поводом послужил выход в свет книги Ю. Делевского (псевдоним; настоящее имя автора — Яков Лазаревич Юделевский) «Протоколы сионских мудрецов» (История одного подлога)¹⁴. Милюков напечатал на нее рецензию под названием «Нищета антисемитизма» в еженедельнике «Еврейская трибуна», выходившем на русском и французском языках в Париже с 1920 по 1924 г. И вновь этот привязчивый сюжет послужил для выдающегося историка поводом для размышлений на более общие темы.

В частности — о связи содержания пропаганды и ее объекта. «Есть несомненная связь,— писал Милюков,— между содержанием политической пропаганды — и нравственным и умственным уровнем тех, кто ее ведет и для кого она предназначается. Есть такое содержание, которое может быть преподнесимо только в демагогической форме, и есть такая нравственная и умственная среда, которую легче всего возбудить крикливыми призывами к ненависти, подкрепляемыми аргументами, рассчитанными на круглое невежество. Хотите понять психологию этой среды, измерить ее пределы, взвесить ее побуждения? Читайте литературу, которая специально для нее предназначается. Как красящее вещество, выделяющее отчетливо тончайшие жилки в микроскопическом препарате, эта литература вам покажет, кто ее читатели, сколько их, где они, каким чувствам они доступны, какие мысли шевелятся под их черепом»¹⁵.

Для Милюкова «Протоколы сионских мудрецов» интересны прежде всего как один из таких «ярких проявителей степени общественной грамотности и честности той среды, в которой этот грубый фальсификат распространяется и имеет успех. Я употребляю настоящее время,— писал он,— а не прошедшее, потому что для этой среды напрасны доказательства, что «Протоколы»

есть не более как жалкая компиляция, сочиненная по полицейскому заказу. Те, для кого предназначается легенда и сказка явно лубочного чекана, те, обыкновенно, не читают специальных трудов фольклористов, тщательно изучающих литературную историю легенды и сказки и вскрывающих их первоисточники»¹⁶.

Прошли десятилетия, а мы вновь употребляем настоящее время в отношении распространения «Протоколов». Говорит это, увы, о том, что по-прежнему существует среда для их распространения. Впрочем, и Милюков не заблуждался на этот счет. Задавая вопросом, поведет ли «разоблачение грубой фальсификации «Протоколов» к отказу черных пропагандистов и агитаторов от пользования ими?», он приходил к выводу, что «прямых ссылок на них, наверное, станет теперь меньше. Но с идеями, распространяемыми «Протоколами» борьба далеко не кончена. Она будет так же длительна и должна быть так же упорна, как борьба с человеческим невежеством и с националистической зоологической злобой»¹⁷.

Полагаю, что не последнюю роль в той действительно зоологической ненависти, которую питали к Милюкову — лидеру и символу либерализма — российские правые, играла его последовательная позиция в «еврейском вопросе». Думаю, не случайно покушение на него в Берлине в 1922 г. совершили не «просто» монархисты П. Н. Шабельский-Борк и С. Таборицкий, а они же «по совместительству» еще и редакторы черносотенного журнала «Луч света»¹⁸. Как неслучайным было и то, что Шабельский-Борк, приговоренный к 14-ти годам каторги (при покушении погиб В. Д. Набоков, отец знаменитого писателя, закрывший собой Милюкова), просидел в тюрьме недолго, а когда к власти пришли нацисты, стал получать пенсию от ведомства Альфреда Розенберга.

Однако ни покушение, ни постоянные угрозы не запугали Милюкова, и в 1935 г. он выступил в качестве свидетеля на Бернском процессе, направленном против швейцарских нацистов — распространителей «Протоколов». Суд признал в конце концов «Протоколы» фальшивкой и плагиатом.

В начале 1920-х гг. в Берлине вышла брошюра, в названии которой сформулирована едва ли не главная проблема эмигрантских дискуссий, — «Большевики и евреи». Автором ее был товарищ Милюкова по кадетской партии, ее первый оратор, депутат

Государственной думы всех созывов Федор Измайлович Родичев¹⁹. Тот самый Родичев, которому принадлежала знаменитая фраза о «столыпинском галстуке», цитировавшаяся в советских учебниках истории без упоминания автора. Правда, Родичеву пришлось извиняться за нее перед премьером П. А. Столыпиным, считавшим, что он исполняет функцию не вешателя, а врача.

Подход Родичева к заявленной им проблеме скорее культурологический, нежели политический. Он с порога отвергает тезис об особой роли евреев в революции: «Большевики — это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петрограде защищавших временное правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. — Матросы убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров, — не евреи. Убийцы, большевизма ради, во всех уездных городах и особенно всях земли русской — не евреи. Те, кто по призыву Ленина бросились на грабеж усадеб и убивали по системе и с наслаждением... — не евреи, а подлинные русские обыватели»²⁰.

Коснувшись мимоходом «Протоколов», Родичев совершенно справедливо заметил, что дело не в содержании этой книжки. Дело в том, что «она показывает уровень развития и понимания русских верхов, русских реакционных кругов. Как мы все ошибались относительно определения умственного возраста России. Если иные не ошибались насчет русского крестьянства, живущего умом средних веков, верующего, что через бинокль можно пускать холеру, думающего, что немец на аэроплане приезжает в Тамбовскую губернию воровать снопы, то относительно верхов ошибались все... Разве история темного круга завладевшего Николаем II и его женой, история Распутина, даже убийства Распутина, разве они не дают вам картины темного средневековья. Это среда жидоедства, так же, как среда веры в масонский заговор, в колдунов, кончину мира, чорта с рогами или без рогов».

Отсюда Родичев делал жесткий вывод: «Антисемитизм верхов, так же как и низов, имеет одни и те же корни — темноту непонимания, силу темных страстей и зоологических инстинктов, неспособность критического анализа»²¹.

Родичев отрицал маркВ грабеже большевиков и погроме жидоедов уничтожается не только имущество людей, уничтожаются общественные связи, тот строй, благодаря которому держит-

ся культура. Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству». Но где же выход? «Только движение к чужой свободе, только сознание праст сказал бы: антисемитизм свойствен народу, находящемуся в теологической фазе развития, когда верят в добрых и злых духов, творящих всю жизнь, когда верят, что есть народы избранные и отверженные, когда верят в мгновенное перерождение народов, в насильственные революции, когда думают, что насилем и убийством можно ввести благосостояние... Весь мир рисуется тогда людям как сказка, как легенда. Эта психологическая почва одна для большевизма и антисемитизма — темная страсть и неспособность критики»²².

Но если большевизм и антисемитизм произрастают на одной почве, как тогда объяснить активное участие евреев в революции? И как может сочетаться антисемитизм с доктриной интернационализма? Родичев не ставит подобных вопросов. В то же время он отмечает, что «если много евреев в большевиках, то ведь не меньше их в числе гонимых большевиками». И не только в числе гонимых — в числе борцов против большевизма,— достаточно назвать имена Канегиссера (убийцы Урицкого) и Каплан. Это и делает Родичев, замечая, что их «еврейские сердца горели ненавистью к большевистской тирании»²³. Напрашивается вывод, что трещина, расколовшая Россию, прошла и по «русским евреям».

Родичев высказывает убеждение, что большевизм не может принести блага еврейству. Большевики «разорили буржуазию, остановили промышленность, пролетариат оставили без работы, торговлю запретили, как преступный промысел, погромы прошли по еврейским городам — и, говорят, это все еврейское господство.— Большевизм — это еврейский заговор?— Если все, что случилось, дело рук еврейства,— правильнее было бы сказать, что это не господство евреев, а их самоубийство»²⁴.

Интересно, что аналогичные мысли позднее высказывал известный экономист и публицист Борис Дмитриевич (Бер-Дов) Бруцкус, который писал в милюковских «Современных записках», что «борьба Советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения». И поэтому «интересы еврейского населения стоят в коренном и непримиримом противоречии с самыми основами экономической и социальной политики коммунизма. И в этом отношении между интересами еврейского населения и России как единства существует полная гармония...»²⁵

Однако вряд ли это понимали те евреи, которые, по сути разорвав с традициями своего народа, видели решение «еврейского вопроса» в большевистском интернационализме. Вряд ли кому-нибудь из них попались на глаза пророческие строки из берлинской брошюры Родичева: «Пусть большевики имеют в Советах своих многочисленных евреев,— их толпа, их армия, идущая с криком — грабь награбленное, будут делать погромы, будут грабить и еврея. «Еврей же — буржуй по преимуществу — его надо додушить!..» И большевики громят евреев в западно-русских городах... Когда большевики вопят «додушить буржуазию», нет между ними и черной сотней, орущей «бей жида»,— никакой разницы»²⁶. То, что Родичев был абсолютно прав, засвидетельствовал хотя бы Исаак Бабель, проделавший путь по этим самым «западно-русским» городам вместе с Конармией.

Отметим похода, что впоследствии, когда буржуазию, а затем кулачество «додушили» и объектов для классовой ненависти не осталось, дошла очередь и до евреев. Тогда (в конце 1940-х гг.) разница между большевиками и черносотенцами исчезла не только на деле, но и на словах. Чтобы это предвидеть, надо было всего-навсего уметь отделять шелуху слов от реальной политики, то есть не быть слепым.

Убежденный либерал и, главное, порядочный человек, Родичев упорно старался втолковать своему народу и его вождям, что нельзя перекладывать ответственность за свои беды на «инородцев», как нельзя опираться в борьбе против большевиков на темные инстинкты толпы — на «их поле» большевиков не переиграешь. «Люди возвращаются к прежней ненависти, так же, как возвращаются к прежней любви,— объяснял Родичев взрыв антисемитизма в годы революции. Чего искать виновников всех бед, когда старые под рукой? Русский мужик никогда не повинен в своем грехе. Он не сам виноват — его «лукавый попутал»²⁷.

Но пока «в противобольшевистском стане живет восторг жидоедства и погрома, не будет победы над большевиками... Ибо чувство погромщика это стихия большевизма. Большевики имеют за себя дурные страсти народа. И на этой почве их не превзойдешь, их не осилишь... Темное одушевление мести, насилия и грабежа не дает победы. Ибо победа разрушит армию, одержимую этим чувством: вспомните судьбы Деникинской армии», — напомнил Родичев²⁸.

Антисемитизм не менее опасен для России, чем большевизм, предостерегал он: «В грабеже большевиков и погроме жидоедов уничтожается не только имущество людей, уничтожаются общественные связи, тот строй, благодаря которому держится культура. Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству». Но где же выход? «Только движение к чужой свободе, только сознание права, сознательное чувство справедливости может останавливать погромное чувство разнужданной толпы. Поэтому, когда ненавидящий свободу Ленин-Ульянов объявляет, что свобода — буржуазная выдумка, он создает почву для погромов». Осилить большевиков можно, только «имея за себя правосознание народа. Надо идти на них во имя права, и надо не только словами, надо действиями показать себя не только народолюбцами, но и правдолюбцами»²⁹.

Читая эти абсолютно справедливые и столь же нереалистичные в условиях тогдашней действительности пожелания, понимаешь, почему либерализм (с присущей ему религиозной и национальной терпимостью) был обречен в России на поражение. Имеет ли он шансы на успех сегодня?

Немалое место еврейская тема занимала в публицистике и общественной деятельности Владимира Бурцева³⁰. Бурцев был революционером еще с народовольческим стажем, успевшим изведать и заключение в Петропавловской крепости, и ссылку в Сибирь, и даже британскую каторжную тюрьму, — в последнюю он угодил за пропаганду терроризма. Но после июльских событий 1917 г. в Петрограде этот последовательный революционер стал одним из инициаторов антибольшевистской кампании, обвиняя Ленина и его товарищей в связях с немцами. В результате он оказался первым, кого арестовала новая власть 25 октября 1917 г. Освободившись из большевистской тюрьмы, Бурцев бежал за границу, возобновил в Париже издание своей газеты «Общее дело», на страницах которой призывал сплотиться под знаменами Колчака и Деникина для общей борьбы с большевиками, забыв на время о расхождениях партийных программ. В 1921 г. он был избран товарищем председателя Русского национального комитета, безуспешно пытался сплотить различные эмигрантские группы на антибольшевистской платформе.

Особый вес слову Бурцева придавала его репутация историка, — он был издателем и редактором первого русского истори-

ко-революционного журнала «Былое» — и в еще большей степени слава «Шерлока Холмса русской революции», — именно он разоблачил «великого провокатора» Евно Азефа и еще десятка три провокаторов в различных революционных партиях. Забегая вперед, отмечу, что столь же безупречно он провел расследование о происхождении «Протоколов» и после выхода в 1938 г. в Париже его книги на эту тему вопрос можно было бы считать окончательно закрытым, если бы дело было только в логике и научной добросовестности.

В годы гражданской войны Бурцев на страницах «Общего дела» выступил против отождествления большевизма с еврейством. В заметке «Евреи и большевизм» он, анализируя национальный состав петроградской организации РКП(б), показал, что евреи составляют в ней 2,6% (при общей доле в населении Петрограда 1,8%). В то же время русские составляли в ней, соответственно, 74,2% и 92,6%, латыши — 10,6% и 0,7%, поляки — 6,3% и 4,2%. Приведенные цифры, писал Бурцев, «рассеивают распространяемые повсюду легенды о подавляющем количестве евреев в большевистских организациях»³¹.

На публикации английского журналиста Р. Вильтона в «Таймс» об убийстве последнего российского царя, в которых подчеркивалась роль евреев, Бурцев отозвался статьей «Истинные убийцы Николая II — Ленин и его товарищи»³². Он полагал, что большевизм — явление русское и дело не в национальной принадлежности конкретных исполнителей. Позднее Бурцев писал: «Среди большевиков нет евреев — есть только интернационалисты»³.

Владимир Львович не ограничивался публицистикой. Во время поездок в Россию в 1919 и 1920 гг., при личных встречах с А. И. Деникиным и П. Н. Врангелем, он обращал их внимание на разгул антисемитизма среди «добровольцев», на широкое распространение антисемитской литературы, в особенности «Протоколов сионских мудрецов». Бурцев писал, что, «если в официальных военных сферах Добровольческой армии на Кавказе я не встречал сочувствия к антисемитизму и, в частности, к «Протоколам», то не встречал я там и должного понимания опасности антисемитской пропаганды и распространения «Протоколов». Военные власти не вели борьбы с антисемитами, которая могла бы положить конец их преступной деятельности.

и поэтому антисемиты действовали открыто. Они разлагали армию и компрометировали дело борьбы с большевиками — и таким образом расчищали им дорогу». Бурцев вспоминал, что первый же крупный военный чин, с которым он встретился в «белой» России, комендант Севастополя генерал Субботин, вручил ему только что переизданные «Протоколы» и советовал использовать их в «Общем деле»³⁴.

Почти двадцать лет спустя Бурцев писал Деникину по случаю выхода своей книги о «Протоколах»: «Что касается страшного вопроса русской жизни — еврейского — и страшного и в то же время глупейшего вопроса о «Протоколах», то Вы, быть может, не согласитесь со мной, если не по тем выводам, к которым я прихожу, то по значительности этого вопроса и в прошлом и в настоящем времени... Я убежден, что еврейский вопрос, неправильно поставленный, нанес освободительному антибольшевистскому движению страшный вред. Глупые «Протоколы», несмотря на свою ничтожность, и в России в Добровольческой период нашей борьбы с большевиками, и [в] Германии, как и в других странах, играли и играют огромную роль. С ними нужна упорная борьба. Вот к этому сводится смысл издания моей книги... О прошлом надо сказать правду о том, какое было у нас отношение к «Протоколам» (замечательно это бурцевское «у нас» — Владимир Львович брал на себя ответственность за то, что творилось в лагере, который он поддерживал; хотя лично он как раз сделал больше, чем кто-либо из русских людей, для разоблачения фальшивки. — *О. Б.*). А для настоящего времени надо ярко высказать свое отношение к ним как к преступному явлению... Я охотно процитировал в своей книге все, что говорилось раньше о борьбе с «Протоколами», а также оборвал нелепости антисемитов. Надо нам избавиться от этих кандалов. Ими пользуются большевики для борьбы с нами и в России, и за границей»³⁵.

Книга Бурцева действительно стала вершиной его многолетней борьбы против антисемитизма. В 1921 г. он печатает статью известного историка, в 1917 г. — специального комиссара Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции С. Г. Сватикова «Рачковский и его подлоги»³⁶, в которой рассказывалось о причастности бывшего шефа заграничной охраны П. И. Рачковского к созданию «Протоколов»³⁷.

Борьба Бурцева против антисемитизма послужила одной из причин краха его газеты. В 1922 г., вспоминал он, «в самое тяжелое для меня время в редакцию «Общего дела», когда надо было его спасать, пришли известные русские националисты и поставили мне условием, чтобы я расстался с Пасмаником³⁸ (доктор Д. С. Пасманик был активным сотрудником редакции.— О. Б.) и прекратил борьбу по поводу «Сионских Протоколов», Разумеется, я не согласился ни с тем, ни с другим условием и на много лет должен был прекратить издание «Общего дела»³⁹.

В 1934 г. Бурцев принял участие в качестве свидетеля обвинения в Бернском процессе по поводу «Сионских протоколов». Дело по обвинению швейцарских нацистов в распространении «Протоколов» возбудили местные еврейские общины. «Для обвинителей с самого начала главными обвиняемыми по этому делу были, разумеется, не какие-то мало кому и в Швейцарии известные швейцарцы, издававшие и распространявшие «Протоколы»,— совершенно справедливо писал Бурцев,— а немецкое правительство национал-социалистов в Берлине, предпринявших во всем мире в широчайших размерах пропаганду «Протоколов»⁴⁰.

Вместе с Бурцевым свидетелями обвинения выступали будущий президент Израиля Хаим Вейцман, С. Г. Сватиков, как уже говорилось выше— П. Н. Милюков, Б. И. Николаевский⁴¹, Г. Б. Слиозберг⁴² и др. Суд признал «Протоколы» «подделкой, плагиатом и бессмыслицей».

И наконец, в 1938 году Бурцев издает в Париже исследование «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог», с красноречивым подзаголовком: «Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придал им мировую известность». Очевидно, что для Бурцева разоблачение происхождения ядовитой фальшивки имело не только академический интерес. Это был его личный вклад в борьбу против антисемитизма и нацистской опасности.

В статье (по-видимому, оставшейся неопубликованной) «Борьба с антисемитизмом — мировая задача» Бурцев писал, что борьбу с нацистами «евреи не могут вести одни. В ней не могут не быть заинтересованы все народы. Им диктуют ее не только принципы права, справедливости, демократии, вошедшие в плоть и кровь демократии повсюду. Но она является жизненным интересом для самих народов.

Мир впредь не может жить нормальной жизнью, если где-нибудь будут совершаться гонения на какие-нибудь народы или национальности, подобно тому, какие сейчас приходится переживать евреям.

Изуверство над одним народом или нациями неизбежно отражается на жизни всех других стран»⁴³.

Антинацистская деятельность Бурцева и в особенности выход в свет его книги о «Протоколах» повлекли за собой травлю со стороны гитлеровских спецслужб, действовавших под вывеской информационной «Мировой службы». В бюллетене «Мировой службы» № IV/7 от 1 апреля 1939 г. его назвали «пресловутым русским революционером и масоном», а взбесило нацистов то, что «не так давно Париж был затоплен множеством экземпляров брошюры, в которых ложных утверждений больше, чем слов», то есть бурцевскими «Протоколами». Шеф «Мировой службы» полковник Ульрих Флейшауэр, неудачно выступивший на Бернском процессе в качестве эксперта, решил задним числом взять реванш и напечатал в этом же бюллетене статью «Свидетель Бурцев, я обвиняю Вас в преднамеренной лжи». Немцы намеревались выпустить, в опровержении приговора суда, от 8 до 13 томов документов и материалов, доказывающих подлинность «Протоколов»⁴⁴.

Бурцев, конечно же, не оставил бы нацистские нападки без ответа. Но время слов прошло, заговорили пушки и пулеметы. Франция была оккупирована немцами. Бурцева допрашивали в гестапо, но, по-видимому в связи с преклонным возрастом (ему уже было под 80), отпустили.

Однако вернемся к его книге. Бурцев хотел придать ей значение не просто исторического исследования, навсегда «закрывающего» проблему происхождения «Протоколов», а своеобразного манифеста русской эмиграции по «еврейскому вопросу» или, по крайней мере, по вопросу о «Протоколах». В его архиве, среди подготовительных материалов к книге, сохранился следующий фрагмент: «Мне предлагают от имени имеющихся в виду издателей придать брошюре значение полурусское и полуеврейское, чтобы при составлении ее было вето и у меня, и у одного из еврейских писателей. Но я считаю его совершенно ошибочным. Брошюра о «Сионских протоколах» будет иметь особое значение, если она составлена против русских охранников и реакционеров русскими их противниками, в данном случае мной,

как товарищем председателя Русского национального комитета, и чтобы предисловие было председателя Нац[ионального] комитета Карташева, чтобы мы могли взять ответственность за всю брошюру»⁴⁵.

Бурцев намеревался обратиться за предисловием к Карташеву не случайно и не только из-за его «должности», скорее символической, нежели влиятельной. Антон Владимирович Карташев⁴⁶ был видным православным богословом и историком церкви, нередко оставлявшим ученые занятия ради политической деятельности. Карташев был одним из лидеров партии кадетов, после Февральской революции стал обер-прокурором Святейшего Синода, а после его упразднения — министром вероисповеданий Временного правительства. Он участвовал в белом движении, в эмиграции возглавлял с 1921 г. Русский национальный комитет, целью которого было объединение всех эмигрантских течений и групп для борьбы с большевиками. Его перу принадлежали сотни научных и богословских статей, несколько книг.

Поэтому особый интерес представляют размышления Карташева о русско-еврейских отношениях. Сочетание в одном лице либерального интеллигента и православного мыслителя позволяет глубже понять корни благородного и в то же время двойственного отношения русской национально ориентированной интеллигенции к «еврейскому вопросу».

К «еврейскому вопросу» Карташев обращался еще до революции, опубликовав в третьем, дополненном издании сборника «Щит» статью «Избранные и помилованные», в которой изложил христианские аргументы против антисемитизма.

Он считал, что «религиозно-положительное, религиозно-любовное отношение к еврейству для христиан безусловно обязательно. В особенности для христиан, не индивидуально, а церковно верующих. Обязательно не в силу морали, совпадающей с понятием гуманности, а по чисто религиозным основаниям. Оно — прямой вывод из правильного сознания и ощущения связи Ветхого завета с Новым». Подчеркнув, что христианство есть религия историческая, в том смысле, что его догма связана с историческим фактом боговоплощения, Карташев напоминал, что «церковь мыслится и переживается как тело Христово. Мессия от семени Давидова стал телом, таинственно вкушаемым всяким членом церкви. Через человечество Христа верующий в Него кровно роднится с Израилем. Еврейские праотцы становят-

ся его праотцами, еврейская история — священной историей. Судьбы израильской национальности — судьбами таинственно-религиозными... Сион, Иерусалим и вся земля обетованная также святы для христианина, как и для еврея. И закон и пророки есть материализованное слово Божие для того и для другого. Ветхий завет для христианина есть святое наследство, доставшееся ему от предков»⁴⁷.

Карташев отвергал традицию, идущую еще от старой христианской литературы, разделения библейских и современных евреев. «Еврей — вот этот самый пейсатый и лапсердачный талмудист, твердящий ежедневно «шема», еврей — есть как-никак «родственник Божий», пусть отверженный, пусть гонимый и истязуемый Богом по пророчествам, но все же почему-то «избранный». Этой тайны не смеет отвергнуть ни один христианин, хотя бы самого черного толка...» Карташев указывал на религиозный опыт Вл. Соловьева, на котором «связь догмата Богочеловечества с отношением к еврейству только ярче познается. Великий схоласт догмата Богочеловечества, он был и его великим мистом, а через то и великим христианским юдофилом. Здесь не случайный, не наносной интеллигентский либерализм на церковнике, а логически неизбежный плод разгоревшейся пламенем живой церковной веры»⁴⁸.

Проанализировав 11-ю главу письма апостола Павла к римской общине, на которую, по словам Карташева, достаточно указать пальцем, «чтобы всякий верующий из толпы присмирел и отбросил в разряд грехов свою житейскую вражду к евреям», он писал в заключение своей статьи: «Слова Священного Писания для христианина непререкаемы. Их должно принять к руководству и исполнению и почаще вспоминать, что «отверженный» Израиль есть предопределенный Богом брат наш по вере в будущем, а по прошлому — брат старейший, «избранный, призванный и возлюбленный», как культурная маслина взращенный в саду Божьем, от «святости и благородства» которой и мы напитались, а не наоборот. «Не высокоумствуй, но бойся» — вот практический совет энтузиаста-апостола христианину в будничных отношениях к евреям. «Бойся» суда Божия, который не пощадит тебя за твои грехи и который возвратит в определенный час своему первородному сыну непреложно обещанные дары и милости, «якоже клятсЯ Аврааму, Исааку и Иакову и семени его даже до века»: «и таким образом весь Израиль будет спасен»⁴⁹.

В 1923 г., уже в эмиграции, Карташев написал предисловие к упоминавшейся выше книге Ю. Делевского «Протоколы сионских мудрецов». Разумеется, он не рассматривал вопрос по существу, поскольку то, «что этот постыдный для человеческой истории апокрифы есть фальсификация — ясно априори для всякого мало-мальски направленного наукой интеллекта»⁵⁰. Пафос текста Карташева в другом — в призыве русского народа к покаянию и к предостережению его от поисков виноватых в том, что случилось с Россией «на стороне».

«Если мы, русские, — обращался Карташев к соотечественникам, — позволяем себе думать, что мы взысканы милостью Божьей среди народов земли, отмечены немалыми дарами и высоким призванием, то, очевидно, велики наши преступления пред любовью Отчей, если мы так страшно наказаны». Он подчеркивал значение нравственно-духовного фактора как обязательного условия возрождения России: «Если только гигант-народ не сможет духовным напряжением свергнуть с себя двойную кору до- и послереволюционных преступлений, Россия не воскреснет». Первый шаг, преддверие к духовному возрождению — это покаяние, «то есть беспощадное осознание и исповедание своих преступлений»⁵¹.

В обстановке, которая в сознании верующих переживается как апокалиптическая, «поддельный апокалипсис», подобный «Протоколам», «может быть ядовито соблазняющим». И дело русской Церкви разъяснять ложь «Сионских протоколов» «своим пасомым», полагал Карташев, а также самой «защититься от навязываемого ей со стороны мирских политиканствующих элементов порока погромного антисемитизма». «Когда в эту критическую минуту бытия народного находятся лица и партии, которые думают добиться каких-либо созидательных, а не разрушительных результатов путем применения все тех же порочных средств, до- и послереволюционных, какими уже раз загублена Россия, мы должны им сказать: «руки прочь, осквернители!»⁵²

Правда, Карташев оговаривался, что разоблачение апокрифа не снимает «мирового еврейского вопроса по существу». Признавал он также, что «у русской Церкви и принадлежащего к ней русского народа есть и могут быть свои конфликты с еврейством, как с иной национальностью и иной религией», но «пусть они протекают чистыми путями состязания духовных и моральных сил»⁵³. О сути этих конфликтов он не упоминал.

Поэтому, повторяюсь, то, что Бурцев обратился с просьбой о предисловии к своей книге именно к Карташеву, было не случайно. Предисловие Карташев написал, и его текст сохранился среди бумаг Бурцева. Но свет одновременно с книгой не увидело. Неясно, что послужило тому виной — технические ли причины, или же Бурцеву что-то не понравилось в трактовке Карташевым «еврейского вопроса». Настораживает, во всяком случае, что в письме к нему Бурцева говорилось: «Как жаль, что я не видел Вас после того, как Вы передали мне рукопись Вашего предисловия к «Сионским протоколам». Мы легко бы тогда с Вами устранили кое-какие недоразумения. И мои издатели, и я — мы не имели в виду поднимать какие-нибудь спорные вопросы об еврействе...»⁵⁴

Как и за пятнадцать лет до этого, Карташев писал о «Протоколах», что «человек здравого смысла, доброй воли и небольшой научной дисциплины просто не может даже серьезно обсуждать вопрос о подлинности этого полицейско-публицистического подлога, в своем роде талантливом, ибо заразительного для невежд». Повторил он, на этот раз в более отчетливой форме, и свою мысль о том, что «из легкой победы над фальсификаторами «Протоколов» нечестно делать «дешевый адвокатский софизм». «Прочищая глаза невежд от пыли «Протоколов», недопустимо этим вновь засорять зрение, делая вид, будто этим снимается еврейский вопрос»⁵⁵.

По мнению Карташева, «погромщики и наветники» крайне затрудняют здравую и честную постановку «еврейского вопроса», оглуляют его и сводят к абсурду. «Они сбивают с толку и самих евреев, все время выдвигающих свою «угнетенную невинность» и ждущих от всех только сострадания и какого-то обязательного противоестественного юдофильства. Между тем это фальшь и недоразумение. Еврейство есть великая мировая нация. Для этого утверждения богослову и историку достаточно одного факта дарования миру Библии и порождения трех монотеистических религий. Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций. Все

нации разделяют и славу, и падения, и счастье, и несчастье своих народов. Такова же судьба и еврейства...»⁵⁶

Завершал свою статью Карташев небесспорными рассуждениями о том, что «всякий волен быть англофилом или англофобом, германофилом или германофобом, славянофилом или славянофобом. Так же точно и — юдофилом или юдофобом. Право на «фильство» и «фобство» есть одна из великих свобод в международных отношениях. Водворению этой свободы с ее прямою и честностью мешают юдофобы невежественного и грязного цеха»⁵⁷.

Текстам Карташева присуща, на мой взгляд, некоторая противоречивость. Поиски причин того, что случилось с Россией в 1917 г., прежде всего в особенностях мирозерцания и образа жизни самого русского народа, а не в кознях «инородцев», с одной стороны, и признание права на «фобию» или «филию» по отношению к людям иной национальности — с другой... Полностью разделяя мысль Карташева о том, что нечего евреям строить из себя «угнетенную невинность» и ожидать от кого-то обязательного юдофильства, отмечу, что его рассуждения о евреях как о равноправном субъекте в «состоянии» великих наций для того времени были явно несостоятельны: в отличие от других «исторических» народов евреи не имели своего государства!

Карташев отрицает «погромный» антисемитизм, что предполагает, вероятно, возможность существования иного, не погромного, так же как право не славяно-, германо- и прочие «фобии». Очевидно, что здесь либеральные принципы Карташева-политика вступают в противоречие с мирозерцанием православного теолога, предполагающего право русского народа вступать в конфликт и предъявлять претензии людям другой национальности и другого вероисповедания. Но где граница этих конфликтов? Ответ Карташева ясен: насилие. Его он категорически не приемлет.

Однако в чем гарантии, что другие люди не пойдут дальше теологических споров и не пожелают разрешить противоречия между народами не на страницах ученых трудов, а при помощи силы? Тем более если она на их стороне. И не несет ли ответственности за возможное насилие тот, кто признал право как любить, так и ненавидеть другого за то, что он другой?

Во всяком случае, признание, вполне теоретическое, права

на юдофобство в Европе 1938 г. было явно не ко времени. Скорее всего именно поэтому Бурцев предпочел оставить текст Карташева в своем архиве.

Рассмотренные в настоящей статье сюжеты отнюдь не исчерпывают заявленную в ее заглавии проблему, а представляют лишь первый «подступ» к ней. Остаются невостребованными сотни текстов десятков интересных авторов, посвященных «еврейскому вопросу» и затерянных на страницах эмигрантской печати. Конечно, история вряд ли кого-нибудь способна научить или предостеречь. И все же в условиях новой «русской смуты», в которую, как водится, оказались глубоко вовлеченными российские евреи, не грех прислушаться к этим голосам из прошлого.

¹ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — лидер Конституционно-демократической партии (кадеты), историк-публицист; в 1917 г.— министр иностранных дел в первом составе Временного правительства; один из идеологов белого движения, автор Декларации Добровольческой армии. С 1920 г.— в Париже, где редактировал самую популярную эмигрантскую газету «Последние новости».

² Цит.: Лит. сб. / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. М., 1915.

³ Милюков П. Н. Еврейский вопрос в России // Цит. С. 140.

⁴ Там же. С. 144—145.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 146—147.

⁷ Шуб. Д. Из давних лет // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. Кн. 105. С. 237.

⁸ Правда о «сионских протоколах». Литературный подлог. Разоблачения газеты «The Times» (Таймс) / С предисл. П. Н. Милюкова. Париж, 1922. С. 9, 10. В брошюре были перепечатаны статьи Филиппа Грейвса, опубликованные в «Таймс» 16, 17 и 18 августа 1921 г. В них излагалась история находки редкого издания памфлета Мориса Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX в.», послужившего, как показал текстологический анализ, литературным источником при фабрикации «Протоколов».

⁹ ОСВАГ — Осведомительно-агитационное агентство — денкикинское ведомство пропаганды, нередко грешившее антисемитской «продукцией».

¹⁰ Востоков Владимир — протоирей. Прославился тем, что отслужил в Москве молебен в красной ризе по случаю Февральской революции. Затем быстро эволюционировал к самому оголтелому черносотенству, доставил на Юг изданные в 1918 г. московскими антисемитами «Протоколы сионских мудрецов», пропагандировал в армии Деникина погромные идеи «Союза русского народа» Кто такие Малахов и Ножин, установить не удалось.

¹¹ Головинский Матвей — писатель и журналист, с 1892 г. агент заграничной охраны, жил в Париже. Участвовал в изготовлении «Протоколов».

¹² Имеется в виду Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869—1918) — журналист, сотрудник охраны, политический аферист.

¹³ *Милюков П. Н.* Предисловие // Правда о «сионских протоколах». С. 9—10.

¹⁴ *Делевский Ю.* «Протоколы сионских мудрецов» (История одного подлога), Берлин, 1923. Юделевский Яков Лазаревич (1870—1957) — публицист эсеровского толка, после 1917 г. — в эмиграции.

¹⁵ *Милюков П. Н.* Нищета антисемитизма // Еврейская трибуна. Париж, 1923. № 8(161). С. 2.

¹⁶ Там же. С. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Черносотенный журнал «Луч света» выходил в Берлине с 1919 г. В № 3 были перепечатаны «Протоколы».

¹⁹ Родичев Федор Измайлович (1853—1932) — юрист, один из основателей и член ЦК партии кадетов. В эмиграции примыкало к группе Милюкова.

²⁰ *Родичев Ф. И.* Большевики и евреи. Берлин, [Б. г.] С. 5.

²¹ Там же. С. 18—19.

²² Там же. С. 19—20.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ *Бруцкус Б. Д.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки. Париж, 1928. № 36. С. 511, 530—531.

²⁶ *Родичев Ф. И.* Большевики и евреи. С. 20.

²⁷ Там же. С. 3.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Там же. С. 20—21.

³⁰ Бурцев Владимир Львович (1861—1942) — публицист, историк, издатель, революционер и общественный деятель. Подробнее о нем см. в моей статье, предварающей публикацию из его архива, — Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6; см. также *Будницкий О. В.* Бурцев Владимир Львович // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 52—53.

³¹ *Бурцев В.* Евреи и большевизм // Общее дело. Париж, 1919. № 61.

³² *Бурцев В.* Истинные убийцы Николая II — Ленин и его товарищи // Общее дело. 1920. № 93.

³³ *Бурцев В. Л.* В погоне за провокаторами; «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991. С. 259.

³⁴ Там же. С. 274—275.

³⁵ Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6. С. 119.

³⁶ *Сватиков С. Г.* Рачковский и его подлоги // Общее дело. 1921. № 393. Сватиков Сергей Григорьевич (1880—1942) — историк Донского казачества и общественного движения в России. В 1919 г. вынужден был оставить должность заместителя заведующего денкинского Отдела пропаганды под давлением правых. С 1920 г. — в эмиграции.

³⁷ Рачковский Петр Иванович (1953—1911) — заведующий заграничной

агентурой Департамента полиции в 1885—1902 гг. Один из главных «создателей» «Протоколов».

³⁸ Пасманик Даниил Семенович (1869—1930) — кадет, сотрудничал в редакциях журналов «Еврейская жизнь», «Рассвет», участвовал в издании «Еврейской энциклопедии». С 1919 г.— в эмиграции. Один из авторов известного сборника «Россия и евреи» (Берлин, 1923). Выпустил книги: «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)» (Париж, 1923); «Революционные годы в Крыму» (Париж, 1926).

³⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 802, оп. 1, ед. хр. 16, л. 10.

⁴⁰ Бурцев В. В погоне за провокаторами... С. 300—301.

⁴¹ Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — меньшевик, с 1920 г.— член ЦК этой партии. В 1922 г. выслан за границу. Редактировал «Социалистический вестник». Историк и собиратель материалов по истории революционного движения. Автор более 500 научных и публицистических работ. Готовил книгу о «Протоколах». Часть собранных им материалов отложилась в архиве Бурцева в ГАРФ.

⁴² Слиозберг Генрих Борисович (1863—1937) — адвокат, член Еврейского политического бюро при евреях — депутатах IV Государственной думы, член Президиума Временного Национального совета по созыву Еврейского съезда в 1917 г. С 1920 г.— в эмиграции. Автор воспоминаний «Дела минувших дней. Записки русского еврея». Т. 1—3. Париж, 1933—1934.

⁴³ ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 16, л. 2.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 31, л. 123—127.

⁴⁵ Там же, л. 265.

⁴⁶ Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — кроме упомянутых в тексте статьи вех его биографии, отмечу, что с 1925 г. он был профессором Русского богословского института св. Сергия в Париже. Его главный труд — «Очерки по истории русской церкви». Т. 1—2. Париж, 1959—1960.

⁴⁷ *Карташев А. В.* Избранные и помилованные // Щит. Изд-е 3-е. М., 1916. С. 110—111.

⁴⁸ Там же. С. 113.

⁴⁹ Там же. С. 113, 115.

⁵⁰ *Карташев А. В.* Предисловие // *Делевский Ю.* «Протоколы сионских мудрецов». С. 7.

⁵¹ Там же. С. 5—6.

⁵² Там же. С. 7.

⁵³ Там же. С. 9.

⁵⁴ ГАРФ, оп. 1, ед. хр. 301, л. 89.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 31, л. 417, 418.

⁵⁶ Там же, л. 420—421.

⁵⁷ Там же, л. 421.

Д. Фельдман

ИЗ ИСТОРИИ ШКЛОВСКИХ ЕВРЕЕВ

*По материалам Российского государственного
архива древних актов*

История еврейского народа в дореволюционной России связана в основном с территориями, на которых евреи селились на протяжении XIV—XVI вв. и которые были присоединены к Российской империи после трех разделов Польши в конце XVIII столетия. Одним из таких регионов является территория современной Беларуси.

В подавляющем своем большинстве евреи были сосредоточены в городах и местечках и составляли значительную часть городских сословий — мещан, ремесленников, купцов и промышленников. Еврейское население наложило заметный отпечаток на внутреннюю жизнь многих городов. Среди них можно выделить белорусское местечко Шклов, расположенное по обе стороны Днепра и дороги из Могилева в Оршу, отличавшееся высоким уровнем развития промышленности и торговли.

Обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве материалы конца XVIII—XIX в. позволяют существенно расширить наши представления об истории белорусских евреев, и евреев Шклова в частности¹.

Впервые упоминаемый в летописях в XVI в. Шклов до присоединения к России входил в состав Речи Посполитой; позже — в 1778 г. Шкловское имение передается императрицей Екатериной II во владение своему любимцу генерал-майору Семену Гавриловичу Зоричу. Говоря о Шкловском имении, следует подчеркнуть, что оно представляло довольно обширную территорию с большим числом населенных пунктов, приписанных к собственно местечку Шклов (или, как оно иногда упоминается в документах, — Шклово): к местечку прилегал 4 села, 3 сельца, 4 фольварка и 29 деревень. Да и сам Шклов не был единым поселением, а состоял из двух частей, именуясь местечком Ста-

рый и Новый Шклов (иногда в документах упоминается местечко Новый Шклов с селом Старый Шклов). Картографические материалы местечка Шклов с предместьями, селами и деревнями 1783 г. и 1858 г.² наглядно демонстрируют нам планировку этого населенного пункта, построенного по специально проектированному плану «прямыми проспектами».

Материалы Генерального межевания этой территории рубежа XVIII и XIX вв., так называемое «экономическое примечание» по Могилевскому уезду, предоставляют нам следующие сведения о численности населения владений Зорича, а также совладельца этих земель — надворного советника Семена Федоровича Герасимова-Большого: по 5 ревизии, во всех населенных пунктах было 1335 дворов, где проживали 4122 мужчины и 4176 женщин, а в самом местечке Старый и Новый Шклов с предместьями Рышковичи и Заднепрское состояло 575 дворов, в которых жили 1153 мужчины и 1228 женщин³. Из них особо выделяется количество еврейских жителей: 274 двора, 844 мужчины и 1040 женщин⁴.

Это сведения за первые годы XIX в. Интересно сравнить их с результатами другой, более ранней переписи, производившейся в связи с судебным делом по обвинению графов Николая и Марка Зановичей в незаконном ввозе в Россию из-за границы фальшивых ассигнаций и обмене их на червонцы небольшими партиями в разных местах. Поскольку они имели временное место жительства в имении у Зорича («в доме еврея Нотки») и к делу могли иметь касательство шкловские жители, белорусскому генерал-губернатору П.Б. Пассеку было поручено переписать всех жителей Шклова с указанием «породы», времени и причин пребывания в местечке, их занятий и состояния.

Могилевская палата уголовного суда 19—25 мая 1783 г. провела ревизию жителей местечка, в итогах которой имеются сравнительные данные о количестве христианских и «жидовских» дворов и душ. Так, в Новом Шклове находились 279 христианских и 226 еврейских дворов, где проживали 683 христианина и 819 иудеев; в Старом Шклове — 194 христианских (496 чел.) и 130 еврейских (235 чел.) дворов⁵. В это число не входят служившие непосредственно в усадьбе Зорича, перечисленные пофамильно с подробными сведениями о каждом. Как видим, число евреев Нового Шклова даже превышало число христиан, хотя количество еврейских дворов было меньшим, нежели у христиан. Объяснить это несложно: еврейские семьи были довольно многочисленными.

Пояснение к списку говорит, что евреи по большей части занимаются торговлей, а некоторые — «рукоделиями», то есть разными ремеслами, и перевозкой товаров и продуктов⁶. Ниже мы подробнее рассмотрим занятия еврейских жителей Шклова, а пока остановимся на вопросе о промышленном развитии местечка, которое было довольно высоким. Упомянуть об этом следует прежде всего потому, что промышленность и торговля, которой занимались жители-христиане, несомненно, оказывали влияние на занятия шкловских евреев, так же как и еврейские купцы и мещане оказывали сильное воздействие на развитие местной экономики.

Как указано в «экономическом примечании», в Шклове находились две фабрики (шелковая и суконная) и шесть заводов (конный, кирпичный, канатный, кожевенный, винокуренный и свечной), а также две мукомольные водяные мельницы⁷. Для одного местечка это довольно значительное количество предприятий. Конечно, некоторые из них были небольшими и обслуживали в основном само Шкловское имение (например, конный, кирпичный и свечной заводы), но другие посылали свою продукцию в другие города и губернии. Так, из шерсти, поступавшей из вотчины Зорича, суконная фабрика выпускала ткань, которая шла на продажу в Ригу. Производимые на кожевенном заводе юфтевые и подошвенные кожи поступали большей частью в Ригу, а также в Петербург и Киев; сырые кожи на переработку привозились в Шклов из Смоленской и Малороссийской губерний. Шелковая фабрика, кроме шелка, выпускала парчу, бархат, атлас и тафту; товар продавался шкловским купцам, в том числе евреям, а те поставляли его в другие губернии. Интересно, что сырье для шелковой фабрики поступало из Италии. Продукция канатного завода шла на продажу в Ригу. Всю округу обеспечивал своей продукцией винокуренный завод (10800 ведер вина в год).

Имеющиеся среди материалов Мануфактур-коллегии «Ведомости о состоянии фабрик в местечке Шклов Могилевского повета Белорусской губернии» 1797—1801 гг. указывают на наличие в окрестностях Шклова также крупной парусиновой фабрики⁸. Большая часть парусины продавалась опять же в Риге. Как видим, именно сюда поступали многие товары из Шклова. На фабриках и заводах местечка работали в основном крепостные крестьяне Зорича из окрестных деревень. Несколькими годами

раньше, в 1795 г., Зорич докладывал императрице о поставке пеньки Черноморскому адмиралтейству, заведении в Шклове нескольких фабрик, о наличии леса, годного для постройки судов, и возможности строительства 24 морских судов в течение двух лет и доставке их в Херсон⁹. В 1788 г. Зорич поставлял хлеб и вино для армии, а для Черноморского адмиралтейства — суда¹⁰. Итак, для Шклова был характерен высокий уровень развития промышленности.

О культурных традициях Шклова в известной мере свидетельствует тот факт, что в имении Зорича служили уроженцы Польши, Германии, Франции, Сербии, Швеции, Италии, а также Курляндии, Лифляндии и Бессарабии. Они занимали должности вольных служителей: управителей, камердинера, смотрителя, музыкантов, учителя пения, шталмейстера, кухмейстера, мастеровых (садовника, каретника, котляра, столяра, слесаря, часовщика) и др.

В услужении у Зорича было и несколько крещеных евреев, упомянутых в списке, составленном во время ревизии 1783 г. Одним из них был «перекрест из жидов» (то есть крещеный еврей) Тадеуш Приемский, использовавшийся в перевозке купеческих товаров. Как следует из этого списка, он был уроженцем Шклова; во времена польского владычества служил солдатом при Шкловском замке до передачи местечка во владение Зорича¹¹. Приемский имел в Шклове собственный дом, построенный еще в период его службы у поляков. «Пропитание» имел землепашеством, а в свободное от основного занятия время занимался извозом товаров. Служил у Зорича еще один крещеный еврей — Андрей Добровольский, бывший корнет польской армии. Он был уроженцем Мстиславского воеводства, в 1765 г. по его желанию принят в российское подданство; с 1780 г. работал экономом и комиссаром при Шкловском благородном училище и других «замковых строениях» Шклова¹².

Поскольку речь зашла о благородном училище (в документах именуется также военной школой или училищем и кадетским корпусом), остановимся подробнее на этой одной из главнейших достопримечательностей вотчины Зорича, несомненно, наложившей отпечаток на внутреннюю жизнь Шклова. По указу Павла I от 28 марта 1797 г. училище было причислено к казенному ведомству с переименованием в кадетский корпус. Если в первые годы существования в нем обучалось всего 30 человек, то уже в

1780-е гг. количество учащихся составляло 60 человек — дворянских детей из Белоруссии, Смоленска, Малороссии, Новосербии и других мест. В училище преподавали иностранцы (7 учителей), работали 23 служителя; все они перечислены в уже упоминавшемся списке по итогам шкловской ревизии 1783 г. В эти годы управляющим (директором) был Тимолеон Альфонс Галиен Сальморан, в прошлом капитан польской армии. В конце XVIII в. это место уже занимал сам Зорич.

К началу следующего столетия училище значительно расширилось: в нем обучалось уже 300 учеников, преподавали 29 учителей, не считая инспектора, надзирателей, полицмейстера, комиссара, докторов, капельмейстера, музыкантов и служителей¹³. Кадеты обучались российской грамматике, катехизису греческого и католического исповедания, немецкому и французскому языкам, математике, истории, географии, архитектуре, рисованию, сочинению книг, танцам, игре на музыкальных инструментах, фехтованию, вольтижировке, военной экзерциции, артиллерии и фортификации. Как видим, училище выпускало разносторонне подготовленных юношей. Сохранились рапорты 1799 г. главного директора благородного училища (кадетского корпуса) Зорича на высочайшее имя с приложением формулярного списка 54 воспитанников (с указанием фамилии, возраста, вероисповедания, сословия и местожительства, а также даты поступления в училище, изученных дисциплин и способности к определенной службе)¹⁴. По окончании учебы кадеты направлялись служить на Черноморский флот, в артиллерию и кавалерию.

Гордостью владельца местечка был театр, находившийся в одной из построек усадьбы. Частыми гостями Шкловского имения были актеры и музыканты.

Это культурное пространство, окружавшее местных жителей, и евреев в том числе, не могло не оказывать на них определенного влияния. Именно здесь, в Шклове, в последней четверти XVIII в. возник один из крупных центров российской Гаскалы¹⁵.

Рассмотрим теперь социальный состав и занятия шкловских евреев. Как свидетельствует «экономическое примечание» Шклова, в центре Нового Шклова находился Гостиный двор — традиционное место торговли любого старинного города или местечка. Это было каменное одноэтажное квадратное сооружение с башнями по углам и воротами с двух сторон. В Гостином

дворе в начале XIX в. числилось 120 торговых лавок, «в которых торгуют живущия во оном местечке евреи разными товарами»¹⁶. Евреи торговали сукном, шелком с местных фабрик, фруктами, галантерейными, пушными и другими мелкими товарами. Для сравнения: в том же Гостином дворе было только 70 лавок православных торговцев — крепостных Зорича, которые вели торговлю железом, посудой, рыбой и другой продукцией. В Шклове имели жительство 3 еврея-купца 1-й гильдии, 3 — 2-й гильдии и 15 — 3-й гильдии¹⁷. Купцы с семьями были записаны в купечество по разным, в основном белорусским, городам: Полоцку, Витебску, Мстиславлю, Кременчугу, Копыси и Бабиновичам. Что касается занятий шкловских мещан и ремесленников из еврейской общины, то они были достаточно традиционными — бахромщики, серебряники, портные, сапожники, часовщики, жестянщики, стекольщики, цирюльники, музыканты, переплетчики, столяры, пивовары, мясники и др.

Приведем в качестве примера купца Шмойлу Гиршовича. Помимо торговых дел, он занимался производством поташа — березовой золы, использовавшейся в качестве ценного удобрения; кроме того, он арендовал деревни у князей Черторижских (Чарторьских) и графа З.Г. Чернышева¹⁸. Некоторые мещане-евреи выполняли отдельные поручения личного характера Зорича. Так, в 1783 г. он выдал подорожную для проезда в Кенигсберг Йовелю Берковичу для покупки игральных карт.

Помимо купеческих лавок, в Шклове находился целый ряд еврейских заведений. «Экономическое примечание» начала XIX в. сообщает о них следующее: «Еврейских молбищ или школ — одна каменная в два этажа, да четыре деревянных об одном этаже, из коих при первой имеется еще и еврейская богадельня, в коей убогих евреев содержится <...> мужеска пола пятнадцать душ <...> Типография, в коей печатаются одне толко еврейския книги, при коей типографщиков пять человек... Еврейский дом каменной в два этажа, недостроенной один»¹⁹.

Представляет интерес вопрос о взаимоотношениях шкловских евреев и владельца местечка, об их жизни под началом Зорича. В период 20-летнего владения Зорича экономика Шклова достигла значительных результатов — и во многом благодаря его многочисленной еврейской общине, еврейским купцам и мещанам. В то же время отношения Зорича и евреев были далеко не безоблачными. Документы открывают нам тяжелые страницы

истории шкловского еврейского общества. Будучи человеком самолюбивым и грубым, Зорич доставил массу неприятностей и бед своим подчиненным и жителям местечка, причём не только евреям. Например, среди материалов архива имеется письмо бывшего вольмарского уездного стряпчего из Риги Г. Г. Гейденрейха²⁰. Он жаловался на Зорича за нанесенные им побои во время работы у него домашним секретарем. Петербургский купец П. Н. Чирьев производил в Могилеве питейные сборы и подряды, имел отношения с Зоричем, однако разорился и лишился имущества. В 1794 г. он обращается к Зоричу с просьбой о денежной помощи или помощи товарами на сумму 100 рублей, но Зоричем было запрещено даже докладывать ему о подобных просьбах, поэтому купец получил отказ²¹. Не все было ладно у Зорича и в кадетском корпусе. В 1783 г. его директор Сальморан отправил властям записку с жалобой на Зорича о происходящих в училище непорядках²². К примеру, кадетов плохо кормили, у них не хватало одежды; сам Сальморан два года не получал жалованья, а прежний директор был изгнан Зоричем. Наконец, в фондах архива имеется перевод прошения императрице бухгалтера Зорича капитана Карла Глоца из Полоцка 1794 г. с жалобой на притеснения со стороны шкловского владельца и лишение его денежных средств²³. В 1796 г. он вновь жалуется на Зорича, который долгое время не выплачивал ему жалованья и не возвращал долгов, достигших 6 тыс. рублей²⁴.

Интересно, что после кончины Зорича за ним осталось гораздо больше долгов, чем стоило его имение, из-за чего многие долговые расписки шкловского вельможи были возвращены их владельцам без оплаты. После смерти Зорича над его имением была учреждена опека, которая была возложена на сенатора, действительного тайного советника Г. Р. Державина²⁵. В записке Державина по имущественным и финансовым вопросам 1803 г. упоминается о покупке Шкловского имения в казну²⁶.

В связи с уже упоминавшимся следственным делом графов Зановичей о провозе фальшивых ассигнаций в Россию по Шклову прошли ложные слухи о том, что якобы ассигнации провез не Н. Занович, а еврей-извозчик, посланный им специально для этого в Кенигсберг. Как раз в это время в Могилев совершал поездку князь Г. А. Потемкин и остановился в Шклове у своего бывшего адъютанта Зорича. Местные евреи обратились к важной особе с просьбой об их защите от притеснений²⁷. Видимо, им было чего

опасаться и они не раз испытывали притеснения от владельца Шклова. Кстати, первым известил власти о появлении фальшивых ассигнаций шкловский же мещанин Давыд Мовшович²⁸.

Имеется множество фактов, свидетельствующих о кругом нраве и жестокости генерала, которые не обошли и местных еврейских купцов и мещан. По этому поводу проводилось даже специальное расследование, отраженное в «Деле шкловских евреев по претензиям на генерал-лейтенанта С. Г. Зорича» 1798—1799 гг. На высочайшее имя было подано два прошения поверенного от еврейского общества местечка Шклов Белорусской губернии могилевского мещанина Мордуха Ицковича, в одном из которых говорилось следующее. Во-первых, отмечалось, что «предки тех евреев, более трехсот лет поселясь в том местечке, выстроили своими деньгами и коштом знатныя каменные строения и, проживая, завели коммерцию с разным купечеством и с немалым для владельца в доходах приращением»²⁹. Однако, как замечает далее проситель, после вступления во владение местечком Зорича он обложил евреев новыми высокими налогами, отнимающими значительную часть их состояния. Так, он взыскивал с каждого хозяина по 15, 30 или 50 рублей ежегодно; с продажи и покупки дворов собирались пошрины в размере 25% с суммы продажи; со всех покупаемых промышленных товаров и продуктов питания взимались подати; общие деньги, собираемые еврейским обществом ежегодно как государственные подати на бедных и неимущих, их воспитание и обучение и на содержание школ (около 12 тыс. руб.), Зорич забирал себе; несколько раз он принуждал мещан к даче ему займы больших денежных сумм, а мастеровых-евреев — к бесплатной работе, в том числе в субботние и праздничные дни; местный портной был засечен шпицрутенами крепостными крестьянами Зорича; в феврале 1798 г. по его приказу были избиты собранные в одном месте еврейские купцы, а у некоторых было изъято их имущество без суда в хозяйство Зорича, при этом им было предоставлено 24 часа для продажи дома и выезда из Шклова; владелец принуждал евреев выбирать четырех человек, уполномочивая их делать все, что он прикажет; наконец, Зорич заставлял евреев брать для продажи хлебное вино в гораздо большем количестве, нежели те могли продать, и брал за него деньги³⁰.

Узнав же о том, что еврейские жители Шклова обратились с

жалобой к императору, а также к белорусскому губернатору, тайному советнику Жегулину, которому было подано три прошения, Зорич организовал 27 мая 1798 г. силами своих крестьян самый настоящий еврейский погром³¹. К некоторым зажиточным купцам ночью был направлен полицмейстер с крестьянами, которые изгоняли купеческие семьи из домов, а имущество грабили. Многих евреев Зорич брал под стражу на продолжительный срок и посылал в это время своих крепостных грабить их имущество. На работу Зорич гонял евреев «в колодках и жезлах, а некоторых и наказывал без всякого судебного приговора»³². Это, впрочем, касалось в полной мере и жителей-христиан.

В ответ на эти события в июле 1798 г. пришла бумага от генерал-рекетмейстера И. Б. Палицына, где говорилось, что, согласно законам, шкловское еврейское общество должно было обратиться сначала в нижестоящие судебные инстанции, где и должно было быть рассмотрено его прошение. Поскольку же этот порядок прохождения документов не соблюден, то прошение евреев отослано назад губернатору для рассмотрения³³.

В деле имеется интересный документ — копия именного указа Павла I от 5 июня 1799 г., который связан с фигурой Г. Р. Державина. Приведем фрагмент текста: «По дошедшим до нас неоднократным жалобам о самовольных поступках в прекословие законам нашим противу еврей и протчих, в Белорусской губернии обитающих, учиненных, происходящих от отставнаго генерала-лейтенанта Зорича, для прекращения сих зловердных беспорядков и для законной защиты всех тех, кои от него, Зорича, и в делах его от участвующих притеснения потерпели, повелеваем в оную Белорусскую губернию от лица Сената нашего послать сенатора Державина, которой, взяв себе в единый предмет суд непристрастной, имеет наиточнейшим образом войти на местах тех во все обстоятельства <...> предать законному суждению всех тех, кои в вышесказанном виновными приключатся <...>»³⁴.

На копии имеется отметка, что дело слушалось на Общем собрании Сената и в 3-м департаменте Сената 16 июня 1799 г. После получения сверху письма о расследовании этого дела белорусский губернатор Жегулин откомандировал в Шклов заседателя Белорусского главного суда и в помощь ему заседателя Могилевского нижнего земского суда. 14 июня 1799 г. новый белорусский губернатор Белокопытов сообщал генерал-рекетмейстеру, что собранные заседателями факты показывают, «что

Зорич причинял и не перестает чинить Шкловскому еврейскому обществу разные обиды, насилии и наказания»³⁵. Более того, заседатель нижнего земского суда не только не получил от Зорича никаких объяснений на жалобы евреев, но и, «претерпев сам многия от него обиды, решительно объяснился <...> губернатору, что долее не может быть в местечке Шклове для защиты евреев от обид и насильств»³⁶.

Поскольку судебные исполнители не смогли взять у Зорича объяснения «за его упорством», все собранные по делу бумаги в июле 1799 г. были переданы специально назначенному для расследования этого вопроса сенатору Г. Р. Державину. На этом архивное дело обрывается. Смерть же Зорича в ноябре 1799 г. прекратила и само разбирательство.

Данное следственное дело обнаруживает наличие многочисленных фактов различных притеснений евреев Шклова в их торговых и ремесленных делах, а также прямых нарушений юридических прав, вплоть до физического насилия. Разумеется, большая доля вины за это лежит на владельце местечка С. Г. Зориче. Однако нельзя все списывать на издержки характера «шкловского деспота». Не сосредоточиваясь на одной этой фигуре, отметим, что тенденция ограничения евреев в их делах прослеживается в конце XVIII столетия довольно четко. Свидетельством этому является ряд указов 1780-х гг., ограничивающих торговую деятельность евреев, высылка еврейских купцов из Москвы в 1790 г. и другие факты.

¹ Об истории еврейской общины Шклова см.: Еврейская энциклопедия. СПб., [б.г.]. Т. XVI. С. 44—45.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 843, № III-2кр.; оп. 844, № III-7кр.

³ Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 719, лл. 153, 153об.

⁴ Там же, л. 159.

⁵ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 2636, л. 137об.

⁶ Там же, л. 138.

⁷ Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 719, лл. 156об.—158об.

⁸ Там же, ф. 277, оп. 2, д. 329, л. 1.

⁹ Там же, ф. 1239, оп. 3, д. 65347, лл. 1—3.

¹⁰ Там же, лл. 6—6об.

¹¹ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 2636, лл. 106, 122.

¹² Там же, лл. 109об., 137.

¹³ Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 719, лл. 154об.—155.

- ¹⁴ Т а м ж е, ф. 1239, оп. 3, д. 59690, лл. 1—15.
- ¹⁵ *Цинберг С. Л.* Шклов и его «просветители» конца XVIII века // Еврейская старина. Л., 1928. Т. XII. С. 17—44.
- ¹⁶ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 719, лл. 155об.—156.
- ¹⁷ Т а м ж е, лл. 159—159об.
- ¹⁸ Т а м ж е, ф. 7, оп. 2, д. 2636, л. 257об.
- ¹⁹ Т а м ж е, ф. 1355, оп. 1, д. 719, лл. 156—156об.
- ²⁰ Т а м ж е, ф. 1239, оп. 3, д. 39487, лл. 3—3об.
- ²¹ Т а м ж е, д. 64197, лл. 2—3.
- ²² Т а м ж е, ф. 7, оп. 2, д. 2636, лл. 328—331об.
- ²³ Т а м ж е, ф. 1239, оп. 3, д. 58699, лл. 1—1об.
- ²⁴ Т а м ж е, д. 60907, лл. 3об.—4.
- ²⁵ Т а м ж е, д. 37840, лл. 1—1об.
- ²⁶ Т а м ж е, д. 55607, лл. 1—1об.
- ²⁷ Т а м ж е, ф. 7, оп. 2, д. 2636, лл. 44—44об. См. также: *Гессен Ю.* Евреи в России. СПб., 1906. С. 34—37.
- ²⁸ РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2636, л. 56.
- ²⁹ Т а м ж е, ф. 1239, оп. 3, д. 67734, л. 1.
- ³⁰ Т а м ж е, лл. 1—1об.
- ³¹ Т а м ж е, лл. 1об.—2.
- ³² Т а м ж е, л. 2.
- ³³ Т а м ж е, лл. 2—2об.
- ³⁴ Т а м ж е, л. 3.
- ³⁵ Т а м ж е, л. 6.
- ³⁶ Т а м ж е, лл. 6—6об.

Л. Розенберг

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Еврейский элемент становится сколько-нибудь заметным в Поволжье не ранее второй половины XIX в., после некоторого ослабления ограничений, препятствующих еврейскому расселению вне «черты». В первой половине столетия еврейское население в городах региона представлено главным образом солдатами, кантонистами, а также лицами, находящимися там на правах временного проживания. Так, в Саратове в середине века проживало 44 солдата-еврея, среди которых имелись люди семейные, квартировавшие в частных домах¹. Для Казани современный источник указывает цифру обращенных в христианство кантонистов с 1843 — по 1845 г. 258 человек. «В течение 1845 года просветились христианством более 300 чел. евреев, в число которых для этой цели вызвано было несколько чел. из других батальонов самых упорнейших, наконец доведенных до восприятия евангельской истины»². В саратовских батальонах количество детей, подвергнутых крещению за период 1828—1842 гг., составило 576 человек. Согласно официальным данным, число евреев-кантонистов на 1843 г. составляло 1762 человека в казанском батальоне, 328 — в саратовских батальонах и 93 — в симбирском³.

В циркулярном предписании министра внутренних дел А. А. Закревского от 22 мая 1830 г. о евреях, скитающихся по России, называется цифра: 40 семейств в Казани и более 20 семейств в Саратове. В документе отмечается, что «евреи ездят в городах по домам, а в деревнях к помещикам и крестьянам, продают томпаковые вещи за золотья и под предлогом бедности выпрашивают милостыню, тогда как они имеют во всем довольство», и что в Саратове «они праздновали по своему закону Кучки»⁴. В Рыбинске в начале XIX в. на 1498 жителей мужского пола приходится только двое евреев⁵. Когда в 1835 г. в связи с исключением Астраханской губернии из черты оседлости встал вопрос о выселении оттуда евреев, там их оказалось всего 49 человек⁶.

Впрочем, и эти немногочисленные представители еврейского населения постоянно подвергались различным притеснениям, а то и вовсе выселялись в черту оседлости. К 1825 г. относится выселение из Саратовской губернии проживавших там евреев на основании распоряжения о выселении «из уездов, в коих находится секта субботников, или иудейская, и следственных им уездов... всех евреев без исключения, где бы они ни находились»⁷. Выселение евреев из Астраханской губернии после 1835 г. было осуществлено несмотря на ходатайство военного губернатора, указывавшего на чрезвычайную полезность этих людей для края⁸. В этом же ряду стоит и трагическая судьба евреев-кантонистов, «доведенных до восприятия евангельской истины». В «истории» Казани, изданной в 1847 г., отмечается, что «последний подвиг крещения совершен был (1846 — летом) на р. Казанке. Тогда по примеру встретивших их собратий — обратилась вся прибывшая партия и почти уже без влияния на них мер начальства. Хотя бригадный командир полков[ник] Андреев и употребил сначала для обращения евреев в христианство все усилия, но меры были самые кроткия — нисколько не вынудительныя. Он, действуя разными способами на понятия юных евреев лично, к усердному содействию согласил ротных командиров и законоучителей, которые непрерывно следили за их понятиями и, проводивши с ними время, улавливали лучшия минуты сердечных откровений»⁹. Наряду с казанским массовым крещением кантонистов-евреев славились и саратовские батальоны, где также из-за нехватки купелей для крещения приходилось иногда крестить обращаемых прямо в реке¹⁰.

С Казанью связана одна из версий распространенной еврейской легенды о детях, добровольно утопившихся в Волге во время крещения в присутствии самого императора Николая I¹¹. К 1853 г. относится возникновение знаменитого Саратовского дела о ритуальных убийствах.

В царствование Александра II в законодательстве, ранее допускавшем лишь временное проживание евреев вне «черты», появляются положения, делающие возможным появление постоянного еврейского населения во внутренних русских губерниях. Изъятия из прежних законоположений делаются теперь в отношении купцов 1-й гильдии, ремесленников, лиц с высшим образованием, а также членов их семей. Впрочем, лишь сравнительно небольшой процент еврейских ремесленников сумел вос-

пользоваться новыми условиями для поселения в европейской России, в Сибири, Туркестане и на Кавказе¹².

Всероссийская перепись 1897 г., дающая наиболее полные сведения о демографической ситуации в регионе, застает большую часть еврейского населения сосредоточенной в крупных городах — в Нижнем Новгороде и Астрахани (по 2 тыс. человек), в Казани, Саратове и Самаре (по 1 тыс.), в Ярославле и Царицыне (по 700), в Твери (600), в Костроме (450), в Рыбинске (300) и Симбирске (150 человек)¹³.

Что касается динамики изменения численности еврейского населения Поволжья, мы располагаем лишь отдельными сведениями, поддающимися сопоставлению. Так, согласно городской переписи по Костроме, на конец 1867 г. в городе насчитывалось 95 евреев, к 1910 г. их число увеличилось до 480. В Казани к началу 90-х гг. насчитывалось 2801 человек, а к 1910 г. это число сократилось почти втрое (1057 чел.). В процентном отношении данные о еврейском населении городов Поволжья на 1904 г. составляют: для Твери 0,7%, а на 1910 — 1,7%. Для Ярославля соответственно — 1,5 и 1,2%, Костромы — 1,3 и 0,7%, Нижнего Новгорода — 2,6 и 3,1%, Казани — 0,8 и 0,6%, Симбирска — 0,7 и 1%, Саратова — 0,5 и 0,6%, Самары — 1,5 и 2%, Царицына — 1,6 и 1,4%, Астрахани — 1,2 и 2%. Для Рыбинска этот показатель остается стабильным — 1,4%¹⁴.

В конце столетия зафиксировано любопытное предание о происхождении населения села Чепчуги, расположенного в 35-ти верстах от Казани по Сибирскому тракту, от обрусевших ссыльных, среди которых наряду с марийцами, чувашами, татарами были и евреи¹⁵.

Наиболее распространенные среди еврейского населения виды занятий — изготовление одежды, физических, оптических, хирургических инструментов, часов и игрушек, торговля тканями и предметами одежды, торговля вообще. В Нижнем Новгороде, Саратове и Астрахани отмечено участие евреев в полиграфическом производстве, в Самаре — в обработке растительных и животных питательных продуктов. Исключительно важную роль играли евреи в рыбной торговле Астраханского края. Появление железных дорог, соединивших эти местности с западными губерниями, дало им возможность в течение нескольких десятилетий открыть для волжско-каспийской рыбы новые рынки сбыта в России и за границей. Для этого потребовалось введение на промыслах новых способов обработки и упаковки рыбы, в чем

принимали активное участие уборщики и сортировщики — евреи. В прошении евреев — рыботорговцев и рыбопромышленников Астраханского района, поданном в 1908 г. на имя главноуправляющего землеустройством и земледелием, указывается: «Не жалея никаких затрат, евреи приглашали к себе на службу, на время весенних и осенних путин, опытных специалистов рыбного дела (уборщиков, сортировщиков и приемщиков) с берегов Черного и Азовского морей. Эти уборщики и приемщики во время путин пребывали на рыбных промыслах и следили за приготовлением и уборкою купленной нами там рыбы. Таким образом, в продолжение десятков лет мы, при содействии этих специалистов, старались прилагать приобретенный в Черноморско-Азовском крае опыт к многочисленным сортам местной рыбы, непрерывно приспособляясь к ее свойствам, усовершенствуя способы посола, приготовления и уборки и, вместе с тем, применяясь к потребностям и условиям тех местностей, откуда эти уборщики происходили, и всех новых рынков, нами же открытых»¹⁶.

Изданный в середине 80-х гг. в Казани «Иллюстрированный спутник по Волге» содержит довольно подробный, хотя и крайне тенденциозный, рассказ о появлении евреев в городе. «В последнее время в Казани, как и других приволжских городах, стали появляться евреи. Сначала они прибывали сюда понемногу, преимущественно в одиночку, без семейств; затем, осмотревшись, устраивались, выписывали свои семейства, приписывались для виду к какому-нибудь ремеслу, открывали тайные кассы ссуд и «благодетельствовали», снабжая бедный люд деньгами за умеренные проценты (от 5 до 10 к. в месяц). Затем, для лучшей маскировки ростовщичества, евреи заводили маленькую торговлю, причем в предметах торга разборчивы не были. За первыми пионерами потянулись другие.

...Укрепившись в окраинах и нижних кварталах, евреи пополнили выше и заняли прочную позицию в верхней, самой богатой части города. Теперь их магазины переполняют главную улицу — Воскресенскую. Мало того, торговля на Толчке, испокон веков находившаяся в руках татар, очутилась теперь в цепких лапах евреев. Ежегодно являются из Бердичева несколько Брахманов, Гиршфельдов и т. п., нанимают на главных улицах магазины, вывешивают колоссальные вывески с надписью вроде следующей: «Новый британский магазин. Распродажа по небывало дешевым ценам, с уступкою 50%!»

Публика, прельщенная заманчиво выставленными образцами и смехотворными рекламами, усердно посещает «британский магазин». Многие заходят просто от скуки и ради любопытства, потому что у приезжего «британца» всегда имеются кое-какие вещицы пикантного свойства.

Проходит месяц-другой, и на место Брахманов, Гиршфельдов прибывает новая серия жидов, являются новые магазины — «французские», обклеенные афишами, которые начинаются так: «Читатель, стой!!!»

Говоря о недовольстве русских купцов, автор тем не менее отмечает, что «обыватели Казани, непричастные к торговле, относятся к пришельцам-евреям довольно добродушно, именно потому, что они своей конкуренцией много сбавили спеси у местных торговцев». Далее говорится, что «до появления евреев казанские торговцы ходили на каких-то рентьеров, которые запирали магазины в 10 и запирались до всенощной, часу в 6; в праздники все было заперто. Цены на мануфактурные изделия и предметы роскоши стояли выше столичных, так что лучшие вещи выгоднее было выписывать из Петербурга и Москвы»¹⁷.

С 80-х гг. весьма заметным стало количество евреев, приезжающих на Нижегородскую ярмарку в качестве агентов различных фирм из Германии и Царства Польского для продажи мануфактуры лодзинского производства и закупки меховых товаров. В сезон 1886 г. их было зарегистрировано около 40 тыс. По настоянию московского купечества, недовольного конкуренцией более дешевых лодзинских изделий, в 1888 г. на ярмарке была создана специальная «еврейская комиссия», которая должна была проверять законность пребывания евреев на ярмарке¹⁸.

Материалы переписи 1897 г. позволяют сделать вывод о достаточно высоком уровне грамотности еврейского населения Поволжья. Почти во всех крупных городах даже среди лиц женского пола грамотных значится свыше 50%.

Астраханский источник конца столетия сообщает, что в январе 1879 г. в городе «открыт новый молитвенный еврейский дом толка «Сфард»¹⁹. В «Памятной книжке» на 1885 г. в числе духовенства неправославного исповедания называется «раввин (толка Ашкеназ) Аарон Вихман»²⁰. На 1904 г. зафиксированы синагоги и молитвенные дома в Астрахани и Царицыне (по 2), а также в Твери, Рыбинске, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске (по 1)²¹. На 1910 г. отмечены молитвенные дома в Ярославле, Кинешме, Нижнем Новгороде, Симбирске, Сызрани,

Царицыне, Вышнем Волочке, Торжке, Ветлуге, Арзамасе, синагоги в Астрахани (3), в Самаре и Царицыне (по 2), в Твери, Рыбинске, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове (по 1)²².

Местный костромской источник этого же времени, в котором в числе молитвенных домов инославных и иноверных жителей упоминается «синагога без раввина», отмечает: «Храмы иноверцев, впрочем, бедные, деревянные, ничем не замечательные»²³. Для 1910 г. имеются также сведения о еврейских кладбищах в Рыбинске (2), Царицыне (2), Твери, Угличе, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Астрахани, Симбирске и других городах Поволжья.

Хозяйственная деятельность евреев, создававшая конкуренцию русскому купечеству, вызывала враждебное отношение с его стороны, находившее отражение и на страницах печати. «Купечество, присвоившее себе с развязностью узурпатора звание «всероссийского», — пишет современник, — прекрасно знает, что вся Западная Россия во власти «саранчи». Сознание это мутит его, но в единоборство с ней оно что-то не решается вступить, а только язвит ее»²⁴. В конце XIX — начале XX в. предпринималось несколько попыток ограничить проживание или вовсе удалить евреев из Астрахани. В 80-х гг. администрация отказалась от этого намерения вследствие ходатайств самих астраханцев, связанных с евреями деловыми отношениями. В 1895 г. была предпринята новая попытка со стороны большой группы рыботорговцев из Петербурга, Казани, Астрахани, Нижнего Новгорода и Саратова, подавших на имя саратовского губернатора жалобу за 63-мя подписями, в которой проживающие в Царицыне и Астрахани евреи обвинялись в захвате рыбной торговли в низовьях Волги и недобросовестности по отношению к продавцам и покупателям. Ходатайствуя о выселении евреев из Астрахани и Царицына, авторы просили также «войти в сношение с высшим правительством о совершенном устранении или возможном ограничении путем законодательным вредного влияния еврейского элемента на рыбное дело Каспия и Поволжья».

Во встречном ходатайстве рыбопромышленников об оставлении евреев в г. Астрахани указывалось, что эти обвинения «не могут иметь другого источника, кроме личной неприязни, питаемой к евреям как к конкурентам торговцами, подписавшими жалобу. Для упомянутых торговцев было бы, может быть, значительно выгоднее, если бы они являлись единственными покупа-

телями товаров у промышленников, тогда они могли бы нам диктовать какие угодно цены и предписывать какие угодно условия». К этому добавилось ходатайство Астраханского биржевого комитета в пользу евреев перед астраханским губернатором, вследствие чего новая попытка вытеснения евреев из рыбного дела также окончилась неудачей.

В 1908 г. противникам евреев удалось наконец одержать победу и добиться соответствующего распоряжения министра внутренних дел. «В число обреченных к выселению были включены не только иногородние торговцы, приезжавшие за покупкою рыбы... но и люди, много лет назад поселившиеся со своими семействами с ведома местной же полиции.

Многие торговцы, не успев сделать свои покупки, поспешно уехали домой; многие, застигнутые врасплох, должны были с громадными для себя убытками в 24 часа покончить со своими делами. Не успевшие в такой короткий срок покончить со своими торговыми делами или хотя бы собрать в путь членов своего семейства и предметы первой необходимости безжалостно заключались в тюрьму и отправлялись по этапу к месту их приписки»²⁵.

Примерно в это же время в Твери была предпринята попытка высылки торговца-еврея, обвиненного в том, что он обвешивает покупателей. «Из жалобы выяснилось, что еврей этот, свыше 70 лет от роду, уже несколько лет лежит разбитый параличом. Сыновья его действительно торгуют, но обвешивать им едва ли придется, так как они торгуют лесом»²⁶.

Несмотря на значительную удаленность от «черты» район Поволжья также оказался затронутым волнами погромов. На Нижний Новгород (слобода Кунавино) пришелся страшный погром 1884 г., сопровождавшийся человеческими жертвами, который завершил погромную волну 80-х гг. Одним из главных мотивов, которыми руководствовались погромщики, было стремление к грабежу и уверенность в почти полной безнаказанности любых действий против евреев. Эта трагедия, происшедшая в старинном русском городе, где количество евреев было незначительно, своей непредсказуемостью и жестокостью напугала власти и заставила их на время положить решительный конец дальнейшему распространению погромов²⁷.

В октябре 1905 г. погромы произошли в Твери, Ярославле, Казани и Саратове (4 из 24 вне «черты»). Причиной казанского погрома было совершенно очевидное стремление нанести удар по конкуренту. Торговцы явились здесь инициаторами погрома.

в котором, в отличие от других городов (кроме Феодосии), принимали активное участие татары²⁸. Проявлением антисемитизма, связанного с университетскими кругами, был выпуск в 1901 г. в Казани листовки, подписанной «группой русских студентов», где указывалось, что процент еврейского студенчества по отношению ко всей массе еврейского населения России значительно превышает соответствующий процент русского населения, а отмена процентной нормы для евреев приведет к тому, что «евреи на государственной службе, при их тесном национальном объединении, при отсутствии у них общечеловеческих стремлений, задавят всю невежественную русскую массу, которая не в силах бороться с ними, и оснуют в России новое Иудейское царство Авраама, Исаака и Иакова»²⁹.

В заключение приведем некоторые сведения об общественно-политической жизни еврейского населения Поволжья в начале XX в. Довольно значительное распространение в различных поволжских городах получил «Еврейский товарищеский союз» — культурно-просветительская организация еврейских учащихся средних учебных заведений. Деятельность союза заключалась в создании библиотек, изучении национального вопроса и еврейской истории, чтении рефератов, организации бесед, а также оказании помощи в продолжении образования за границей тем членам союза, которых процентная норма лишила возможности учиться в России³⁰.

Запрет на издание печатной продукции на еврейском языке во время войны заставил Бунд перенести свою агитацию за создание фонда еврейской рабочей печати на страницы выходившей в Самаре социал-демократической газеты «Голос» («Наш голос»)³¹. В самом же Поволжье ко времени первой областной конференции Бунда летом 1917 г. большинство организаций были сравнительно молодыми. Общее количество членов партии, представленных на конференции, составляло около полутора тысяч человек, из которых 250 приходились на Казань, 225 на Саратов, 200 на Царицын. В резолюции о местном самоуправлении предусматривалось включение в избирательную платформу партии пунктов о создании еврейских народных школ светского характера на родном языке учащихся в составе общей школьной сети, финансируемой органами местного самоуправления. Предполагалось также создание светских еврейских общин публично-правового характера, функции которых должны были ограничиваться исключительно вопросами культуры. Конферен-

ция решительно осудила выдвижение общеврейских избирательных списков и призвала местные организации Бунда «энергично бороться против этих списков, разоблачая их классовый характер»³².

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода, охватывающего около полувека (60-е гг. XIX в.— 1917), евреи в Поволжье составляют незначительную в процентном отношении, но уже достаточно заметную группу городского населения с совершенно определенным профилем торгово-ремесленной деятельности. Для еврейской общины этого времени характерен высокий уровень грамотности и значительное развитие религиозной жизни. В начале века наряду с хозяйственной сферой она обретает свое лицо в области культурной и политической деятельности. Враждебное отношение к евреям в рассматриваемое время существовало в торговых кругах городского населения Поволжья и было порождено в основном конкуренцией, хотя, разумеется, существовали и другие мотивы.

¹ *Тривус М.* Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. СПб., 1912. Вып. 3. С. 254.

² *Баженов Н. К.* Казанская история. Казань, 1847. Ч. 3. С. 77.

³ *Гинзбург С. М.* Мученики-дети (Из истории кантонистов-евреев) // Еврейская старина. Л., 1930. Т. 13. С. 55—56.

⁴ Документы из эпохи Николая I (Из киевских архивов). Сообщ. И. Галант // Еврейская старина. 1914. Вып. 1. С. 104—105.

⁵ Описание города Рыбинска. Печатается по рукописи, написанной в 1811 г., с планом города и предисловием издателя. Рыбинск, 1910. С. 18—19.

⁶ *Гессен Ю.* О жизни евреев в России // *Толстой И. И., Гессен Ю.* Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907. С. 5.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ *Гессен Ю.* О жизни евреев в России. С. 5; *Оршанский И. Г.* Еврейская торговля и внутренние губернии // *Оршанский И. Г.* Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 87—88.

⁹ *Баженов Н. К.* Казанская история. Ч. 3. С. 77—80.

¹⁰ *Гинзбург С. М.* Мученики-дети... С. 76—78.

¹¹ *Бейлин С. Х.* Из рассказов о кантонистах // Еврейская старина. 1909. Т. 2. Вып. 3. С. 118. К 1834 г. относится посещение Николаем I Казани, где он «изволил осматривать город с заботливостью отца-монарха, делать смотр войску из бессрочно отпусковых, посещать разные места, заведения и основать ныне возводимый дворец». Летом 1837 г. состоялось посещение Казани наследником престола, будущим Александром II. Как отмечает современник, «в столовой баталионов военных кантонистов на память посещения его высочества 21-го июля на пьедестале под стеклянным колпаком хранятся: оловянные лошкя, миска, солонка и кружка с золотою на них надписью, которые были употребле-

ны во время пробы наследником престола пиши» (*Баженов Н. К.* Казанская история. Ч. 2. С. 126—127, 133). Возможно, эти события и дали повод для приурочения легенды к Казани.

¹² *Бланк Р. М.* Роль еврейского населения в экономической жизни России. СПб., 1908. С. 35—36.

¹³ Все расчеты выполнены по изданию: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 2, 14, 18, 25, 36, 38, 39, 43, 50. СПб., 1904.

¹⁴ *Сырцов И. Я.* Город Кострома в его прошлом и настоящем. Кострома, 1909. С. 40—41; Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892. С. 165; Города России в 1904 году. СПб., 1906; Города России в 1910 году. СПб., 1914.

¹⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1901. Т. 6. С. 352.

¹⁶ *Бикерман И. М.* Роль евреев в рыбном деле // Очерки по вопросам экономической деятельности евреев в России. СПб., 1913. Вып. 1. С. 211.

¹⁷ *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884. С. 170—171.

¹⁸ *Мельников А. П.* Очерк бытовой истории Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород, 1917. С. 169—170. Очерк истории еврейской общины в дореволюционном Нижнем Новгороде — см.: *Лудалов Б.* Архивные материалы в изучении дореволюционной истории еврейской общины Нижнего Новгорода // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М., 1992. С. 155—164.

¹⁹ *Штылько А.* Астраханская летопись. Астрахань, 1897. С. 67.

²⁰ Памятная книжка Астраханской губернии на 1885 г. Астрахань, 1885. С. 131.

²¹ Города России в 1904 году.

²² Города России в 1910 году.

²³ *Сырцов И. Я.* Город Кострома... С. 38.

²⁴ *Крушеван П. А.* Что такое Россия? Путевые заметки. М., 1900. С. 88.

²⁵ *Бикерман И. М.* Роль евреев в рыбном деле. С. 192—209.

²⁶ *Клячко Л. М.* За чертой. В провинции // Еврейская летопись. М.; Л., 1924. Сб. 3. С. 158.

²⁷ *Дубнов С.* Из истории восьмидесятых годов // Еврейская старина. Пг., 1916. Вып. 4. С. 368—370.

²⁸ *Ривин Д.* Исторические итоги погромной эпохи // Еврейская старина. 1911. Вып. 3. С. 424—426.

²⁹ *Шатилова Т.* Эпизоды из жизни евреев-студентов (1886—1910 гг.) // Еврейская летопись. М.; Пг., 1923. Сб. 2. С. 147—148.

³⁰ *Агасфер.* Еврейский Товарищеский Союз. Настроения учащейся молодежи в первые годы XX века // Еврейская старина. 1918. Т. 10. С. 176—178.

³¹ *Канторович В. А.* Бунд накануне Февральской революции // Еврейская летопись. Сб. 2. С. 51.

³² Краткий отчет о 1-й Поволжской областной конференции «Бунда» (15—19 июня 1917 г.). Саратов, 1917.

В. Энгель

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В «ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ» САМОДЕРЖАВИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Отношение самодержавия к еврейскому населению России представляет собой уникальное явление во внутренней политике царизма. Это объясняется особым положением евреев даже среди нерусского населения страны, которое, согласно существовавшему законодательству, делилось на два разряда. К первому относились те, «коих права по состоянию, — как писал председатель Высшей комиссии для пересмотра действовавших о евреях в империи законов граф К. И. Пален, — определяются общими для всех природных обывателей законами», ко вторым — те, «коих права по состоянию определены особыми положениями»¹. Если к первому разряду принадлежали армяне, грузины, греки и другие «оседлые инородцы», то ко второму — семь различных категорий кочевников («сибирские инородцы, самоеды Архангельской губернии, кочевые инородцы Ставропольской губернии, калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губернии, киргизы Внутренней Орды, инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, инородческое население Закаспийской области») и еврей².

В конце XVIII в. между правительственной политикой в отношении национальных меньшинств первого и второго разрядов возникли серьезные противоречия. Если для первой была характерна определенная тенденция к либерализации, вполне естественная для такого многонационального и многоконфессионального государства, каким стала Россия в тот период, то для второй — усиление ограничений. Если первая на протяжении XVII—XIX вв. теряет все основные признаки классического насильственного ассимиляторства (то есть поглощения одним народом других при навязывании им своего языка, обычаев,

религии и культуры), то вторая в то же время эти признаки приобретает.

Как следствие к концу 80-х гг. XIX в. в национальной политике русского царизма назревает кризис. Затронув все народы «второй категории», он наиболее болезненно отозвался на евреях — в силу их повышенной (сравнительно с кочевниками) экономической и политической активности, а также из-за географических особенностей расселения — в силу их тесной соприкасаемости с «коренным населением» империи. Упорное (активное и пассивное) неприятие еврейским населением дискриминационной политики царизма заставляло самодержавие ужесточать уже конкретно антиеврейские меры, что приводило лишь к углублению кризиса в национальной политике русского правительства применительно к «еврейскому вопросу».

Этот кризис нашел свое проявление как во внешней, так и во внутренней политике. Представители финансовых кругов целого ряда Западных стран отказали России в предоставлении кредитов и займов. Осложнились отношения самодержавия с некоторыми демократическими правительствами стран Запада, прежде всего США, которые с 70—80-х гг. прошлого века стали уделять все больше внимания положению евреев в Восточной Европе. К этому времени также стало ясно, что и внутривнутриполитический курс русского правительства в отношении евреев не только не достиг поставленной цели (то есть ассимиляции или изгнания из страны), но начал приносить явно отрицательные для режима результаты. Еще в 1887 г. министр финансов, а затем председатель Комитета министров Н. Х. Бунге писал, что «все ограничительные меры вызывали со стороны евреев усиленную борьбу за существование, увеличили их нищету, фанатизм и отчуждение от остального населения»³. Подтверждением этих слов явился начавшийся во второй половине XIX в. активный рост народнического и революционного движения в еврейской среде. Все это не могло не беспокоить определенные круги в правительстве, прежде всего руководителей двух министерств — внутренних дел и финансов, которые лучше других представляли все последствия данного курса для экономического и политического развития империи.

Постепенно в условиях сформировавшегося жесткого курса в отношении евреев, направленного на их аккультурацию, асси-

миляцию и вытеснение из страны, в недрах правительства зарождается новая линия, заключающаяся в стремлении частично сбалансировать, сгладить противоречия между общенациональной политикой государства и политикой в отношении евреев, между «общими» и «особыми» положениями русского законодательства об «инородцах». По сути дела, речь шла об отказе от политики насильственной ассимиляции в отношении еврейского населения России.

На протяжении почти 30 лет проводниками этой новой либеральной тенденции в «еврейской политике» царизма являлись такие русские государственные деятели, как уже упоминавшиеся К. И. Пален и Н. Х. Бунге, министры внутренних дел В. К. Плеве и П. Д. Святополк-Мирский, министры финансов, а затем председатели Совета Министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцев и, наконец, П. А. Столыпин, возглавлявший на протяжении пяти лет (1906—1911) Совет Министров и Министерство внутренних дел. Все эти люди, занимавшие высокие посты в императорском правительстве, отнюдь не отличались демократическими или юдофильскими убеждениями, но каждый из них прекрасно сознавал, насколько важным для внутренней и внешней политики правящего режима являлось безболезненное решение «еврейского вопроса».

Тем не менее очевидно, что и в условиях авторитарного режима отдельные даже высокопоставленные лица не могли самостоятельно определять правительственный курс в национальной политике. Новая либеральная тенденция испытывала на себе влияние самых различных внутри- и внешнеполитических факторов, от соотношения которых в конечном счете и зависели перспективы ее развития.

Если влияние международного еврейского финансового капитала, позиция демократических сил внутри страны и за рубежом, рост нищеты еврейского пролетариата и высокий процент его политизации заставляли правительство форсировать либерализацию своей «еврейской политики», то антисемитизм реакционной части Совета Министров, Синода и Госсовета, находивший понимание у царствующего дома, а также стремление самодержавия оградить свои политические и экономические структуры от еврейского (в том числе международного) влияния тормозили принятие реформы.

Равновесие между либеральной и реакционной тенденциями

было весьма неустойчивым, и любое его нарушение вело к крутым поворотам в «еврейской политике» русского правительства.

Тем не менее к концу 90-х гг. прошлого века такое равновесие сложилось, что позволило сторонникам реформ приступить к реализации своей программы. Первые изменения коснулись права жительства евреев в империи. Это проявилось в указах и определениях 1-го департамента Правительствующего Сената по делам конкретных лиц, попавших под действие законов 1882 и 1887 гг., еще более сузивших в то время черту еврейской оседлости. Начиная с 1897 г. подавляющее большинство таких дел решалось в пользу евреев⁴, что в дальнейшем становилось прецедентом для местных властей.

Данный процесс получил свое продолжение и в начале XX в., особенно в 1903—1904 гг., чему во многом способствовала реакция демократической общественности внутри страны и за рубежом на еврейский погром в Кишиневе в апреле 1903 г. Спровоцированный черносотенцами при фактической поддержке бессарабского генерал-губернатора, этот погром явился не только причиной новой антирусской кампании на Западе, прежде всего в США, но и последней каплей, переполнившей чашу терпения представителей международного банковского капитала. Именно после кишиневского погрома целый ряд крупных американских и английский банков, контролировавшихся еврейским капиталом, начинают финансирование Японии в ходе ее подготовки к войне против России⁵.

Все это заставило Министерство внутренних дел Российской империи форсировать реформы. В частности, с мая по декабрь 1903 г. указом министра В. К. Плеве евреям было разрешено селиться в 158 местечках, ранее запрещенных для проживания⁶. 6 марта 1904 г. тот же В. К. Плеве приостановил личным приказом выселение евреев из тех мест, где они жили нелегально⁷. В том же году было снято запрещение на жительство евреев в так называемой 50-верстной пограничной зоне.

Говоря о реформах того периода, необходимо сказать и о новом Уставе о паспортах, принятом в 1903 г. В нем был расширен перечень профессий, обладатели которых — евреи — получили право жительства вне черты оседлости. Также ликвидировались многие запреты на право жительства в России иностранных граждан еврейского происхождения (хотя в целом их так и не приравнивали в этом отношении к прочим иностранцам).

В общем, за период с 1897 по 1904 г. либеральная тенденция в «еврейской политике» была явно преобладающей. За все это время не было принято ни одного сколько-нибудь серьезного антиеврейского акта. Поэтому, хотя в ходе реформ ни экономические, ни политические права еврейского населения страны затронуты не были, можно с уверенностью сказать, что предпринятые тогда меры ясно обозначили тенденцию на преодоление существовавших различий между гражданско-правовым статусом евреев и других «инородцев», в том числе «второго разряда».

Революция 1905—1907 гг., будучи несомненно важным этапом в развитии демократического процесса в России, в том числе в области межнациональных отношений, практически не решила «еврейского вопроса». Сняв все ограничения с «инородцев» «второго разряда», самодержавие не изменило ни одного законодательного акта, направленного против евреев, кроме запрета на участие в выборах. Вычленение евреев из среды всех остальных «инородцев», населявших империю, приобретает в это время еще более отчетливый характер.

Действительно, в Манифесте 12 декабря 1904 г., отменившем ограничительные законы в отношении национальных меньшинств, вопрос о евреях не поднимался. Присутствовала лишь оговорка о том, что эта проблема будет рассмотрена позже. Известный Манифест 17 октября 1905 г., декларирующий право всех российских подданных, в том числе и евреев, участвовать в выборах в Государственную думу, не затронул экономических, политических и иных ограничений, налагававшихся на эту часть населения Российской империи.

Более того, указ 1-го департамента Сената от 8 августа 1907 г. за № 7071 подтвердил, что евреи «с возвращением в иудейство подлежат исключению из обществ, к коим приписаны, и выселению в черту оседлости». Таким образом, после 1907 г. евреи были уже юридически противопоставлены другим национальным меньшинствам, населявшим империю, а противоречие между двумя направлениями национальной политики самодержавия (теперь уже «еврейским» и «нееврейским») возросло еще больше.

То, что процесс реформаторства в национальном вопросе фактически не затронул прав и свобод российских подданных иудейского вероисповедания, в определенной степени объясняется неорганизованностью и расколом еврейского национально-

освободительного движения в России того времени. Многие еврейские организации и партии не приняли активного участия в революции. Евреи же, участвовавшие в революционной борьбе, за исключением, пожалуй, Бунда, меньше всего выдвигали специфически еврейские требования и ограничивались демократическими лозунгами тех партий и групп, на стороне которых они боролись за общую свободу.

Тем не менее основная причина торможения либеральных реформ в «еврейском вопросе» состоит в том, что сама логика процесса демократизации национальной политики самодержавия неминуемо вела к углублению и еврейской реформы. Все свидетельствовало о необходимости принятия более радикальных мер, касающихся как права жительства в империи подданных иудейского вероисповедания, так и их экономических и гражданских прав. Очевидно, что осуществление таких мер требовало уже не только волевого решения того или иного министра или даже главы правительства, но участия в этом всей верхушки исполнительной и законодательной власти страны, вплоть до императора. В данных условиях начинается конфронтация между сторонниками и противниками либерализации «еврейской политики». Поэтому, хотя фактически за все годы революции было утверждено лишь одно законоположение, касавшееся евреев, причем принятое только на уровне МВД*, в целом либеральная тенденция не ослабевает, но встречает растущее сопротивление со стороны реакционной части государственных институтов власти.

Данное положение подтверждается анализом документов Совета Министров и Государственной думы. Так, в декабре 1906 г. председатель Совета Министров П. А. Столыпин представил в Думу (и получил ее одобрение) законодательное предположение, призванное устранить полицейское регулирование в 25-ти губерниях, входивших в черту еврейской оседлости, и ликвидировать ограничения, касавшиеся торговли евреев. Этот законопроект был заблокирован лично Николаем II⁸. Законотворческую инициативу в направлении либерализации «еврейской политики» проявила и Государственная дума, причем в ее наиболее реакционном, третьем, составе. 31 мая 1910 г. в Думу был внесен

* 22 мая 1907 г. министр внутренних дел подписал циркуляр, приостановивший выселение евреев из запрещенных для их проживания мест в районе черты оседлости.

законопроект за подписью 166(!) депутатов об «отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое».

Характерно, что, представляя этот законопроект депутатам 9 февраля 1911 г., член ЦК партии кадетов В. А. Маклаков говорил, что «закон о черте оседлости сам по себе есть один из тех законов, который невозможно помирить с тем правовым порядком, который обещан России 17 октября...»⁹. Большинство голосов этот законопроект был передан в комиссию по неприкосновенности личности для доработки и принятия его Думой¹⁰.

В то же время происходил процесс активизации правых сил, прежде всего в правительстве и Госсовете, которые, как уже указывалось, опирались на поддержку царствовавшего дома. По воспоминаниям В. Н. Коковцева, именно позиция императора в рассматриваемый период не позволила принять целый ряд законов и постановлений, направленных на облегчение участи евреев в России¹¹.

Опасаясь начавшегося после поражения революции организационного и политического оформления еврейского национально-освободительного движения в России, правые уже в 1907 г. развернули борьбу против «еврейского национализма», добившись тогда запрещения сионистских организаций, а в 1910 г. — еврейского колонизационного и эмиграционного общества «Палестина»¹².

Таким образом, если с 1897 по 1904 г. процесс постепенной либерализации «еврейской политики» царизма проходил сравнительно легко, то с началом первой русской революции, когда вопрос о более радикальных реформах встал особенно остро, начинается его торможение, вызванное противодействием правого крыла в органах законодательной и исполнительной власти Российской империи.

Тем не менее с 1905 по 1911 г. в верхних эшелонах власти сохранялось неустойчивое равновесие сил. Однако к декабрю 1911 г. соотношение различных аспектов внутренней и внешней политики страны применительно к этому вопросу изменилось. Сложилась все условия для победы консервативных сил. Либеральные реформы были свернуты. Почему же это произошло?

Парадоксально, но поводом к таким серьезным внутривнутриполитическим изменениям послужила денонсация администрацией

Соединенных Штатов Америки договора с Российской империей о торговле и мореплавании, заключенного еще в 1832 г. Соединенные Штаты и раньше проявляли повышенный интерес к положению евреев в России и всегда болезненно реагировали на любые акты дискриминации по отношению к этому национальному меньшинству. Во многом это объяснялось многократным увеличением еврейского населения США за счет эмиграции из Восточной Европы в 70—80-х гг. прошлого века, но в основном сказывались демократические традиции, характерные для общественного устройства и общественного сознания этой страны. В данном случае расторжение торгового договора было осуществлено американским правительством в ответ на многолетнее нежелание русского самодержавия признавать паспорта американских евреев и приравнять их правовой статус в России к статусу граждан США нееврейского происхождения.

Но если антисемитская политика царизма являлась на протяжении почти 30 лет причиной бурного общественного протеста в США, то логическое завершение этого протеста в виде мощной антирусской кампании с последующей денонсацией перспективного торгового договора вызвало обратную реакцию в России. В стране произошел взрыв русского шовинизма, сопровождавшийся консолидацией консервативных сил в органах законодательной и исполнительной власти империи. Таким образом, внешний фактор, оказывавший до тех пор стимулирующее воздействие на процесс либерализации «еврейской политики» царизма, набрал ту критическую массу, которая перевела его в разряд негативных.

Случившееся не было чем-то неизбежным, его можно было предотвратить усилиями российского правительства, прежде всего Министерства иностранных дел. Но руководство МИД, опираясь на информацию посла в Вашингтоне Ю. П. Бахметева, известного юдофобскими настроениями, рассматривало факт денонсации американской администрацией торгового договора с Россией как результат «еврейской агитации» и деятельности политических противников президента В. Тафта в преддверии предстоявших в 1912 г. выборов, а не как закономерное завершение объективных общественных процессов, происходивших длительное время в Соединенных Штатах. Считая, что данный «инцидент» произошел из-за того, что «американцы покуда еще стоят на весьма примитивной ступени общественного разви-

тия»¹³, русский посол Ю. П. Бахметев исправно посылал в С.-Петербург депеши, в которых характеризовал набирающую обороты антирусскую кампанию как «чисто жидовскую <...> искусственную агитацию, основанную на наивном неведении американской публики, даже образованной, и на стремлении оппозиции впутать правительство в неприятное дело»¹⁴. Исходя из этого, Ю. П. Бахметев советовал не идти ни на какие уступки американцам, но только лишь «во имя наших постоянных, настоящих и будущих торговых интересов позолотить американцам пилюлю»¹⁵. Под этим понимались пустые, не подкрепленные конкретными действиями обещания.

МИД России был очень хорошо информирован о событиях, предшествовавших расторжению договора: ежедневно в С.-Петербург отправлялись шифровки с подробными описаниями всех акций, происходивших в США в ходе общественной кампании за денонсацию русско-американского торгового договора¹⁶. Более того, из императорского посольства в Вашингтоне в адрес министра иностранных дел С. Д. Сазонова поступали сообщения и с иными оценками антирусской агитации в Америке, нежели те, которые делал Ю. П. Бахметев. В частности, советник посольства князь Н. В. Кудашев писал, что в уме американцев «не укладывается мысль, что возможно проведение такого различия между людьми на основании различия их веры; они потому легко поддаются действию еврейской агитации»¹⁷. «Об этой агитации, — писал он в другой своей депеше, — серьезные люди здесь обыкновенно отзываются как о чем-то, не отражающем истинных чувств американского народа: она предпринята лишь для политических целей данной минуты. Но <...> американцы могут постепенно и помимо собственной воли быть вовлеченными дальше, чем то думают. Во всяком случае, — подчеркивал Н. В. Кудашев, — еврейская агитация есть проявление несомненно возрастающей силы евреев, и с ней приходится считаться американскому правительству, к какой бы партии оно ни принадлежало. А потому с ней приходится считаться и нам»¹⁸. Еще раньше, в феврале 1911 г., когда в Соединенных Штатах только еще началась кампания за денонсацию, тот же Н. В. Кудашев обращал внимание своего правительства на «вред, приносимый нашему нравственному обаянию за границей отсталостью некоторых положений нашей паспортной системы, вызывающих раздраже-

ние, нисколько не ограждая нас от прилива в Россию самых нежелательных иностранных элементов»¹⁹.

Однако руководству МИД, представлявшему наиболее реакционную группировку в правительстве, более импонировала точка зрения Ю. П. Бахметева (кстати, Н. В. Кудашев в скором времени был отозван из США).

Эта точка зрения возобладала и на заседании Совета Министров, который, собравшись 15 декабря 1911 г. на совещание, посвященное вопросу о прекращении торгового договора с США, постановил, что, поскольку «истинною причиною, побудившею правительство республики на предпринятую им меру, являются домогательства пользующихся исключительным влиянием в Америке евреев, стремящихся занять в России привилегированное, сравнительно с другими иностранными евреями, положение», императорское правительство «в этом отношении... не пойдет ни на какие уступки»²⁰.

Перспективы русско-американской торговли, престиж России на международной арене, как видим, правительство не волновали. Более того, не без участия правительственных средств массовой информации в стране была развернута антиамериканская пропагандистская кампания. В конце 1911 г. наметилась на базе антиамериканизма консолидация правых и центристских сил в обществе.

Наиболее ярко это проявилось в прессе. Не только черносотенные или русские националистические газеты заполнились в это время враждебными материалами, но и октябристская и даже правительственная печать, обычно избегавшая прямых недружественных выпадов против Америки, поместила на своих страницах целый ряд оскорбительных для Соединенных Штатов статей²¹.

Процесс сближения правых и центристов на этой платформе происходил и в Государственной думе. Практически правая, националистическая и октябристская фракции в русском парламенте выступили в тот момент единым фронтом под лозунгом «борьбы за национальное достоинство против американского засилья». Несмотря на попытки американских дипломатических представителей в Москве и С.-Петербурге сгладить впечатление, произведенное на членов Думы односторонней акцией президента США, фракция «Союза 17 октября» и правые внесли на рассмотрение депутатов соответственно 9 декабря 1911 г. и 16

января 1912 г. законодательные предположения о повышении таможенных пошлин на американские товары на 100% и о «недопущении евреев — граждан Северо-Американских Соединенных Штатов к приезду в Россию»²².

Однако в правительственных, парламентских и особенно в промышленных кругах вскоре поняли всю опасность осложнения отношений с США. Уже 12 декабря 1911 г. в С.-Петербурге под председательством члена Госсовета В. Авдакова состоялось заседание Комитета совета съездов представителей торговли и промышленности, на котором русские предприниматели буквально обрушились на октябристов и их лидера в Думе А. И. Гучкова за «неосмотрительность и поспешность... относительно повышения пошлины на ввозимые из Америки товары»²³. Подобные заседания прошли также в Москве, Твери и других городах страны.

В интервью газете «Русское слово» член Госсовета В. И. Тимирязев по этому поводу пояснил, что «угроза октябристов по адресу Америки ... едва ли будет иметь хоть какое-нибудь практическое значение, так как не Америка находится в зависимости от России, а наоборот — Россия от Америки. Наш ввоз в Америку,— отметил В. И. Тимирязев,— достигает в общем ввозе 1,5%, тогда как Америка ввозит к нам 3—4%. Мало того, она ввозит такие продукты, как хлопок и сельскохозяйственные машины, без которых не могут обойтись ни мануфактурная промышленность, ни сельское хозяйство»²⁴.

Действительно, по сообщению «Торгово-промышленной газеты», «прекращение русско-американского торгового договора ... побудило Главное управление землеустройства и земледелия наметить целый ряд мер для устранения или хотя бы постепенного ослабления зависимости некоторых отраслей русской промышленности от американского ввоза. Прежде всего,— писала газета,— оно обратило внимание на главнейший предмет этого ввоза — хлопок ... Стремясь обеспечить русский рынок собственным хлопком, Главное управление предприняло в последнее время меры, направленные к расширению площади орошаемых земель и развитию отечественного хлопководства». С этой целью были «испрошены средства (свыше 9 млн. руб.) на орошение северо-восточной части Голодной степи в Туркестане и центральной части Муганской степи в Закавказье...»²⁵. Что же касается сельскохозяйственных машин, то правительство вынуждено было

предпринять срочные усилия для изыскания возможности их импорта из Швеции, Германии и Австро-Венгрии²⁶.

Представители русских правительственных и торгово-промышленных кругов прекрасно понимали, что в случае принятия Думой предложенных октябристами и правыми законопроектов эти расходы могли значительно увеличиться.

В результате волна антиамериканизма стала постепенно спадать и уступила место более «безопасной» антисемитской кампании, во многом инспирированной противниками либерализации «еврейской политики».

Так, выступая в Думе, член националистической фракции В. Мотовилов заявил: «Для меня, как для русского человека, это (то есть денонсация русско-американского торгового договора. — В. Э.) является, во-первых, — обидным, во-вторых, — незаслуженным... Это тем более, что мы лично не столько критикуем Америку, как *те начала еврейские*, которые, заведясь в Америке, сделали огромный вред нашему отечеству, рассорив нас с нашими бывшими друзьями-американцами»²⁷.

«Вся история с торговым договором, — писала черносотенная газета «Земщина», — задумана и осуществлена не американцами, а евреями»²⁸.

Это разделение граждан США на «природных» и «евреев-иностранцев», дикое для самих американцев, было с готовностью подхвачено русскими консервативными кругами и использовано для разжигания антисемитизма в империи. Шовинистическая кампания с особой силой развернулась в начале 1912 г. Требования правых партий были сформулированы в книге В. П. фон Эгерта «Надо защищаться». Объявив Россию последним оплотом в «борьбе с мировым еврейством», автор призвал правительство «возвратить всех евреев без исключения в черту оседлости и постепенно сузить саму черту», запретить прием евреев в учебные заведения, в адвокатуру и прессу, «уменьшить численность еврейства в России насколько это возможно. Для этого — всемерно поощрять эмиграцию евреев, не останавливаясь тут, если нужно, и перед крупными денежными затратами»²⁹.

«Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела» приступили к лоббированию государственных учреждений с целью оказания поддержки своим законопроектам о недопущении евреев в Россию.

С этого момента, то есть с декабря 1911 г., и вплоть до начала первой мировой войны еврейская реформа в Совете Министров и Государственной думе больше не обсуждалась. Проект отмены черты оседлости был похоронен в думской комиссии по неприкосновенности личности.

Более того, правительство в этот период само присоединилось к антисемитской кампании, развернутой правыми. В частности, именно тогда правительственная газета, издававшаяся на деньги Министерства внутренних дел, — «Россия», — поместила на своих страницах ряд материалов, объяснявших известные Ленские события «провокацией англо-еврейской компании», а тяжелое положение русских рабочих в Галиции — «польско-еврейским засильем»³⁰.

Ярким примером поражения либералов в «еврейском вопросе» является фигура В. Н. Коковцева. В. Н. Коковцев был известен как горячий сторонник постепенной отмены антиеврейских ограничений, особенно в экономической области, еще с 1906 г. Став премьер-министром после убийства П. А. Столыпина в сентябре 1911 г. анархистом, евреем по происхождению Богровым, он немедленно и публично отмежевался от черносотенцев, призывавших тогда к еврейским погромам. Денонсация русско-американского договора и последующие события заставили его отказаться от реализации прежней программы. Так, уже в декабре 1911 г. в интервью журналу «Collier's» по поводу расторжения данного трактата он был вынужден фактически оправдать существование в империи антиеврейских законодательных норм³¹.

Как видим, в создавшейся обстановке сторонники либеральных мер оказались не в состоянии осуществлять свою политику.

Таким образом, в результате консолидации правых и центристских сил в законодательных и исполнительных органах власти, начавшейся в стране антисемитской кампании, продолжения недружественных России выступлений еврейских организаций США, к которым иногда присоединялись известные общественные деятели этой республики, либеральная тенденция в «еврейской политике» русского самодержавия потерпела крах.

Внешний фактор, то есть денонсация русско-американского договора 1832 г., оказался в данном случае лишь поводом. Но этот камень увлек за собой лавину. Хрупкое равновесие между различными аспектами внутри- и внешнеполитического развития Российской империи было нарушено. Скрытые в обществе про-

цессы, определявшие политику правительства по отношению к еврейскому населению, активизировались. В результате перевес оказался на стороне реакции.

Это в очередной раз показало, насколько неустойчиво политическое равновесие в условиях авторитарного режима, исповедующего великодержавную идеологию: любые перемены не только внутреннего, но и внешнего характера могут пагубно сказаться на усилиях сторонников реформ, привести к кардинальному изменению политики в области межнациональных отношений и усилению национального гнета.

¹ *Пален К. И.* Тайная докладная записка виленского генерал-губернатора о положении евреев в России. Женева, 1904. С. 11.

² Законы о состояниях. СПб., 1899. Кн. 1. Разд. 5. Ст. 762.

³ Справка к делу об исполнении Комитетом министров возложенного на него Именным Высочайшим указом 12 декабря поручения по выяснению способов осуществления предусмотренных в Указе преобразований. СПб., 1904. С. 22.

⁴ Сборник законов о евреях с разъяснениями и определениями Правительствующего Сената и циркулярами министерств. СПб., 1904. С. 8—10.

⁵ *Scherman A.* German-Jewish Bankers in World Politics: The Financing of the Russo-Japanese War // *Leo Back Institute Year Back*. 1983. Vol. XXVIII. P. 59—73.

⁶ *Rogger H.* Jewish Politics and Right-Wing Policies in Imperial Russia. 1986. P. 79.

⁷ Там же. P. 80.

⁸ *Winter C.* The Influence of Russo-American Treaty of 1832 on the rights of American-Jewish citizens // *Publication of American-Jewish Historical Society*. 1951. Vol. XLI, № 2. P. 176.

⁹ Государственная Дума: Стенографический отчет. Созыв 3-й, сессия 4, заседание 54. СПб., 1911. С. 1544.

¹⁰ Там же. С. 1609—1610.

¹¹ *Rogger H.* Jewish Politics... P. 93.

¹² Указ Правительствующего Сената № 1080 // *Право*. 1910. № 8.

¹³ *Ю. П. Бахметев — С. Д. Сазонову*, 20.12.1911 / 2.01. 1913 (Архив внешней политики России МИД СССР (далее — АВПР), ф. «2-й Департамент МИД», оп. 408, д. 54, л. 111).

¹⁴ *Ю. П. Бахметев — А. А. Нератову*, 12/25 ноября 1911 (там же, л. 59).

¹⁵ *Ю. П. Бахметев — С. Д. Сазонову*, 7/20 декабря 1911 (там же, л. 87).

¹⁶ Подробнее см.: *Энгель В. В.* «Паспортный конфликт» // *США: Экономика, политика, идеология*. 1990. № 4. С. 36—41.

¹⁷ *Н. В. Кудашев — А. А. Нератову*, 12/25 октября 1911 (АВПР, ф. 170 «Посольство в Вашингтоне», оп. 512/1, д. 274 а, л. 22).

¹⁸ Памятная записка кн. Н. В. Кудашева, 2/15 ноября 1911, Вашингтон (там же, д. 274 б, л. 5).

¹⁹ *Н. В. Кудашев — С. Д. Сазонову*, 1/14 февраля 1911 (АВПР, ф. 133 «МИД. Канцелярия», оп. 470, д. 133, л. 25).

²⁰ Особый журнал Совета Министров, 15 декабря 1911 (АВПР, ф. «2-й Департамент МИД», оп. 408, д. 54, лл. 102—103).

²¹ Голос Москвы. 1911. № 281—284; Россия. 1911. № 1867, 1871, 1872.

²² Государственная Дума: Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 3-й, сессия 5, 1911—1912 гг. СПб., 1912. С. 493.

²³ Раннее утро. 1911. 13 дек. С. 3.

²⁴ Русское слово. 1911. 10/23 дек. С. 7.

²⁵ Торгово-промышленная газета. 1912. 14/27 янв. С. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ Государственная Дума: Стенографический отчет. Созыв 3-й, сессия 5, 1911—1912 гг. СПб., 1912. С. 2213—2214.

²⁸ Земщина. 1911. 24 дек. С. 2.

²⁹ *Фон Эгерт В. П.* Надо защищаться. СПб., 1912. С. 32.

³⁰ Россия. 1912. 12/25 мая. С. 2.

³¹ Collier's. 1911. № 19. P. 10.

В. Гусев (Киев)

**О ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМАХ,
ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ
И ЭМИГРАЦИИ ЕВРЕЕВ ИЗ УКРАИНЫ
(1917—1921 гг.)**

Гражданская война в России принесла огромные страдания еврейскому населению. «Десятки лет культивируемое на Украине презрение к жиду»¹ вылилось в волну кровавых погромов, которые прокатились по значительной части территории республики. «По еврейству, распятому на наковальне, бьет не один молот, не два, а все молоты, — подчеркивал один автор, — которые только работают на этом диком и злом грунте. Они бьют без усталости, днем и ночью, летом и зимою»². Можно только удивляться позиции ЦБ евсекций при ЦК РКП(б), которое в 1921 г., рассматривая вопрос «О борьбе с погромами и бандитизмом», определило всего две группы погромов, а именно те, которые «творились регулярными и нерегулярными частями армии Петлюры, Григорьева, Деникина, белополяков, Булаховича — Савинкова и других контрреволюционных агентов Антанты», а также те, которые «творились и творятся в период затишья на фронтах мелкими бандами»³. Как видим, о подобных бесчинствах, которые имели место в период советской власти, ничего не говорится.

А между тем начнем именно с этого. Над евреями на Украине издевались, грабили, убивали, унижали их национальное достоинство в городах, местечках, селах, на территориях, где советская власть уже была установлена. В материалах, помещаемых на страницах республиканских изданий в 1919 г., подчеркивалось, в частности, что «погромная волна, которая прокатилась по Украине, ставит вопрос о борьбе с антисемитизмом в повестку дня, как основной вопрос нашей партийной тактики»⁴.

12 февраля 1919 года Советское правительство вынуждено было опубликовать в печати обращение к рабочим, крестьянам,

солдатам Красной Армии, в котором обращало их внимание на антисемитскую пропаганду, которая проводилась темными силами в губерниях. Все сознательные граждане обязывались бороться против самосудов, насилия, грабежей по отношению к евреям, немедленно сообщать о тех, кто подстрекает, призывает к преступным действиям, содействовать их задержанию. Подчеркивалось, что органами власти все участники погромов будут осуждены, вплоть до расстрела.

На следующий день, 13 февраля 1919 г., правительство Советской Украины издало декрет о недопустимости агитации, направленной на разжигание национальной вражды. В документе отмечалось, что виновные в подобной деятельности подлежали немедленному аресту, их поступки — рассмотрению в революционном трибунале, согласно приговору которого они осуждались на пять лет лишения свободы. За аналогичные действия на фронте, а также в войсковых подразделениях и гарнизонах провокаторы и подстрекатели получали наказание вплоть до расстрела⁵.

Однако это и другие обращения и декреты не дали ожидаемого эффекта. Советская власть практически не могла остановить антисемитских выступлений. Хотя ее органы на местах пытались «говорить и кричать очень энергично»⁶ об этих безобразиях, погромы не прекращались. Заметным было участие в них частей Красной Армии, солдаты которых добывали для себя продовольствие и обмундирование у еврейского населения⁷. Не случайно 30 мая 1919 г. ЦК КП(б)У, в связи с чрезвычайной остротой антиеврейских выступлений, вынужден был вынести данный вопрос на рассмотрение Политбюро⁸.

Погромы начались не с приходом советской власти. Они имели место на Украине в 1917—1918 гг., в период Центральной рады. В это время представители еврейских политических партий, которые входили в ее состав, напоминали, что «волна погромов не только не падает, а все возрастает и они уже насчитываются каждый день не десятками, а сотнями. Теперь уже недостаточно отдельных распоряжений, нужна общая мера»⁹. Правительство разрешало создавать отдельные еврейские дружины для усмирения беспорядков. Появлялись приказы, обращения к войскам с требованиями прекратить безобразия. Издавались распоряжения о предании суду тех, кто разрешает преступные действия. Но желаемого результата это не приносило.

³ Вестник Еврейского университета № 3(7)

Подстрекала антисемитские настроения часть украинской печати. Если «Нова Рада» констатировала, что «сейчас враждебное и даже угрожающее настроение против евреев несомненно существует и что это настроение нарастает и принимает все более угрожающие формы»¹⁰, то «Відродження» прямо обвиняла евреев в предательстве национальных интересов Украины и заявляла, что там, «где творится украинская государственность, нет евреев как активных работников, нет их увлечения, подвижности, энтузиазма, но где она разрушается, там в основном работает еврейство»¹¹. Его представителям предлагалось быть «совершенно нейтральными, стоять в стороне и не вмешиваться в большой процесс эмансипации украинства от еврейства, быть политически скромными»¹².

Не прекращалась волна кровавых эксцессов в то время, когда на Украине к власти пришел гетман П. Скоропадский. Совету Киевской еврейской общины нужно было срочно направить делегацию к министру внутренних дел И. О. Кистяковскому, чтобы проинформировать его об усилении безобразий по отношению к евреям, а последнему заверить гостей, что он не допустит нарушения прав этой уважаемой части населения независимой державы, и издать соответствующее распоряжение губернским и уездным старостам¹³.

С новой силой вспыхнули антиеврейские выступления во времена Директории. Погромы стали настолько заметными, что правительство вынуждено было в начале 1919 г. опубликовать заявление, в котором заверило, что эти злодеяния организованы не солдатами республиканской армии, а немцами и теми, «кто именуется себя большевиками». Поэтому демократическое еврейство призывалось «энергично бороться с теми отдельными анархо-большевистскими элементами, которые выступают враждебно против трудового народа Украины и против его государственности»¹⁴.

Директория решила в мае 1919 г. создать Особую комиссию, которая должна была всесторонне расследовать факты еврейских погромов на территории Украины и осудить преступную агитацию против еврейского населения, выявить виновных и привлечь их к уголовной ответственности. В июле того же года опубликован приказ головного атамана С. Петлюры, в котором он обязывает всех командиров частей, а также представителей государственного инспектора лично наблюдать за тем, чтобы в местах их

расположения не проводилось малейшей погромной агитации. Но и это, как и другие распоряжения, оставалось на бумаге.

Деникинская эпопея продолжалась на Украине недолго, но по интенсивности и жестокости еврейских погромов Добровольческая армия значительно обогнала предыдущие войсковые и полувойсковые формирования. И прежде всего своей организованностью и масштабностью. «Грабили повзводно, поротно, позэскадронно,— констатировала подпольная киевская газета «Голос народа»,— грабили солдаты, прапорщики, полковники»¹⁵.

И также издавалось множество приказов, как в Киеве в начале октября 1919 г., в которых отмечалось, что задачей деникинцев «является быстрее установление твердого порядка, личной и имущественной безопасности, без которых невозможна нормальная цивилизованная жизнь»¹⁶. Тут же населению города объявлялось, что там, где «ступила нога Добровольческой армии, не может быть ни грабежей, ни насилия, а тем более каких-либо эксцессов на почве национальной или религиозной вражды»¹⁷. Но именно после таких заявлений еврейское население столицы Украины на неделю было отдано победителям на разграбление¹⁸.

Командование Добровольческой армии не скупилось на обещания принять самые суровые меры по отношению к тем, кто участвовал в антисемитской пропаганде. Но в конце концов вынуждено было признать, как это сделал А. И. Деникин, принимая делегацию представителей ряда еврейских общин России и Украины, что «трудно ждать чего-нибудь доброго от людей, полностью оподлившихся. Это же не добровольцы, которые шли в армию добровольно, это настоящий сброд»¹⁹.

В эти трагические дни некоторые газеты позволяли себе публиковать оскорбительные материалы, в которых напоминали еврейскому населению, что ему приходится терпеть такие издевательства потому, что «часть его продана Ленину, принимала участие в разрушении России, а не возрождении государственности и таким образом пыталась завоевать свободу своему народу. Единственный путь к спасению евреев от погромов — это бить себя в грудь, посылать пеплом голову и всенародно, во всех синагогах, каяться в том, что сыны Израиля принимали такое активное участие в большевистском шабаше»²⁰.

В литературе приводятся разные оценки масштабов погромов во время кровавых событий гражданской войны²¹. Так, например, по мнению С. М. Дубнова, на Украине в тот период было

совершено 887 крупных и 349 меньших по размерам погромов²². Советская делегация на Генуэзской конференции в апреле 1922 г. сообщала, вероятно, несколько преувеличенные данные, согласно которым в Вольнской, Подольской, Киевской, Черниговской губерниях пострадало от зверств 500 тыс. человек. Из этого числа заживо похороненных и сожженных — более 200 тыс. Изнасилованных женщин зарегистрировано 30 тыс.²³

Пыталось ли Советское правительство Украины облегчить судьбу еврейского населения? Кое-что в этом направлении делалось. В 1919 г. в системе Народного комиссариата социального обеспечения созданы Центральная секция помощи погромленным и ее органы на местах, которые должны были оказывать помощь «трудовому народу, который пострадал от еврейских погромов». Намечалось восстанавливать орудия труда и оборудование, покалеченных обеспечивать медицинской помощью, инвалидов устраивать на посильную работу, а тем, кто окончательно потерял трудоспособность, назначать пенсию, и т. д.

Намерения хорошие. Но вызывает удивление оптимистический тон публикаций, которые появлялись на страницах республиканских газет по поводу того, как много сделано для пострадавших от погромов. Здесь и густая сеть учреждений детской помощи, охраны материнства, и столовые, клубы, и молочные кухни, дома для сирот, а для взрослых многочисленные пункты питания, амбулатории, кураторские пункты и т. д. К тому же предпринимались все меры к привлечению евреев в сферу производственной деятельности.

Напомним, что именно в этот период было отклонено предложение губернских бюро (ГБ) евсекций при ЦК КП(б)У о создании Особой комиссии по предоставлению помощи еврейскому населению, пострадавшему от погромов²⁴. В ответе Наркомата социального обеспечения отмечалось, что он «оказывает помощь всем гражданам Республики, которые пострадали от контрреволюции (которыми рассматриваются все пострадавшие от погромов), независимо от национальности»²⁵. Практически все обращения ГБ евсекций в губкомы, губревкомы по этому вопросу оставались без ответа²⁶.

Вообще ЦК КП(б)У считал, что ГБ евсекций берет на себя слишком много в организации помощи еврейскому населению, обращаясь с соответствующими записками во Всеукраевком, «не спрашивая нашего мнения»²⁷, при этом поучает, что «только

государство сможет решить данную проблему» и «никакие благотворительные частные общества не могут и не должны браться за это дело»²⁸.

Наверное, поэтому в 1920 г. Политбюро ЦК КП(б)У так долго рассматривало предложение евсекций об организации Всеукраинского комитета помощи погромленным. Наконец было решено, что этот орган должен работать, но «при условии создания там нашего (коммунистического.— В. Г.) большинства», под контролем советской власти и на «средства, полученные из-за границы»²⁹.

То же самое можно сказать и о создании еврейской самообороны. Казалось, нужно безотлагательно поддержать эту инициативу. Но Оргбюро ЦК КП(б)У решило по-своему. «Еврейские отряды самообороны, которые созданы по национальному, а не классовому признаку, должны быть ликвидированы,— говорилось в его постановлении, принятом в начале 1920 г.,— с нынешнего состава еврейской самообороны привлечь пролетарские элементы и бедноту в существующие или те, которые организуются, отряды по борьбе с бандитизмом, составленные не по национальному, а по классовому признаку»³⁰. При этом разоружение еврейских отрядов намечалось провести без лишнего шума, с предельной осторожностью, привлекая к этому делу евсекции партийных комитетов.

Позиция КП(б)У и евсекций совпадала в отношении к еврейским общественным организациям, которые также пытались помогать пострадавшим от погромов. Среди них — Союз трудящихся еврейских масс («Сетмасс»), Общество ремесленного труда евреев (ОРТЕ), Комиссия оказания помощи евреям (КОПЕ) и другие, которые в той или иной мере использовались в привлечении бедноты к производительному труду. На совещании представителей евсекций, которое состоялось в Харькове в апреле 1920 г., этим учреждениям оказывалось серьезное внимание в воспитании у подрастающего поколения «настойчивой трудовой психологии и отвращения к торгу и спекуляции и вообще ко всем древним еврейским ремеслам»³¹.

Парткомы и евсекции считали, что эти организации должны работать под непосредственным большевистским контролем, обязательно должны иметь в руководящем составе коммунистическую фракцию. Вместе с тем они не могли рассчитывать на материальную поддержку советской власти.

Так, ОРТЕ могло рассчитывать на выживание «только при условии использования через него особых общественных средств, главным образом из-за границы»³². Если же выяснится, что «общественных средств у ОРТЕ в ближайшее время не будет», нужно ставить вопрос о целесообразности его существования³³. Приблизительно такой же ответ был отослан КОПЕ, когда была высказана просьба выделить ей деньги для нормальной работы.

Евсекции беспокоило, чтобы подобные общественные учреждения не превратились в самостоятельные политические организации, тем самым усиливая свой авторитет. Когда, по мнению представителей евсекций, какая-либо из них превышала свои полномочия, то их тут же объявляли националистическими, которые якобы «крикливо пропагандировали свою преданность «национальным» интересам народных масс», «не брезговали низкопробной клеветой в России и за рубежом и не останавливались перед саботажем немедленного разрешения острых вопросов»³⁴. Как правило, после такой характеристики вставал вопрос об их закрытии.

О нелегкой судьбе еврейских благотворительных учреждений, вызывавших тревогу у официальных властей, можно убедиться, проследив историю «Сетмасса». В его уставе было записано, что он ставит перед собой задачу «распространения идей коммунизма и советской власти среди еврейских трудящихся масс», «привлекая их к советскому социалистическому строительству», «содействует созданию разного рода производственных артелей, сельскохозяйственных и других коллективов (коммун)», «в тесном контакте с хозяйственными интересами и требованиями государства»³⁵.

Было четко сформулировано, что «членами «Сетмасса» могут быть только те, кто стоит на платформе диктатуры пролетариата (советской власти)»³⁶. Но руководство евсекций неоднократно напоминало работникам данной организации о необходимости не привлекать туда нежелательные элементы, а только тех, кто, «согласно Конституции Советской Республики, пользуется избирательным правом в Советские органы»³⁷. В марте 1920 г. главному комитету «Сетмасса» было поставлено на вид за принятие в его ряды непроверенных лиц и еще раз заявлено, что действительными членами учреждения могут быть только ремесленники, а все другие должны проходить трехмесячную проверку на лояльность³⁸. А для того, чтобы сетмассовцы не смогли компромети-

ровать советскую власть, в этом месяце ГБ евсекций постановило «не выдавать им трудовых карточек, чтобы предотвратить возможную спекуляцию ими»³⁹.

Довольно долго в ЦК КП(б)У рассматривали проблему субсидий «Сетмассу». Наконец летом 1920 г. постановили выдать ему 500 тыс. рублей, но «предложить в дальнейшем обращаться в Москву»⁴⁰, где и решался вопрос о его существовании. ЦБ евсекций при ЦК РКП(б) в начале октября 1920 г. решило «считать поддержку «Сетмасса» излишней», так как « всю работу «Сетмасса», как агитационную и пропагандистскую, так и экономическую, должен вести еводдел Наркомнаца»⁴¹. А на места пошло распоряжение « всю организационную и пропагандистскую работу «Сетмасса» в ее положительной части передать евсекциям РКП(б)». А тем временем положение еврейского населения Украины не улучшалось. Об этом красноречиво свидетельствует телеграмма, которую направил в 1920 г. уже упоминаемый Всеукраинский комитет помощи погромленным правительствам, парламентам, руководителям еврейских общин многих стран мира. В ней с отчаянием сообщалось, что катастрофа, которую переживают евреи, «не имеет себе примера со времен резни Хмельницкого... Все ужасы, которые еврейству выпали за два последние столетия, в частности все кровавые жертвы в последнюю мировую войну, бледнеют перед тем, что творится сейчас»⁴².

В документе не отрицалась помощь, которую оказывали Советское правительство Украины, Международный Красный Крест погромленным, «но она не может быть достаточной при беспрецедентном масштабе народного несчастья, при ужасной разрухе всей окружающей жизни... Двухмиллионное еврейство вымирает, и гибель его в нынешних условиях неизбежна»⁴³. Чтобы этого не случилось, необходимо «немедленно присылать отряды помощи, продукты питания, одежду, орудия труда, все то, чего нам здесь не хватает и чего не могут заменить никакие денежные суммы»⁴⁴. «Призовите все народные силы на борьбу с ужасом и позором, которые творятся с украинским еврейством, помните об этом каждый день, каждый час»⁴⁵ — такими словами заканчивалась телеграмма.

Необходимо отметить, что этот отчаянный призыв был услышан евреями во многих странах Запада. Так, из Лондона сообщали, что местные евреи обязались посылать ежемесячно по 1200

фунтов стерлингов своим братьям на Украине⁴⁶. А в Нью-Йорке был организован комитет помощи украинским голодающим, который осенью 1921 г. собрал для этого 5 млн. долларов⁴⁷. Денежных переводов и посылок было такое количество, что евоцдел Наркомнаца РСФСР и ЦБ евсекций при ЦК РКП(б) издали распоряжение местным органам создать комиссию по их распределению⁴⁸. Им даже рекомендовалось «поднять кампанию по усилению потока писем в Америку», так как от этого во многом зависит получение необходимой помощи из этой страны⁴⁹.

Из центра на места стали поступать указания, как именно необходимо распоряжаться присланными средствами. И прежде всего кого можно привлекать к этой серьезной работе. Так, отделом национальных меньшинств НКВД Украины была отклонена кандидатура П. Похвалинского из Вознесенска на Николаевщине в состав соответствующего комитета, ибо до революции он являлся подпольным адвокатом, был осужден на 2,5 года за неблагоприятные действия, а «сейчас осужден на 10 лет концлагеря за взятки в пользу видного соработника, как будто бы»⁵⁰.

А когда Еврейское колонизационное общество (ЕКО) из Парижа прислало на имя гражданина Любарского (а не в советские органы) 400 тонн посевного материала для еврейских колоний Украины, то по этому случаю завязалась оживленная переписка между советскими органами. ЕКО обвинили в нелегальной доставке товаров, которые следует конфисковать⁵¹.

Вместе с тем евсекции беспокоила активность разных благотворительных учреждений, которые создавались для оказания помощи пострадавшим евреям. Так, их руководство при ЦК КП(б)У в августе 1920 г. узнало, что «скоро начнет функционировать так называемый еврейский общественный комитет, который владеет большими средствами из Америки». Может случиться так, что «всю инициативу организации экономической помощи возьмет на себя этот комитет», а у трудящихся «сложится впечатление, что советская власть не способна удовлетворить их запросы и что это сможет сделать только еврейская благотворительность»⁵². К тому же вызывала подозрение самостоятельность этого комитета, который уже начал переговоры с разными наркоматами по поводу своей работы. Поэтому решено предпринять все, чтобы поставить на место его активистов и организовать контроль за каждым их шагом.

На страницах большевистских газет отдельные работники

отдела национальных меньшинств НКВД Украины, а также евсекций высказывали удивление в связи с тем, что «на помощь еврейской бедноте неожиданно поспешили буржуазные заправилы торгового капитала: финансисты «Джойнта» из Америки, банковские тузы ЕКО из Парижа, «ОЗЕ и ОРТЕ» из Берлина, коалиция бывших бундовцев, поалей-ционистов, раввинов и буржуазных сионистов из Харбина и целый ряд организаций из Константинополя и других стран». «Поэтому евсекции губкомов и национальные органы Советской власти должны в корне предупредить националистическую вакханалию. В противном случае еврейский пролетариат Украины ощутит на себе весь яд религиозно-националистического обмана, который уже начинает распространяться»⁵³.

Возможно, руководствуясь такими рекомендациями о деятельности, бюро Одесского губкома КП(б)У, рассмотрев вопрос о деятельности АРА в городе, сделало вывод, что данное учреждение «в своей деятельности, кроме работы по оказанию помощи, преследует контрреволюционные цели, собирает вокруг себя контрреволюционные элементы». Было предложено ЦК КП(б)У в будущем при составлении договоров с подобными американскими организациями местным органам «предоставлять санкции не только политического, но и административно-хозяйственного контроля»⁵⁴.

«Классовое чутье, пролетарская гордость» вынуждали с подозрением относиться к благим намерениям всех зарубежных учреждений, которые предлагали помощь населению республики. Казалось, что плохого в письме берлинского комитета помощи голодающему еврейскому населению в России, в котором сообщалось, что «для выработки наиболее целесообразного плана помощи голодающему еврейскому населению в России и на Украине мы просим сообщить точные и детальные данные о состоянии на местах»⁵⁵. Предлагалось высказать суждения, каким образом следует посылать средства и какие формы помощи наиболее эффективны.

Действительно, все правильно. Но кто подписал письмо во Всеукраевком? Председатель комитета Д. Марголин и его заместитель Ш. Аронсон. И на документе появляется резолюция отдела национальных меньшинств НКВД Украины: «Подписи раввина Ш. Аронсона и бывшего петлюровского министра Д. С. Марголина говорят сами за себя»⁵⁶. Оказывается, нужно было

иметь дело только с еврейскими рабочими организациями, добиваться выделения пролетарских элементов из таких учреждений, как «Джойнт» и другие, и только от них получить необходимую помощь⁵⁷.

Таким образом, положение евреев на Украине после гражданской войны складывалось так, что значительная их часть не могла рассчитывать на эффективную помощь советской власти. Об этом довольно убедительно говорилось в меморандуме ЦК ЕКП (Поалей Цион) «К вопросу о состоянии еврейских масс на Украине (в связи с эмиграцией)», направленном в мае 1921 г. в адрес ВЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов. В нем, в частности, отмечалось, что катастрофа, в которой оказалась еврейская беднота на четвертом году социальной революции, объясняется тем, что «до этого времени Советской властью почти ничего не было сделано для перестройки экономической жизни» данной части населения республики на новых основах. Чинились препятствия ее стремлению заняться сельскохозяйственным трудом, создавать индустриальные артели, получать необходимые профессиональные знания и т. д.⁵⁸. Игнорировалась работа, которую проводят в этом направлении такие организации, как «Сетмасс» и другие⁵⁹.

Именно поэтому в 1920—1922 гг. шла массовая эмиграция, в том числе нелегальная, евреев из Украины. «Евреи оставляли обжитые места, бросали на произвол судьбы дома и имущество и целыми партиями отъезжали в Польшу для дальнейшего проезда в Америку», — говорилось во многих сообщениях из губерний в центральные органы⁶⁰. Эмиграционная волна была наиболее значительной в Подолии и на Волыни, где опустошенными оказались многие местечки. Вполне справедливым был вывод, что «психология массового бегства из Советской России начинает все больше проникать в еврейские массы»⁶¹. В упомянутом выше меморандуме екапистов подчеркивалось, что «одним только усилением охраны государственной границы ничего не сделать, поток беженцев его прорвет»⁶². Нужно искоренить причины этого явления, и оно прекратится без каких-либо насильственных мер, которые имели место в то время.

Руководство ЕКП (Поалей Цион) предлагало правительству Украины разработать «единый план перестройки еврейской экономической структуры и безотлагательно приступить к осуществлению его в жизнь»⁶³. По его мнению, этим процессом должна

руководить специальная комиссия при ВЦИК Советов, которая «разработала бы план всей будущей работы»⁶⁴, а также органы еврейского пролетарского самоуправления на местах. Такими могли бы стать национальные рабочие Советы, созданные из соответствующих секций при советских учреждениях⁶⁵. Екаписты требовали покончить с «опекой над еврейскими массами бюрократической еврейской канцелярии»⁶⁶. Конечно же, имелись в виду евсекции, которые вносят в еврейскую среду лишь деморализацию, идейный шантаж, геморрой пролетарской диктатуры»⁶⁷.

Понятно, что реакция ГБ евсекций при ЦК КП(б)У на подобные предложения своих противников была отрицательной. В докладной записке, отправленной секретарю ЦК в мае 1921 г., предложения екапистов таким образом решить наболевший «еврейский вопрос» квалифицировались евсекцией как узконационалистический подход и расценивались как неприемлемый для коммунистической партии и нереальный для практического осуществления. Подчеркивалось, что все предложенное ими для вовлечения евреев в строительство новой жизни является задачей не особой комиссии при ВЦИК, а еводела Наркомнаца Советской России, его органов на местах, которые много делают в этом направлении⁶⁸.

В первой половине 1921 г. большие потоки беженцев направились к границам Украины с соседними государствами, особенно с Румынией. Многие по дороге подвергались грабегам, обману со стороны темных дельцов, которые наживались на человеческом горе. Беженцы не имели жилья, продуктов питания, необходимой медицинской помощи. А те, кто смог нелегально перейти границу, попадали в руки румынских жандармов, которые из «избиения евреев делали себе профессию»⁶⁹.

Ситуация становилась угрожающей. 30 марта 1921 г. ВЦИК Советов позволил пропускать беженцев в Румынию, которые намеревались отправиться в Америку⁷⁰. В ответ на это заведующий еводелом ЦК КП(б)У И. Альтшулер обратился с докладной запиской к секретарю ЦК о необходимости усиления борьбы с эмиграцией путем проведения эффективной пропаганды среди населения. Было предложено не поручать этого дела екапистам, а сделать прерогативой еводелов парткомов, усилив их необходимым количеством работников⁷¹.

Но 2 апреля 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление, которое практически разрешало всем желающим ев-

реям выезжать из Украины⁷². 11 и 14 апреля ГБ евсекций высказало свое непонимание того, что «при обсуждении в Политбюро довольно сложного вопроса еврейской жизни как в республике, так и за границей не был приглашен представитель еводела ЦК, наиболее компетентного в подобных вопросах органа партии»⁷³. Высказывалось несогласие с формулировкой «не препятствовать эмиграции, пытаться удержать трудоспособных» в постановлении Политбюро.

Было отмечено, что принятый документ только навредит советской власти. Ведь «такое общее постановление о пропуске евреев за границу вызовет массовую эмиграция евреев, в то время как неевреям такая эмиграция будет запрещена». «Кроме того, выпускать за границу многотысячную массу евреев, беженцев и погромленных, даже тех, которые находятся на Румгранице, значит предоставить сионистским и другим буржуазным организациям, которые поднимут широкую кампанию помощи беженцам из Советской России, основу для грязной клеветы, для лживых радио в Америке, Англии и т. д.»⁷⁴. Высказывалось желание, чтобы ЦК «пересмотрел принятое им решение в сторону обязательного ограничения категорий тех, кто эмигрирует»⁷⁵.

Через несколько дней ГБ евсекций внесло на рассмотрение в ЦК свои предложения об изменении постановления ЦК по этому вопросу. В нем рекомендовалось не препятствовать выезду за границу женщинам с несовершеннолетними детьми к своим мужьям, родителям к детям на лечение, лицам женского пола к родственникам или семьям, которые получили разрешение на выезд. Но ни в коем случае не отпускать круглых сирот, обеспечив их элементарными условиями проживания на Украине⁷⁶. Эти замечания были позднее приняты Политбюро ЦК «с малыми изменениями об эмиграции, предложенными еводелом»⁷⁷.

В дальнейшей работе по данной проблеме евсекции парткомов использовали тезисы А. Мережина, одного из руководителей ЦБ евсекций при ЦК РКП(б), об эмиграции, подготовленные им для обсуждения на IV Всероссийской конференции евсекций. Согласно А. Мережину, все желающие выехать за границу делились на три категории: бывшие владельцы-капиталисты, к которым необходимо относиться как к дезертирам и врагам Советской республики и возможным участникам борьбы капиталистических держав с нами; те люди, которые надеялись за границей найти покой и избавление от пережитых и перенесенных ужасов граж-

данской войны и погромов, которым нужно разъяснять тщетность надежд на лучшую жизнь в буржуазном рае, но наиболее деморализованным из них не препятствовать; граждане, связанные семейными узами с государствами эмиграции, которым нужно помогать восстанавливать родственные связи⁷⁸.

Следует подчеркнуть, что взгляды евсекций на эмиграцию отличались от точки зрения екапистов по этому вопросу. «Регулированная эмиграция в Палестину или, вернее, колонизация Палестины — единственный путь конструирования еврейского коммунистического общества, — утверждали их руководители. — Только таким путем сможет закончиться та длительная экономическая революция, которая с огромными жертвами и потерями, путем болезненных процессов создает еврейскую пролетарскую нацию»⁷⁹.

«При такой постановке вопроса единственная группа, которая действительно вынуждена эмигрировать из страны (Советской России. — *В. Г.*), это те полусемьи, те хозяйственно пассивные (несамостоятельные) элементы, главы семей которых раньше эмигрировали в другие страны, там обосновались и сейчас ждут приезда последних, от них зависимых членов семьи, — говорилось в том же меморандуме екапистов. — Этой группе эмигрантов необходимо всемерно облегчать их проезд к «активным» членам семьи»⁸⁰.

Пока решался вопрос, кому из евреев разрешалось эмигрировать, положение 12 тыс. беженцев на границе с Румынией продолжало резко ухудшаться. Местные органы советской власти не имели материальных средств для оказания им помощи⁸¹. В то же время Совнарком Советской Украины не брал на себя ответственность вести переговоры с румынской стороной, которая отказывалась пропускать этих несчастных людей через свою территорию для дальнейшего следования в Америку⁸². Считалось, что это дело должна отрегулировать еврейская община Румынии⁸³.

Летом 1921 г. делегатам от беженцев удалось побывать в Румынии, встретиться там с руководством еврейской общины, а также с представителями еврейских организаций Америки, которые в итоге договорились с румынскими властями по этому вопросу. Чтобы окончательно решить проблему и передать крупные материальные ценности, которые они собрали погромленным, правительство Украины разрешило американским евреям посетить Харьков⁸⁴.

До осени 1921 г. эти и другие организационные вопросы, в том числе пропуск беженцев через румынскую границу, были решены. Все дело эмиграции евреев, в основном в Америку, взял в свои руки евоцдел Наркомнаца РСФСР. Согласно разработанному им плану, прежде всего могли покинуть Советскую Россию женщины, которые отправлялись к мужьям, дети до 18 лет, которые ехали к родителям, родители старше 60 лет, которых ждали дети, братья и сестры, которые желали объединиться со своими близкими⁸⁵.

Все желающие эмигрировать за границу должны были зарегистрироваться в установленном порядке в местных органах евоцдела Наркомнаца РСФСР и районных комиссиях евоцщесткома, которые отправляли составленные списки в Американское бюро для передачи их главам семей в Америке. Последние оформляли необходимые документы, в том числе вызов своим родственникам, получали на их приезд в США разрешение, о чем сообщалось советской стороне. Только после этих юридических формальностей отъезжающим разрешалось образовывать группы и передвигаться к определенным пунктам для отправки за границу⁸⁶.

Вскоре отдел национальных меньшинств НКВД Советской Украины выпустил специальную листовку, в которой разъяснял еврейским трудящимся порядок отъезда за границу. Предлагалось не доверять письмам и телеграммам с вызовами от неизвестных людей, из других стран, а также агитации, которую проводили подозрительные личности. Приводились факты убийств, грабежей, тайных исчезновений тех, кто желал контрабандным способом эмигрировать в США⁸⁷.

Какое количество евреев эмигрировало из Украины в 1920—1921 гг.? По нашим оценкам, 150—200 тыс. человек. Если говорить о США, то там было принято решение, согласно которому с 1 июля 1921 г. по 1 апреля 1922 г. число иммигрантов из Советской России не должно было превышать 3% от их общего количества⁸⁸. Получалось, что за этот период из Советской России (в том числе и Украины) туда могло прибыть 35 тыс. человек. При этом устанавливалась помесечная квота, и те, кому не повезло в нее попасть, оставались в пункте отправки⁸⁹.

Необходимо также учитывать, что сыграла свою роль довольно жесткая политика ограничения категорий людей, которым разрешался выезд за границу, и четкое выполнение ее положений

местными органами советской власти. В частности, распоряжений Совнаркома Украины о том, что «беженцев, которые не имеют достаточных оснований для выезда за границу», возвращать на прежнее место жительства⁹⁰, а также «квалифицированную рабочую силу оставлять и предоставлять работу»⁹¹ и др.

Комиссии по реэвакуации евреев-беженцев, созданной Совнаркомом Украины и ВЦИК Советов, приходилось следить не только за этим, но и предоставлять помощь тем, кого удавалось уговорить вернуться домой. Таких, кстати, выявилось незначительное количество, но и они наталкивались на определенные препятствия. В связи с введением нового железнодорожного тарифа беженцы-евреи снова оказались в отчаянном положении, так как не имели денег, чтобы приобрести билет на проезд⁹². Только после обращения президиума евообщесткома в отдел национальных меньшинств НКВД Украины с просьбой помочь этим людям бесплатно добраться в свои местечки удалось решить данную проблему.

Но и после возвращения беженцев ждали нелегкие испытания. Не давало необходимого эффекта привлечение евреев к индустриальному и сельскохозяйственному труду. Затем начались эксперименты с созданием коллективных хозяйств среди тех, кто пожелал осесть на земле.

Но это уже иные сюжеты, иные темы.

¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее — ЦГАОО Украины), ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 24.

² Красная летопись. 1923. № 7. С. 410.

³ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 776, л. 26.

⁴ Коммунист. 1919. 3 июня.

⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВО Украины), ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 74.

⁶ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 24об.

⁷ ЦГАВО Украины, ф. 1, оп. 1, д. 2242, лл. 1 об, 11, 39 и др.

⁸ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 21.

⁹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Харьков, 1928. С. 410.

¹⁰ Еврейская мысль. 1918. 1 апр.

¹¹ Відродження. 1918. 8 травня.

¹² Т а м ж е.

¹³ Еврейская мысль. 1919. 13 сент.

¹⁴ Киевский коммунист. 1919. 14 янв.

- ¹⁵ *Мстиславский С.* Погромы (Из воспоминаний о деникинщине на Украине) // *Былое*. 1925. № 1(29). С. 184.
- ¹⁶ Т а м ж е.
- ¹⁷ Т а м ж е.
- ¹⁸ *Жизнь национальностей*. 1920. 27 апр.
- ¹⁹ *Еврейская летопись*. М.—Л., 1923. Сб. 3. С. 67.
- ²⁰ *Киевлянин*. 1919. 8 окт.
- ²¹ См. обзор работ по этой проблеме: *Greenbaum A. Bibliographical Essay // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russia History*. Cambridge, 1992. P. 380—382.
- ²² *Дубнов С. М.* К новой истории еврейского народа. Рига, 1935. С. 13.
- ²³ *Еврейский вестник*. 1922. № 5. С. 5.
- ²⁴ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 28.
- ²⁵ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 445, оп. 1, д. 40, л. 261.
- ²⁶ Т а м ж е.
- ²⁷ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 338, л. 3.
- ²⁸ РЦХИДНИ, ф. 445, оп. 1, д. 40, л. 261об.
- ²⁹ Т а м ж е, л. 341.
- ³⁰ Т а м ж е, л. 277.
- ³¹ *Більшовик*. 1920. 23 квітня.
- ³² ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 777, л. 176.
- ³³ Т а м ж е, д. 338, л. 101.
- ³⁴ Т а м ж е, д. 776, лл. 18, 22—23 об.
- ³⁵ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 664, л. 5.
- ³⁶ Т а м ж е.
- ³⁷ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 338, л. 105.
- ³⁸ Т а м ж е, л. 149.
- ³⁹ Т а м ж е, л. 158.
- ⁴⁰ Т а м ж е, оп. 6, д. 7, лл. 22, 27.
- ⁴¹ *Жизнь национальностей*. 1920. 3 нояб.
- ⁴² Т а м ж е. 27 апр.
- ⁴³ Т а м ж е.
- ⁴⁴ Т а м ж е.
- ⁴⁵ Т а м ж е.
- ⁴⁶ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 1825, л. 1.
- ⁴⁷ *Искра*. 1921. 17 нояб.
- ⁴⁸ *Жизнь национальностей*. 1921. 13 янв.
- ⁴⁹ РЦХИДНИ, ф. 445, оп. 1, д. 40, л. 323.
- ⁵⁰ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 1825, л. 8.
- ⁵¹ Т а м ж е, лл. 156, 159.
- ⁵² ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 338, лл. 176—176об.
- ⁵³ *Коммунист*. 1921. 27 авг.

- ⁵⁴ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 1825, л. 130.
⁵⁵ Там же, л. 134.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Жизнь национальностей. 1921. 21 марта.
⁵⁸ РЦХИДНИ, ф. 445, оп. 1, д. 72, л. 64.
⁵⁹ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 779, л. 7.
⁶⁰ Там же, л. 29.
⁶¹ Там же, л. 1.
⁶² Там же, л. 5.
⁶³ Там же, л. 7.
⁶⁴ Там же, л. 8.
⁶⁵ Там же, л. 6.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Накануне. 1920. 1 нояб.
⁶⁸ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 779, л. 9.
⁶⁹ Там же, д. 777, л. 105.
⁷⁰ Там же, д. 779, л. 16.
⁷¹ Там же, лл. 22, 22об.
⁷² Там же, д. 777, л. 105.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Там же, л. 121.
⁷⁷ Там же, д. 799, л. 123.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ РЦХИДНИ, ф. 445, оп. 1, д. 72, л. 60.
⁸⁰ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 779, л. 5.
⁸¹ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 663, л. 9.
⁸² Там же, л. 5.
⁸³ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 776, л. 111.
⁸⁴ ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 663, л. 9.
⁸⁵ Там же, л. 6.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Там же.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 799, л. 9.
⁹¹ Там же, л. 28.
⁹² ЦГАВО Украины, ф. 5, оп. 1, д. 663, л. 5.

А. Гринбаум (Иерусалим, Израиль)

РАВВИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОРОСТЕНЕ (1926)

Одно из наиболее часто повторяющихся сетований по поводу дискриминации иудаизма в период советской власти связано с отказом евреям в организации национальных и региональных объединений синагог, раввинских ассоциаций и региональной еврейской религиозной администрации. Подобная структура существовала даже в Восточной Европе после 1945 г.

В Советском Союзе еврейские общины были изначально раздроблены. Здесь следует отметить, что организационная структура, характерная, скажем, для американской диаспоры, не существовала в России и до 1917 г., поскольку еврейские общины в Российской империи не были конгрегациями на синагогальной основе в западном понимании.

В 1920-х гг., до суровых ограничений на религиозную деятельность, введенных законодательством 1929 г., положение религиозных деятелей и структур было хотя и далеко от идеального, но все же относительно терпимым, если они не занимались религиозным образованием детей. Во многом все зависело от местных административных органов. В 1928 г. харьковский раввин, уезжая в Эрец-Израэль, писал, что все религиозные структуры остались вполне жизнеспособными¹. На Украине количество синагог по сравнению с 1917 г. уменьшилось к 1928 г. только на 10%². В годы неэда было опубликовано некоторое количество религиозной литературы³.

В этой связи негативный опыт организации раввинских и общинных конференций и съездов в середине 20-х гг. должен рассматриваться как противоречащий утверждению об относительной толерантности властей в этот период. Однако оказывается, что планировавшаяся в Ленинграде в 1927 г. общинная конференция не состоялась вовсе не из-за противодействия режима. Одной из возможных причин этого могли быть возра-

жения любавичского ребе Йосефа Ицхака Шнеерсона, который был тогда в Ленинграде и посланцы которого в разных городах СССР вели активную кампанию против созыва конференции⁴. Возможно, такая позиция любавичского ребе вытекала из опасения, что власти попытаются использовать такую конференцию для достижения своих целей: либо спровоцировать раскол собравшихся на оппозиционеров и коллаборационистов (еврейский аналог «живой церкви» в православии), либо выявить наиболее активных религиозных активистов в еврейской среде⁵. Поскольку не в традициях Хабада игнорировать мнение ребе, хасидские писатели опускают этот момент в своих произведениях⁶.

Как кажется, организация подобной конференции не в Ленинграде, а в безвестном волынском городке Коростене казалась менее опасной. Есть запись утверждения любавичского ребе, что мероприятие такого рода едва ли принесет пользу, но в конце концов не повредит⁷. Поскольку все потенциальные участники такой конференции должны были быть ортодоксами, то появление «живой синагоги», похоже, было маловероятно.

Только материалы из государственных архивов бывшего СССР могут ответить на вопрос, почему власти разрешили эту конференцию; по нашему мнению, это может свидетельствовать об атмосфере определенной религиозной терпимости коммунистического режима в середине 20-х гг. Хотя именно тогда зарубежная пресса много писала о религиозных преследованиях в советской России. Как мы увидим ниже, Евсекция (Еврейская секция ВКП(б)), которая готовилась к беспощадной борьбе с религией «на еврейской улице», считала позицию властей в отношении иудаизма излишне толерантной.

Официально конференция в Коростене должна была собрать раввинов только Волынской губернии, но в реальности ее можно считать всеукраинской и до некоторой степени всесоюзной. На конференции были даже светские участники; самый известный — издатель ивритоязычного журнала «Ха-Мелиц» Леон Рабинович, который представлял еврейскую общину Ленинграда⁸.

Любавический ребе не присутствовал, но в признание его заслуг он был избран почетным председателем, и, по-видимому, его представлял р. Шмуэль Кипнис⁹. По сообщению одного из участников, р. Шмарьяху Шиндермана¹⁰, Кипнис, сам Шиндерман и р. Яков Левицкий¹¹ вошли наряду с местными евреями в оргкомитет конференции. Но самой незаурядной личностью

конференции в Коростене был ее секретарь — р. Шломо Йосеф Зевин (1890—1978), раввин Новозыбкова, который в 1928 г. был издателем единственного в советской России еврейского религиозного журнала¹². После репатриации в Эрец-Исраэль р. Ш. Й. Зевин издал монументальную «Талмудическую энциклопедию». Именно Зевин был автором отчета о конференции в Коростене, опубликованного в ивритоязычной прессе на Западе¹³.

Конференция, рассчитанная на три дня, открылась 26 октября 1926 г. По одному свидетельству, фактически она длилась целую неделю¹⁴. Присутствовали 50 участников и 22 гостя. Очевидно, что статус «гостей» позволял привлечь к участию в конференции людей, живших за пределами Волыни. Многообразные источники описывают атмосферу духовной экзальтации, царившей на заседаниях. Местная синагога, где проходила конференция, была в эти дни переполнена.

Как уже указывалось, в начале конференции ее почетным председателем был избран р. Шнеерсон, который откликнулся на оказанную честь теплой приветственной телеграммой. Но основные надежды р. Шнеерсона, оставшиеся, впрочем, невысказанными, что его эмиссары убедят собравшихся раввинов в необходимости создания нелегальных хедеров и микв, не оправдались¹⁵. Работе эмиссаров Хабада в этом направлении помешало ожидаемое присутствие на конференции агентов властей и Евсекции.

Конференцию открыл р. Левицкий, среди прочего, поблагодаривший Советское правительство за разрешение провести конференцию. Основным докладчиком был Зевин, открыто призвавший советское еврейство к возвращению к традиции и активному противодействию растущему религиозному невежеству. Зевин также настаивал на справедливости требований традиционалистов к властям. Другой докладчик — р. Леви Гроссман указал на явно недостаточное количество микв и выразил надежду, что власти изменят свою негативную позицию по этому вопросу. Он закончил свое выступление словами из молитвы на Йом-Кипур: «Будь устами посланников народа твоего, Израиль!»¹⁶

В заключение был избран исполнительный орган из девяти человек для осуществления принятых решений, и на этом «первая конференция раввинов в советской России» завершила свою работу¹⁷. На заключительном заседании звучали и традиционные хасидские песнопения. Решения конференции, требовавшие

максимального единства и целенаправленной дальнейшей работы при сложившихся обстоятельствах, выглядели малореальными. Р. Шиндерман свидетельствует, что некоторые участники конференции покидали ее в спешке и тревоге¹⁸, другие допрашивались милицией, а р. Кипнис был арестован на несколько недель¹⁹.

Но представляется, что в целом конференция не причинила серьезного вреда и, несомненно, стала объединяющим началом для еврейских религиозных лидеров в их априори проигрышном сражении с коммунистическим режимом.

Лидеры Евсекции восприняли конференцию в Коростене достаточно серьезно. Их крайне насторожило избрание почетным ее председателем любавичского ребе²⁰, сардоническим весельем они отреагировали на идею о коммунистической Торе²¹, — уже сам факт созыва такой конференции не вызывал у них энтузиазма. Проведение конференции рассматривалось евреями как одна из основных причин усиления позиций религии, в том числе наиболее воинственных, радикальных ее течений.

¹ *Gitelman Z. Y. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU. 1917—1930.* Princeton, 1972. P. 314.

² *Милейковский Е. А.* Слово Элияху. Тель-Авив, 1930. С. 2. (на яз. иврит).

³ См. библиографию советских публикаций на иврите: Пирушим Йехудим би-Брит ха-Моацот (Еврейские публикации в Советском Союзе) / Под ред. Х. Шмерука. Иерусалим, 1961 (на яз. иврит). Это издание частично основано на библиографии, анонимно посланной в иерусалимский библиографический ежеквартальник «Кирьят Сефер» (1928—1929. Т. 2. С. 250—254) советским еврейским историком Саулом Боровым (1903—1989). В 1993 г. Еврейский университет в Москве выпустил отдельным изданием его «Воспоминания».

⁴ Предыдущий ребе — р. Шалом Дов-Бер — оставил Любавичи в период первой мировой войны и нашел убежище в Ростове-на-Дону, где умер в 1920 г. Его сын и преемник р. Йосеф Ицхак (1880—1950) с подачи коммунистических властей перебрался в Ленинград. Он был изгнан из советской России в 1927 г.

⁵ *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада в советской России. 5678—5710 (1918—1950). Бруклин, 1989. С. 78—86 (на яз. иврит).

⁶ *Гершуни А. А.* Еврейство Советской России. Иерусалим, 1961. С. 117 (на яз. иврит). Автор отмечает, что ребе «всем сердцем согласился с конференцией», — утверждение, опровергнутое самим автором на с. 121.

⁷ *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада... С. 84.

⁸ См. список участников и мест, откуда они прибыли: *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада.. С. 90—91. Левин использовал материалы из архива Хавкина в Иерусалимской национальной библиотеке (д. 287).

⁹ По поводу избрания ребе см. отчет о конференции, опубликованный р. Зевиным под псевдонимом «Пели» в ивритоязычной западной прессе: Ха-Олам. 1926, 10 дек. С. 964—965. См. также: *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада... С. 88. Р. Шмуэль Кипнис был раввином в Овруче, позднее переселился в Израиль и стал раввином в Иерусалиме.

¹⁰ См. отчет р. Шиндермана о конференции в его статье: Коростень // Ялкуп Волин. 1948. Т. 2. Ч. 9. С. 18—19 (на яз. иврит). Шиндерман был раввином Базара, позднее переселился в Эрец-Исраэль.

¹¹ Р. Яков Левицкий был раввином в Олевске (Волынь). К сожалению, никакой другой информацией о нем мы не располагаем.

¹² Йагдил Тора. 5688 (1927—1928) — издавался р. Ш. Й. Зевиным и Й. Абрамским. Закрыт властями после двух выпусков.

¹³ См. сн. 9.

¹⁴ По свидетельству р. Кипниса, воспроизведенному в кн.: *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада... С. 88. См.: также: *Глиценштейн А. Х.* Сефер ха-толлот (биография р. Йосефа Ицхака Шнеерсона), Кфар-Хабад, 1987. Т. 3. С. 66—68 (на яз. иврит).

¹⁵ *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада... С. 92—96. Автор приводит телеграмму ребе (по-русски) и два его письма на иврите. Одно в президиум конференции, другое — пленуму.

¹⁶ См.: Ха-Олам. 1926. 10 дек. С. 964—965. Леви Гроссман (1884—1963) был раввином в Киеве, переселился в Эрец-Исраэль и был раввином в Тель-Авиве.

¹⁷ Р. Зевин не писал о них, возможно, из-за предосторожности. Публикация об этом в коммунистическом издании. См.: *Шпрах Ф.* Воинственный клерикализм // Ди роите велт. 1927. № 2. С. 95—97 (на яз. идиш). По-видимому, Ф. Шпрах присутствовал на конференции.

¹⁸ См.: р. *Шиндерман.* Коростень. С. 19.

¹⁹ Свидетельствует сам ребе. См.: *Левин Ш. Д.-Б.* История Хабада... С. 88.

²⁰ *Шпрах Ф.* Воинственный клерикализм. С. 95.

²¹ Т а м ж е. С. 97.

КУЛЬТУРА

Е. Биневиц(Санкт-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР В ОДЕССЕ

Очерк первый: А. Гольдфаден и его труппа

Озарождении еврейского театра в России бытует несколько легенд, основанных, однако, на более или менее реальных фактах. И самая «красивая» из них — «гольдфаденовская».

Что первая еврейская труппа объявилась в Одессе — это точно. И что Авраам Гольдфаден (1840—1908) родился не в Одессе, а в Старо-Константинове Волынской губернии, достоверно.

И тем не менее именно Одесса дала мощный импульс к развитию еврейского театра. Не было труппы, которая не проверяла бы себя на одесских зрителях. Не сразу Гольдфаден пришел к театру. Его отец — часовых дел мастер, приверженец Гаскалы — дал возможность сыну получить достойное по тем временам образование. Вначале он учился в Житомирском раввинском училище, позже обучался и светским наукам. Свободно владел русским и немецким языками. Получил звание учителя и преподавал в казенных училищах Симферополя и Одессы. Очень рано стал писать стихи на иврите и идише, выпустил несколько своих сборников: «Ростки и цветы» (иврит, 1865). «Еврей» и «Еврейка» (идиш, 1866 и 1869). К некоторым из своих стихотворений писал музыку. Пытался было издавать еженедельник «Исролик» во Львове (1875) и газету «Буковинер израилитишер фолксблат» в Черновцах (1876), но оба раза потерпел неудачу.

Ко времени организации еврейского театра Гольдфаден уже был известным поэтом и журналистом. По легенде, Берл Бродер (около 1815—1868), в отличие от Гольдфадена, не только сочинял песни, но и сам исполнял их на манер бадханов на постоянных

дворах. В 60-е гг. прошлого столетия создал первую профессиональную труппу певцов, с которой колесил по шинкам и харчевням Галиции, Венгрии и Румынии. Одну из таких трупп «бродеровских певцов», распевавших и его песни, встретил Гольдфаден в Яссах, куда перебрался в 1876 г. Услышанное навело его на мысль создать с их участием цельный спектакль, где песни перемежались бы занимательными диалогами. Так родилась первая пьеса Гольдфадена.

Почти одновременно и даже чуть раньше в Бердичеве был организован по типу «бродеровского» «Еврейский концерт под управлением А. Фишзона». Так оповещала афиша, с которой Авраам Фишзон начинает свои воспоминания, печатавшиеся на русском языке в «Библиотеке Театра и Искусства». Повторяясь, эти концерты постепенно превращались в настоящие представления с определенной драматургией комического плана. С ними Фишзон и его небольшая труппа объездили несколько городов Украины. Это другая версия возникновения еврейского театра.

Фишзон родился в Бердичеве, в ортодоксальной семье, имевшей свой дом, что стоял против Польского театра. Учился в хедере, солировал в синагогальном хоре. И вот четырнадцати лет от роду его потянуло на сцену. В апреле 1876 г. в Житомире Фишзон встретился с Ицхоком Линецким и Гольдфаденом. «Гольдфаден... вынул печатный листок и дал его мне,— вспоминал Фишзон.— Я читал строку за строкой, и мне очень понравилось. Это был его фельетон в трех частях, который печатался в его же газете «Исрулик». Позже фельетон этот переделали в известную пьесу «Бабушка и внучка»... г. Линецкий с своей стороны подарил мне книжку своих сочинений, которые я через некоторое время играл на сцене»¹. Поначалу роль Бабушки исполнял Исруэль Гроднер (антрепренер труппы), а Внучки — Фишзон. Потом, когда в Кременчуге Гроднер познакомился с Ентель Вительштейн, роли переменялись; «М-lle Вительштейн» стала выступать в роли Внучки, Фишзон стал Бабушкой, Гроднер — любовником, а Дувид Блюменталь, нищий бадхан, которого они подобрали в Киеве, выступал в роли свата. Вскоре Исруэль и Ента стали супругами, и на сцене она обрела новое имя — Анета Гроднер.

В Ровно Фишзон встретился еще с одним еврейским драматургом — Аврумом Бером Готлобером, который дал ему две свои

пьесы. Через некоторое время, будучи в Житомире, труппа получила приглашение посетить Гольдфадена в Старо-Константинове, где тот гостил у родителей.

Гольдфаден предложил присоединиться к нему и ехать в Румынию, где предполагал организовать профессиональный еврейский театр. Шла русско-турецкая война. «Мы, слава Богу, играем уже в Бухаресте...— продолжает Фишзон.— Передать вам, какой успех мы имели там, совершенно лишнее. Достаточно напомнить вам, что вся русская армия была там. Сотни тысяч евреев: подрядчики, маркитанты, служащие и представители контор, банкиры...» Вот состав труппы, игравшей в Румынии, который приводит Фишзон: Анета Гроднер, Авраам Фишзон, Исруэль Гроднер, Дувид Блюменталь, Хаим Тайх, Яков Спиваковский, мадам Шпинер, Роза Фридман, Розенберг, Шор, Цукерман, Центлер, фрейлейн Сабина, фрейлейн Даен, фрейлейн Айнгорн (Эйнгорн), Могилевский...²

Так труппа Гроднера — Фишзона соединилась с актерами Гольдфадена. Это и стало рождением еврейского театра в России, играющего на идише.

Когда в 1878 г. война закончилась и войска ушли из Румынии, труппа поехала в Одессу.

Первые сообщения одесской прессы о еврейском театре, появившемся в городе, невняты. «Мы слышали,— писал «Одесский вестник»,— что в непродолжительном времени в Мариинском театре прибывшая из Галаца еврейская драматическая и опереточная труппа даст спектакль; между прочими пьесами пойдет в первый раз «Набор в Польше ополченцев-евреев в 1871 году», опер. в 3 д.»³. «Нам сообщают,— продолжал «Вестник» на следующий день,— что в прошлое воскресенье (16 апреля.— Е. Б.) в квартире г. Минца еврейская драматич. оперет. труппа дала спектакль. Поставлено было: 1) «Набор ополченцев-евреев в Польше в 1876 г.», оп. в 2 д.; 2) «Доктор медицины», вод. в 1 д.; 3) «Аферы раввина-афериста», вод. в 1 д. Спектакль прошел весьма удачно при громадном стечении публики»⁴. И это все.

«Набор ополченцев» — пьеса А. Гольдфадена. Возможно, кто-то откололся от его труппы и раньше всех явился в Одессу? Но почему Мариинский театр вдруг заменился частной квартирой? И каким образом в ней произошло «громадное стечение публики»? Кто играл? Кто руководил труппой? Один ли спектакль был

сыгран или несколько? Куда потом делась эта труппа? Ответов нет.

Мало что проясняют и мемуары Фишзона. «Играли до 15 января 1878 года, когда был заключен мир и публика уехала домой,— пишет он.— Срулик (Исруэль Гроднер.— *Е. Б.*) простился с Бухарестом, пригласил даже «французов» (образованных актеров труппы, говорящих по-французски,— Шора, Спиваковского и Центлера, с которыми у Гроднера возник некоторый антагонизм.— *Е. Б.*) тоже к себе, и мы уехали в Одессу... «Раз мы,— говорил Срулик,— открыли театр в Румынии, то в России тем паче откроем...» Так и было. В Одессе тогда был градоначальником славный человек, либерал доброго старого времени. Когда Срулик пришел к нему за разрешением, он сейчас же дал его... Срулик нанял большую залу, она находилась на Ришельевской улице (это и была квартира г. Минца? — *Е. Б.*). Невозможно передать, что тогда творилось в Одессе. Играли не только по субботам, но ежедневно. Люди ночевали у кассы, чтобы иметь возможность достать билеты, по крайней мере, на пятый день»⁵.

Судя по дате последнего представления в Бухаресте, актеры могли оказаться в Одессе и играть спектакли в апреле 1878 г. Но если был такой успех, то почему в прессе появились лишь те две цитированные заметки? Правда, в ту пору в Одессе выходило и всего-то ничего — «Одесский вестник», «Новороссийский телеграф» да «Ведомости Одесского Градоначальства». Но о других театрах и развлечениях в них писалось довольно часто и более или менее подробно.

В 1879 г. сообщения прессы стали чуть подробнее. Первая заметка, казалось бы, не предвещала ничего необычного: «В Одессе в настоящее время гостит еврейская труппа под управлением гг. Розенберга и Спивакова, которая начнет свои представления с сегодняшнего дня в клубе промышленников,— сообщал «Новороссийский телеграф».— В репертуар этой труппы входят небольшие бытовые сценки, схваченные из еврейского быта, а также и исполнение комических куплетов»⁶. Выходит, что Гроднер с Фишзоном в Одессе уже не было?

А вот реплика «Одесского вестника» совсем иная: «Еврейская публика подверглась на днях грубейшей эксплуатации. 23 января, во вторник, в клубе ремесленников и промышленников давался «вокальный вечер» прибывшими из Бухареста, как значилось в

афише, еврейскими опереточными певцами. Еврейской публики собралось много, так что пришлось еще приставлять стулья, и сбор превысил, как мы слышали: 600 руб. Но что же в конце концов оказалось? Оказалось, что «прибывшие из Бухареста оперет. певцы» — давнишние знакомцы и жители г. Одессы: Розенберг, Спиваковский, Шрагер и др. Манифестация (?—*Е. Б.*) удалась, и публика, несмотря на недовольство проделкой, просидела, однако, до конца «вокального бухарестского вечера»⁷. Вдруг спохватился и «Телеграф»: «Еврейская опереточная труппа, «прибывшая из Бухареста», как оказывается, состоит из одесских любителей: Шнора, Розенберга, Спиваковского и др. Подобная эксплуатация и обман публики не должны проходить даром»⁸. В чем тут обман? Актеры действительно приехали из Бухареста. При чем эксплуатация и манифестация? (Может, мистификация?) В общем, «Телеграф» обиделся и после своего «разоблачения» писать о труппе перестал. Довольно долго молчал и «Вестник».

Просматривать «Ведомости Одесского Градоначальства» казалось бессмысленным. Ну что органу правопорядка до театра? Но вот сюрприз — в то же самое время и гораздо «профессиональнее» (честнее, непредвзятое) эта газета поведала о спектакле: «Вокальный вечер еврейских актеров, состоявшийся 23 сего января в клубе ремесленников и промышленников, прошел удачно в отношении сбора. Зал был битком набит публикой, которая по достоинству наградила некоторых актеров аплодисментами и неоднократными вызовами. Особенно мастерски исполняли свое дело гг. Розенберг и Спиваковский, которые, можно сказать, на своих плечах вынесли весь этот вечер, из которого мы вынесли убеждение, что еврейский театр в Одессе мог бы иметь успех. Мы полагали, что еврейский театр интересен только для еврея-простолюдина, но оказалось, что этот вечер посетили и представители высших классов евреев, абонированные в Мариинском и Русском театрах (любопытная подробность.— *Е. Б.*)... несколько замечаний г. Розенбергу. Неужели нельзя было сыскать более приличных выражений при исполнении роли слуги в пьесе «Три глухих»? Также следует отметить, что отсутствие актрис и исполнение женских ролей мужчинами много мешает впечатлению»⁹.

Во избежание недоразумений оговорюсь. Еврейские фами-

лии, имена персонажей, названия пьес пишущими о еврейском театре в разное время передавались по-разному, например: то Я. Спиваковский, то И. Спивак (то есть Иаков), то Шрагер, то Шрор. Элиза Эйнгорн превратилась однажды в Рейнгорн, а Тайх бывал Тейхом и даже Шайхом, Шейнгольд — Шепигольдом, оперетта «Антель Шустер» — «Аншелью Шистер» и т. д. и т. п. Иногда оказывалось, что речь идет об одном и том же актере (при разных инициалах), в другой раз — об однофамильцах. Вдобавок о еврейском театре писали чаще всего дюжинные репортеры и журналисты, не знающие театра, да и не желающие его знать. В цитатах я ничего не меняю — ни написания имен, ни названий пьес, не выправляю словесные нелепости, иногда только — синтаксис, с которым авторы бывали не в ладу. А в своем тексте при надобности воспроизвожу общепринятое теперь написание.

Так, «Одесский вестник» писал: «На днях мы сообщали (в городской хронике), что в понедельник на первой неделе поста пойдет на еврейской сцене одна комедия. Пьеса эта «Шмилек-Шмелке» не могла идти в минувший понедельник по непредвиденной задержке со стороны цензора, который не успел просмотреть ее к этому времени. Нынче пьеса уже просмотрена и разрешена к представлению, которое и состоится в следующий понедельник, то есть на 2-й неделе поста»¹⁰. Речь идет об оперетте А. Гольдфадена «Фанатик». Не знаю, труппа ли переименовала пьесу или репортер неверно перевел название. Там же удалось обнаружить еще одно упоминание о еврейском театре той поры: «Представления еврейских актеров... продолжают привлекать еврейскую публику: сбор с каждого спектакля превышает 500 р. Пьесу «Бранделе-козак» намерены дать, как мы слышали, в Русском театре (в самом большом театральном зале Одессы.— Е. Б.) и сбор назначить: половину в пользу бедных евреев на Пасху (то есть Мусс Хитим), а другую половину в пользу больных и раненых воинов»¹¹.

«Ведомости Градоначальства» сообщили: «В воскресенье (18 марта.— Е. Б.) прибыл в Одессу из Букарешта тамошний антрепренер еврейской труппы и драматический писатель г. Гольдфаден, который предполагает открыть в Одессе ряд спектаклей»¹². «Ведомости» же оповестили о первом спектакле: «В субботу, 7 апреля, в зале ремесленного клуба назначен первый литературно-музыкальный вечер еврейской труппы под управ-

лением г. Гольдфадена, пользующегося, как говорят, большой симпатией в среде еврейской публики. Идет пьеса в 5 отдел. «Колдунья»¹³.

Вскоре актеры перешли в Мариинский театр, второй по величине зал в городе. Но на афишах рядом с именем Гольдфадена стояла надпись «знаменитый народный еврейский поэт», и газетные репортеры тут вновь узрели «манифестацию» и «эксплуатацию». Все пошло по второму кругу. «До чего доходит у нас самозванство ловких предпринимателей — доказывает следующий факт,— возмущался репортер «Одесского вестника». — Антрепренер еврейской бухарестской труппы (так все-таки бухарестской? — *Е. Б.*) г. Гольдфаден именуется на афишах «знаменитым народным поэтом», тогда как несколько лет тому назад он был в Одессе торговцем и объявлен судом несостоятельным должником (то, что Гольдфаден оказался несостоятельным купцом, скорее подтверждает его подлинное призвание.— *Е. Б.*). А теперь он сделался будто бы народным поэтом на еврейском жаргоне, на котором даются здесь некоторые пьесы его сочинения, вредно влияющие на простолюдинов из еврейства»¹⁴.

Каким именно образом представления еврейского театра «вредно влияют», через два дня очень «популярно» объяснил «Еврей-рецензент» в «Новороссийском телеграфе». Его статья слишком велика для цитирования целиком. Но в ней, во-первых, дано несколько подробностей биографии драматурга, которые, вероятно, не были известны тем, кто впоследствии писал о нем. А во-вторых, она показывает: «совковость» критики, как мы ее нынче определяем, отнюдь не порождение советской власти — та лишь культивировала уже готовое, доведя до абсурда,— ибо опус «Еврея-рецензента» свободно может быть перемещен в 1930—1940-е. И в третьих, это выступление отражает борьбу сионистов и ассимиляторов, на стороне последних и стоит автор. Вот наиболее характерные фрагменты его статьи.

«В начале этого месяца появились здесь объявления, извещавшие о приезде в Одессу из Бухареста «знаменитого народного поэта г. Гольдфадена», который будет давать здесь музыкально-литературные вечера в зале ремесленной школы. Затем появились афиши с именами персонала его труппы, из каковых афиш уже видно было, что будут даваться не литературные вечера, а такие представления на еврейском жаргоне, какие давались его

труппою в Бухаресте. Так оно и случилось. Поэтому считаем необходимым познакомить публику прежде всего с личностью г. Гольдфадена, а затем с его предприятием. Г. Гольдфаден был прежде всего учителем в одном казенном еврейском училище, потом служил он здесь, в Одессе, в мануфактурном магазине г. А. Бродского на Александровском проспекте, а затем открыл маленький магазин таких же товаров на Ришельевской улице. Пробыв торговцем самое короткое время, г. Гольдфаден был объявлен несостоятельным должником и затем уже долгие годы отсутствовал... В продолжение последних двух лет г. Гольдфаден был содержателем еврейского театра в Бухаресте. Теперь познакомим читателей с самим еврейским театром. Ученых или опытных актеров еврейских нет, и поэтому Гольдфаден набирал актеров своих из людей неинтеллигентных: так, между ними были и лакеи, швей, совершенно неграмотные и т. д. Сам г. Гольдфаден подготовил их к сцене и сам был директором театра. Театр г. Гольдфадена служил местом развлечения для простых русских евреев, которые находились тогда временно в Бухаресте...»

«Учеными» бывали медведи, но чтобы актеры — впервые слышу.

Здесь все подтасовка. Да и откуда было взяться профессиональным артистам, если еврейскому театру было всего неполных три года от роду. И русские провинциальные артисты, которые, проявив себя, становились подчас актерами Императорских театров, не были в большинстве своем из дворян или людьми с высшим образованием. А вот среди актеров труппы, о которой идет речь, последние были. Это те же «французы», о которых писал Фишзон. Янкель Спиваков, на сцене ставший Яковом Спиваковским, до актерства служил в одной из контор французским корреспондентом, знал несколько языков. Израиль Розенберг был адвокатом, Шор и Центлер имели высшее образование, Элиза Эйнгорн окончила Ясскую музыкальную школу; другие были «бродеровскими» или синагогальными певцами, и только страсть к театру привела их на подмостки. Но и швеям, модисткам и прочим ремесленникам не был заказан путь к самообразованию и совершенствованию — точно так же, как Горькому или Шалапину. Однако продолжим цитировать: «В Одессе... представления даются на простом еврейском жаргоне. Простые евреи и бедняки несут в театр последний свой рубль,

полагая, что они этим делают хорошее дело и поддерживают полезное еврейско-национальное учреждение». Едва ли полезность данного учреждения заботила «простых» евреев, да и «непростых», судя по прессе, тоже. Просто им, вероятно, свой театр был нужнее «последнего рубля». «Кроме того, театр этот вредно влияет тем, что образованные евреи стараются вообще вытеснить этот жаргон и заменить его русским языком, а тут явился г. Гольдфаден с своим еврейским жаргоном. Мы полагаем, по этим основаниям г. Гольдфадену должно быть запрещено давать театральные представления на еврейском жаргоне, тем более что ему дано разрешение давать только музыкально-литературные вечера (это уже попросту донос.— *Е. Б.*). Пусть он свое предприятие перенесет лучше в Бердичев, а в Одессе, в среде этого общества, оно не должно иметь места. Нужно обладать большой смелостью, чтобы именоваться «знаменитым народным поэтом» в том городе, где лицо его известно как несостоятельный торговец и т. п. Но мы ничего не имели бы против того, чтобы он назвал себя даже самым знаменитым поэтом в мире, если бы он перенес свою деятельность обратно в Бухарест или в другой город и оставил бы Одессу в покое»¹⁵.

В такой обстановке, в таких муках зачинался еврейский театр в России.

Но к чести еврейской Одессы и, кстати, того же «Телеграфа», уже через несколько дней в нем же было опубликовано мнение «другого еврея»: «Г. «рецензент»... говорит, что еврейский театр «якобы» развращает общество. Смеем уверить рецензента, что он напрасно беспокоится об еврейском обществе и что взгляды его на еврейский театр совершенно неверны... За неимением других средств, еврейский театр есть одно из лучших средств для уничтожения еврейского фанатизма... Еврейский театр, как известно, новизна в Одессе, а на новизну каждый хочет посмотреть, тем более евреи захотят увидеть «свой» еврейский театр.— Игра еврейской труппы довольно порядочная (г-н «еврей-рецензент» ошибается, говоря, что еврейская труппа беспорядочная, что она состоит из лакеев, швей, неграмотных людей и т. д.; он ошибается, потому что это довольно хорошо организованная труппа, и состоит из людей более или менее образованных, что видно из понимания ими ролей); необразованные евреи, никогда не видевшие театра, увлекаются этой игрой и повторяют свои

посещения довольно часто. А такое частое посещение этого театра очень полезно для необразованных евреев, потому что пьесы, играемые на сцене еврейского театра, как нельзя лучше изображают общественную жизнь необразованных евреев... Далее г. «рецензент» пишет, что г. Гольдфаден был учителем казенного еврейского училища, потом сделался торговцем и т. д. и т. д. ... Да разве это мешает быть г. Гольдфадену поэтом? Разве талант и способности зависят от происхождения, сословия, занятий?»¹⁶

Тут явно что-то произошло. Впечатление такое, будто Гольдфаден «дал на лапу» редактору «Одесского вестника», настолько переменялось отношение его рецензентов к театру. «В "Од. В." было помещено несколько заметок о еврейских спектаклях,— писал один из них,— и высказано было мнение о вреде их в смысле обособления евреев узаконением жаргона. Все это действительно можно было сказать о тех спектаклях, которые давались до прибытия г. Гольдфадена, в которых ничего еврейского, кроме жаргона, не было, так что, явившись раз из любопытства на один из тогдашних спектаклей, я должен был оставить театр после первого действия. (Будто труппа до Гольдфадена играла не его же пьесы; или будто бы раньше в них участвовали другие актеры.— *Е. Б.*) Вчера же мы были в еврейском театре и видели пьесу «Ни бе, ни ме, ни кукареку», которая превзошла все ожидания. Дело не в том, что содержание взято из настоящего быта, и не в том даже, что некоторые артистически исполняли свои роли, а в том, что ярко изображаются в редкой жизненной правде предрассудки массы, что бичуются плутни приверженцев цадикизма и все происходящее перед вами вызывает в вас не только смех, но и горестное чувство сожаления о положении еврейской массы в западном крае». Далее следует длинная филиппика против «цадикизма» бредового и напыщенного характера, ни к пьесе, ни к спектаклю отношения не имеющая. «... Таким именно положением удачно воспользовался г. Гольдфаден, выводя на сцену молодого тупоумного сапожника, превращенного умною рукою бывшего привратника цадикизма в цадика, и группируя кругом него все, что есть безобразного в цадикизме во всех его проявлениях. Но во всей группе народных типов выдавался один замечательный тип религиозно-ученого толкователя законов, вечно погруженного в талмудическую

казуистику и из-за нее не замечающего... мира, семейства и своей собственной личности... Этот тип, выхваченный из жизни и тем вполне национальный. (Играл эту роль вполне артистически молодой человек г. Финкель,— подстрочное примечание газеты.— Е. Б.). Жаль только, что такие произведения, имеющие весьма важное воспитательное значение, даются не в Бердичеве и Балте, а в Одессе, где театр посещается более или менее образованною публикою и лишь изредка в ней заметна часть и той, к жизни которой относятся явления, происходящие на сцене. Но и здесь сцены, бьющие жизненною правдою, быть может, вызовут, кроме смеха, еще и сострадание к той несчастной массе юго-западных евреев, которая так сильно нуждается в помощи своих образованных единоверцев»¹⁷. Кто же вводил в заблуждение читателей и будущих историков еврейского театра насчет степени образованности публики, посещающей театр в Одессе,— уже цитированные выше авторы или теперешний?

«Еврейское общество сочувственно относится к еврейскому театру, где так живо и художественно бичуются недостатки евреев и фанатизм,— писал другой рецензент.— Публика постоянно наполняет театр и выносит приятные впечатления... Посмотрим, например, на содержание комедии «Рекрут», представленной... 3 мая. Эта комедия изображает жизнь «евреев-хасидов», молодых тунейдцев, ослепленных фанатизмом и проводящих свою жизнь в молитвенном доме или у цадииков... Пьеса эта была исполнена артистически, так что вызовам и аплодисментам не было конца. В особенности отличается артист г. Спиваковский. В заключение в первый раз выступила на сцену 9-летняя певица Сабина и пропела куплеты. Замечательный талант обнаружила эта будущая артистка. Ее манеры, жесты и декламация приводили публику в восторг; г. Гольдфаден открыл в ней талант и взялся развить его... Пусть еврейский театр укрепит в нашем еврейском народе патриотизм к нашему дорогому отечеству и поведет нас к полному слиянию с русскими...»¹⁸

И наконец, в прессе заговорили даже об известности некоторых актеров, которых публика, вдруг разом просветившись, «с нетерпением ожидала». «12 мая в Мариинском театре начнутся спектакли еврейской труппы г. Гольдфадена с участием прибывшей артистки г-жи Розы Фридман...— сообщал «Вестник».— Эта артистка приобрела известность на сцене еврейского театра в

Букареште и исполняла главные роли. В бенефис ее будет представлена комедия «Бранделе-козак». Ожидаются и другие артисты. Кстати, два слова о спектакле 6 мая. Представлена была комедия «Немая невеста». Сюжет довольно интересный: молодой человек влюбился в молодую девушку и наоборот. Родители девушки не соглашались выдать ее замуж за молодого еврея, не фанатика. По совету влюбленного влюбленная прикидывается немой и таким образом избавляется от жениха, противного фанатика, за которого мать хочет насильно выдать ее замуж... Честь и хвала г. Гольдфадену за открытую неустрашимую борьбу с фанатизмом еврейского народа!.. Относясь с полным беспристрастием к еврейскому театру, мы должны заметить, что пьеса эта была сыграна не совсем удачно, потому что некоторые актеры плохо знали роли. Зато в водевиле «Спички» отличилась д-ца Мошкович, которая поет очень хорошо. В заключение малолетняя д-ца Сабина пропела куплеты с замечательным комизмом. Она изображает пять разных характерных типов влюбленных весьма удачно и талантливо»¹⁹.

«Ведомости Градоначальства» оповещали горожан о благотворительных спектаклях: «С спектакля, данного 31 мая еврейскою труппою г. Гольдфадена в пользу погорельцев г. Оренбурга и др., выручено всего 389 р. 90 к. Уплачено за театр, музыку и проч. расх. 270 р. Осталось чистого сбора 119 р. 90 к. Ввиду незначительности оставшейся суммы, г. Гольдфаден добавил из собственных средств 180 р. 10 к., что составило 300 р., и всю сумму внес г. градоначальнику для отправки по назначению»²⁰. 6 июня был дан спектакль в пользу ремесленного училища общества «Труд» и т. д.

Об одесском периоде еврейского театра настолько мало материала, что приходится цитировать почти все, что появлялось в печати. И все равно картина репертуара, состава труппы и качества спектаклей, истинное восприятие театра зрителями отсюда не реконструируются.

Еще из одной заметки, некоего О. Б., узнаем несколько новых имен: «Пьесы сочинения г. Гольдфадена отличаются верностью изображения жизни еврейского народа. Жаль, что актриса Фридман обладает слабым голосом, но играет она хорошо. Более всех отличается г. Спиваковский, играющий роль современных евреев. Этот артист пропел известный монолог в стихах «Про-

снись, мой еврейский народ», призывающий евреев к образованию и современной жизни, с таким драматическим талантом, что публика была тронута до слез и требовала повторения. Заслуживают также похвалы гг. Цукерман, Тейх и Финкель»²¹. Речь здесь идет о спектакле «Ни бе, ни ме, ни кукареку, или Борьба цивилизации с фанатизмом».

Газету с названием «Правда» придумали не большевики. Она выходила в Одессе уже в 1879—1880 гг. В разделе «Искусство и литература» перепечатывались театральные анекдоты из столичных «Суфлера» и «Стрекозы», помещались рецензии на спектакли какого угодно, только не еврейского театра. В рекламе все — Русский театр, Биржевая зала, Городской сад, сад Форкатти, Сад благотворительного собрания с кафе-шантаном. Но Мариинский театр с еврейской труппой будто исчез из Одессы. Только в августе, когда еврейские спектакли были закрыты и Гольдфаден отправился в Петербург цензуровать свои пьесы, разъяснение этого события было дано именно в «Правде». «Читатели уже знают,— писал репортер,— что несколько месяцев тому назад появилась в Одессе труппа еврейских актеров, играющих на жаргоне пьесы сочинения Гольдфадена. (Точнее, более года назад.— *Е. Б.*) Труппа эта под управлением того же Гольдфадена, именующего себя известным поэтом, открыла спектакли в зале ремесленников, а затем приютилась в Мариинском театре. Но оказалось, что пьесы, которые исполнялись труппою, вовсе не были просмотрены драматургической цензурой. Главное управление по делам печати запросило местные власти о том, разрешены ли вообще еврейские спектакли. Результатом запроса было прекращение спектаклей. Недавно же Гольдфадену разрешены к постановке на всех русских сценах его пьесы. С 18 августа опять открываются в Мариинском театре еврейские спектакли».

Сведений о дальнейшем бытии труппы, можно сказать, почти нет. В одной из хроникальных заметок сообщалось, что «спектакли еврейской труппы в Мариинском театре под управлением г. Гольдфадена привлекают множество публики. Дебютировавшая в воскресенье (26 августа.— *Е. Б.*) артистка г-жа Граднер (Анета Гроднер.— *Е. Б.*) имела успех и была вызываема публикой»²². В другой называлось еще одно новое имя: «В воскресенье (2 сентября.— *Е. Б.*) по окончании спектакля вновь приглашенная директором еврейской труппы г. Гольдфаденом певица Ясской

музыкальной школы, девица Элиза Рейнгорн (Эйнгорн.— Е. Б.), дает концерт»²³.

Еще два, в полторы строки каждое, сообщения «Ведомостей Градоначальства»: «В воскресенье, 9 сентября, в Мариинском театре назначен последний спектакль еврейской труппы г. Гольдфадена»; «сегодня (11 сентября.— Е. Б.) в Мариинском театре по желанию публики труппа г. Гольдфадена даст еще одно представление...»²⁴. Здесь не называются ни пьесы, ни актеры, в них участвующие.

Театр уехал на гастроли в Кишинев и Николаев. И «Правда», которая и умолчание считала правдой, вдруг начинает публиковать сообщения с гастролей. 1 сентября и 12 октября — из Кишинева, 24 октября — из Николаева. Ощущение такое, будто вслед за театром был пущен репортер газеты с заданием «разоблачать» труппу и ее репертуар во всех городах, куда бы она ни направилась, настолько одинаков стиль всех его заметок. Судите сами. «Из Кишинева нам пишут: «В настоящее время здесь подвизается еврейская труппа под управлением «известного еврейского поэта» г. Гольдфадена. Новинка эта привлекает массу еврейской публики, приходящей в восторг от произведений г. Гольдфадена, составляющих переделку наиболее популярных опереток. По крайней мере музыка понадергана из пьес Оффенбаха, Зуппе и К., а либретто по замыслу составляют самый грубый плагиат. Лишь отдельные сцены взяты из еврейского быта. Кроме пьес, еврейская труппа исполняет и шансонетки самого двусмысленного содержания, сочинения того же плодovitого Гольдфадена. За исключением двух-трех пьес, репертуар еврейской труппы чисто опереточный и даже приближается к кафе-шантанному. К еврейскому театру, доступному пониманию невежественной массы, можно отнести сочувственно лишь в таком случае, если он действительно имеет цивилизующее значение, но трудно допустить, чтоб труппа Гольдфадена с ее репертуаром принесла бы в этом отношении хоть какую-нибудь пользу...» По логике автора выходит, что три русских шантана в Одессе «приносят» тройное «цивилизующее значение» для зрителей, а еврейский — только вред. Это из первого репортажа. И из третьего — из Николаева: «Еврейская труппа Гольдфадена еще на позапрошлой неделе прекратила свои представления — «по собственному желанию», затем в течение прошлой недели

она играла — «по желанию публики», наконец, на этой неделе продолжает подвизаться на наших подмостках, надо полагать, уже «против всякого желания этой публики», а так как в этого рода предприятиях против желания публики далеко не уедешь, то «нашему знаменитому еврейскому поэту» остается одно — убираться от нас подобру-поздорову, что он, говорят, и думает сделать, возымев страстное желание осчастливить своим присутствием Варшаву»²⁵.

Но в конце октября труппа вернулась в Одессу. «В скором времени,— сообщал «Одесский вестник»,— откроются представления еврейской труппы г. Гольдфадена, по два или три раза в неделю»²⁶.

Открылись они 19 ноября в Мариинском театре — вновь «Колдуньей», спектакли чередовались с немецкой опереттой; чуть позже, третьей, присоединится еще и русская оперная труппа.

К еврейским актерам пришло молодое пополнение, и именно из среды наиболее образованной еврейской молодежи. Фишзон, имя которого почему-то ни разу не упоминается в одесской прессе, называет их: Яков Адлер, Карп, Табачников, Фишкинд, Шейнгольд, Гольдштейн, Койфман, Цейтлин, Альберт, Натанзон и многие другие.

В Мариинском театре труппа играла до 1 марта 1880 г. И теперь, благодаря «Ведомостям Градоначальства», которые печатали рекламу театра, мы знаем, когда и что именно игралось, чьи были бенефисы и дебюты. Вероятно, за три с половиной месяца прошли все написанные к тому времени пьесы Гольдфадена. Их было уже довольно много: «Колдунья», которую драматург и актеры, кажется, считали лучшей и которой открывали свои гастроли всякий раз; «Бабушка и внучка», «Бранделе-козак», «Немая невеста», «Память Плевны, или Подрядчик», «Шмендрик», «Фанатик», «Интрига, или Сплетница Двоя», «Тодрес дуй», «Ни бе, ни ме, ни кукареку, или Борьба цивилизации с фанатизмом», «Банкир-тиран, или Проданный сон», «Капризная дочь», «Рекруты», «Спички», «Катар» и «10 хасидов», исполняемые поочередно актерами-певцами, чаще всего Моисеем Зильберманом, после трехактных оперетт (да и вся драматургия Гольдфадена этого периода по жанру являлась опереттой или по меньшей мере комедией). Только однажды — 6 декабря 1879 г.— труппа испол-

нит комедию «Икс, микс, дрикс» литературного учителя Гольдфадена, Аврума Готлобера.

29 ноября 1879 г. в «Ни бе, ни ме...» дебютировала на одесской сцене Элиза Эйнгорн; 23 декабря был бенефис Л. Цукермана в «Капризной дочери», а 18 февраля 1880-го — М. Финкеля в «Тодрес дуй»; для другого бенефиса — 27 февраля — Цукерман предпочел «Немую невесту».

Но о театре к тому времени совсем перестали писать. То, что еврейская труппа в Одессе существует и даже преуспевает, можно узнать лишь из одной за последние полтора месяца года заметки. Автор ее, рассказывая о том, как одна за другой скончались на сцене Мариинского театра вначале русская, а потом и немецкая оперетты, пишет: «Приставленные было пивки простонародной еврейской оперетки Гольдфадена, насосавшись сами, не принесли никакой пользы делу и будут продолжать свое существование на развалинах русской и немецкой оперетки...»²⁷

Единственная рецензия следующего года, которой «прошипел» «Новороссийский телеграф», относилась к премьере «Памяти Плевны». «30 января публика еврейского театра вполне справедливо ошкарала и освистала новую пьесу Гольдфадена «Память Плевны», — писал очередной «Русский еврей», — представляющую собой бессмысленные отрывочные сценки, которые гораздо лучше играны были паяцами в балагане под качелями. Как еврей, я должен с полнейшим беспристрастием высказать, что многие евреи возмущались не только постановкой такой грубой чепухи под названием «комедии», но и приемами г. Гольдфадена для приманки публики на этот балаганный спектакль.... Все бессмысленное содержание комедии заключается в том, что бедный польский еврей взял с собой лопату и мешок и уехал на войну, чтоб загребать деньги. От продажи провизии на ручной повозочке он разбогател и идет поэтому с женою в кафе-шантан. Показывается переход войска через Дунай и сдача Османа-паши... Притом возмутительно еще более, что г. Гольдфаден, ради своих барышей, решается ставить пьесу, не рисующую жизнь евреев, а показывающую простой еврейской массе кафе-шантан с полунагими женщинами и балаганную комедию. (А как же «переход войска через Дунай и сдача Османа-паши»? Грандиозные, поди, были сцены.— Е. Б.) Ведь не следует забы-

вать, что ему разрешено играть еврейские пьесы, которые облагораживали бы простой еврейский народ, а не развращали бы его нравственность...»²⁸

Конечно, «Память Плевны» — не лучшее произведение Гольдфадена, он это прекрасно понимал и играл пьесу лишь от случая к случаю. Да и последующие еврейские труппы ставили пьесу реже, чем другие сочинения драматурга. Но такого полемического пыла и страсти он не заслужил.

Рецензент «Одесского вестника» известные достоинства драматургии Гольдфадена все же обнаружил, но его не удовлетворила труппа. «В среду, 22-го, и в субботу, 26 января, поставлены были... две лучшие пьесы А. Гольдфадена «Колдунья» и «Фанатик», сюжеты которых заимствованы из жизни староверов-фанатиков,— писал М. Гальперин.— Скажу несколько слов о спектаклях и труппе. Возьму хоть пьесу «Колдунья». В пьесе этой участвуют лучшие силы труппы, но несмотря на это, пьеса идет вяло, хор до того плохо составлен, что нет никакой возможности слушать его. Оркестр слаб и оставляет желать много лучшего. Что же касается до главных исполнителей, то лучшими можно назвать (по голосам) г. Зильбермана (тенора) и m-lle Эйгорн (сопрано). Первый обладает довольно звучным и чистым голосом, но не умеет петь; вторая же, напротив, обладает маленьким, приятным голосом, но умеет петь, так как она недавно окончила букарештскую консерваторию. Между исполнителями-комиками выдается г. Цукерман, который много смешит публику... И не больше! Что касается до остальных исполнителей, то стоит упомянуть лишь главного хормейстера г. Гиршенфельда (Дунаевского), который много сделал со дня вступления в труппу А. Гольдфадена»²⁹.

Только благодаря все тем же «Ведомостям Градоначальства» мы узнаем, что 16 января их спектакль посетил великий трагик Томмазо Сальвини, с которым в ту пору еврейская труппа по очереди делила сцену Мариинского театра. «В этот вечер давали «Колдунью»,— пишет репортер,— одну из любимейших еврейскими пьес, сочин[ения] Гольдфадена. Знаменитый артист следил все время с сосредоточенным вниманием за ходом пьесы, которая, видимо, его интересовала своей, так сказать... оригинальностью. Театр по обыкновению был почти полон, и в аплодисментах не было недостатка. Странно как-то было видеть, как публика, вчера

рукоплескавшая от восторга Сальвини — Отелло или Гамлету, сегодня восторгается... Колдуньей, исполняемой к тому же доморощенными знаменитостями. Признаемся, для нас эта параллель показалась немного обидной, и интересно было бы знать, на какие размышления это навело великого артиста»³⁰.

Мне кажется, что Сальвини пошел на спектакль еврейской труппы из любопытства к искусству народа, с которым ему еще не приходилось сталкиваться. А «параллельно», видя реакцию и своих зрителей на представление, возможно, он думал то же, что и я теперь, читая эти строки: людям нужно все — и высокая трагедия, и комедия или оперетта, если хотите. И если это доставляет зрителям эстетическое наслаждение, то они аплодируют в равной мере и тому и другому.

Слава о нарождающемся еврейском театре докатилась и до Петербурга. Одесский корреспондент еврейского журнала «Рассвет», сообщая столичным читателям о театре, вполне объективно попытался объяснить его как новое явление в жизни русского еврейства и высказывался весьма оптимистично по поводу его будущего: «В Мариинском театре у нас давала спектакли (три раза в неделю) еврейская труппа под управлением г. Гольдфадена. Спектакли эти привлекли массу еврейской, отчасти даже и не еврейской, публики. Уж одно это обстоятельство достаточно показывает, что несмотря на все нерасположение, которое питали здесь многие к еврейской труппе, труппа эта, или, вернее, некоторые жаргонные пьесы, удовлетворяют вкусам значительной части еврейской публики. Что масса еврейского населения в Одессе считает посещение этого театра одним из лучших удовольствий, достаточно доказывается тем, что бедняки копят в течение недели гроши для покупки билета. На первый взгляд может показаться странным намерение поговорить о задачах и целях театра, которого, в сущности, еще нет, так как единственные разыгрываемые еврейские пьесы — это пьесы Гольдфадена, а десяток пьес еще не составляют репертуара. Но недаром же сложилась народная поговорка: «почин дорожке денег». За Гольдфаденом пойдут и другие писатели; основание положено и постройка быстро подвинется. Весьма многие сознают, что еврейский театр может иметь большое общеобразовательное значение для русских евреев. На этот счет существуют и другие мнения. Говорят, что еврейский жаргон

неблагозвучен, но зато он обладает одним достоинством, которого нельзя найти ни в каком другом языке, а именно: он понятен для всей простой массы еврейства... Мы можем, таким образом, говорить о задачах и целях, если хотите, будущего еврейского театра...» Такой основной задачей, по мнению автора, должно стать «проведение общеобразовательных идей»³¹.

В марте 1880 г. труппа Гольдфадена отправилась в длительные гастроли. «Половина артистов осталась в Одессе, а со второй половиной Гольдфаден поехал в Петербург,— вспоминал А. Фишзон.— Таким образом мы сделали турне: Петербург, Москва, Харьков и назад в Одессу. Успех был громадный...»³² Артист многое запомнил. По моим сведениям, маршрут гастролей был более обширный: Полтава — Херсон — Николаев — Вильна — Ростов-на-Дону — Харьков — Москва — Минск — Винница — Бердичев — Балта (съездили-таки, как рекомендовал репортер «Одесского листка», и в эти города) — Динабург — Петербург, где играли с июля 1881 г. по март 1882-го...

В Одессу вернулись только в июне восемьдесят второго.

¹ *Фишзон А.* Записки еврейского антрепренера // Библиотека Театра и Искусства. СПб., 1913. № 9. С. 59—60.

² Там же. № 12. С. 14, 15.

³ [Современная летопись] // Одесский вестник. 1878. 22 апр. С. 8.

⁴ Там же. 23 апр. С. 6.

⁵ *Фишзон А.* Записки... // Библиотека Театра и Искусства. 1913. № 12. С. 16—17.

⁶ Еврейская опереточная труппа в Одессе // Новороссийский телеграф. 1879. 23 янв. С. 3.

⁷ [Хроника] // Одесский вестник. 1879. 25 янв. С. 2.

⁸ [Ежедневная хроника] // Новороссийский телеграф. 1879. 26 янв. С. 2.

⁹ [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1879. 25 янв. С. 2.

¹⁰ [Хроника] // Одесский вестник. 1879. 16 февр. С. 2.

¹¹ Там же. 28 февр. С. 2.

¹² Ведомости Одесского Градоначальства. 1879. 20 марта. С. 2.

¹³ Там же. 7 апр. С. 2.

¹⁴ [Хроника] // Одесский вестник. 1879. 15 апр. С. 2.

¹⁵ *Еврей-рецензент.* Еврейский театр // Новороссийский телеграф. 1879. 17 апр. С. 4.

¹⁶ *Другой еврей.* Письмо в редакцию // Там же. 26 апр. С. 2.

- ¹⁷ *М. М.* Еврейский театр // Одесский вестник. 1879. 2 мая. С. 2.
- ¹⁸ *Б-д. О.* Еврейский театр // Там же. 6 мая. С. 2.
- ¹⁹ *Б.* Еврейский театр // Там же. 13 мая. С. 3.
- ²⁰ Ведомости Одесского Градоначальства. 1879. 2 июня. С. 2.
- ²¹ Еврейские спектакли // Правда. Одесса, 1879. 11 авг. С. 2.
- ²² [Хроника] // Одесский вестник. 1879. 29 авг. С. 2.
- ²³ Ведомости Одесского Градоначальства. 1879. 1 сент. С. 3.
- ²⁴ Там же. 6 сент. С. 3; 11 сент. С. 3.
- ²⁵ [Искусство и литература] // Правда. 1879. 1 сент. С. 2; 24 окт. С. 2.
- ²⁶ [Театр и музыка] // Там же. 21 дек. С. 2.
- ²⁷ *Русский еврей.* Безобразия еврейского театра // Новороссийский телеграф. 1889. 1 февр. С. 2.
- ²⁹ *Гальперин М.* Марининский театр // Одесский вестник. 1880. 28 янв. С. 2.
- ³⁰ [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1880. 18 янв. С. 3.
- ³¹ *Г-н М.* Еврейский театр // Рассвет. СПб., 1880. № 5. Стлб. 168, 170.
- ³² *Фишзон А.* Записки... // Библиотека Театра и Искусства. 1913. № 12. С. 18.

А. Левитова

ЕВРЕЙСКИЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В МОСКВЕ (1918—1921)

Национальные меньшинства в Российской империи не могли иметь своих высших учебных заведений. Но необходимость высшего светского еврейского учебного заведения ощущалась достаточно остро. С 1908 г. в Петербурге действовали организованные бароном Гинцбургом Курсы востоковедения. В 1916 г. было принято решение о передаче курсов в ведение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), но изменение политических и экономических условий осложнило деятельность ОПЕ и не позволило немедленно начать работу обновленного учебного заведения. Только в 1919 г. в Петрограде состоялось открытие Высшей школы еврейских знаний¹.

Послереволюционное время вообще не способствовало получению академического образования. Массы людей, сорванные войной и революциями с насиженных мест, потеряли возможность закончить или получить систематические знания. В пред- и послереволюционные годы появляется новый тип образовательных учреждений — народный университет. Большинство народных университетов были ориентированы на те группы населения, которым раньше был закрыт или крайне осложнен путь в высшие учебные заведения.

Деятельность Еврейского народного университета в Москве является одной из малоизученных страниц истории евреев в России послереволюционных лет.

Еврейский народный университет (ЕНУ) в Москве существовал в 1918—1921 гг. и был организован по инициативе Московской еврейской общины. Нам не удалось обнаружить упоминания этого учебного заведения в литературе, что объясняется судьбой его архива. Фонды университета были засекречены, и ограничительный гриф с этих материалов был снят только в 1990—1993 гг.

В архиве Московской еврейской общины можно найти лишь документы, связанные с подготовительной работой по организации ЕНУ. Уже в декабре 1918 г. университет был зарегистрирован Еврейским комиссариатом как самостоятельное учебное заведение. После запрещения тем же комиссариатом деятельности Московской и других городских еврейских общин ЕНУ был вынужден работать без поддержки общины². Документы о закрытии университета хранятся в фонде Наркомпроса РСФСР и также были до недавних пор недоступны исследователям.

Архив ЕНУ сохранился хорошо. Вероятно, он был систематизирован еще в самом университете, до передачи в Центральный государственный архив древних актов (ныне — РГАДА), а затем перевода в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне — ГАРФ). Это объясняется профессиональной подготовкой одного из руководителей университета — С. Р. Коциной.

Идея создания открытого учебного заведения появилась в Московской еврейской общине во второй половине 1918 г. До этого община предпринимала попытки открыть школу для детей, но разрешение на это не было получено³. Заведующей внешкольным образованием С. Р. Коциной было поручено подготовить проект создания будущего университета⁴. В ее задачи входило составить общий план организации учебного заведения и детализировать его вплоть до сметы и программ обучения. Коцина постаралась собрать и систематизировать опыт различных учебных заведений типа народного университета, в том числе и еврейских. В ее поле зрения попали Еврейский народный университет в Вильно и еврейская секция «Университета для всех» (Вильно), действовавшие в конце 1915 — начале 1916 г. и закрытые немецкими оккупационными властями, Еврейский народный университет в Гроссер-клубе (Петроград), Пречистенские рабочие курсы (Москва). Все эти учебные заведения рассматривались с точки зрения системы управления, оплаты за обучение, языка или языков преподавания, количества и состава слушателей, процента постоянно посещающих лекции. На основе их опыта и был создан проект Еврейского народного университета в Москве⁵.

Соответствующий доклад С. Р. Коциной был заслушан собранием городской еврейской общины Москвы 13 октября 1918 г.

Тогда же для создания университета была сформирована комиссия и Временный совет университета. В обсуждении Устава ЕНУ активное участие принимал П. С. Марек. Он был членом комиссии по организации университета вплоть до отъезда из Москвы в 1919 г. Уже при обсуждении Устава его авторы понимали, что между «теорией» — Уставом — и «практикой» его осуществления неизбежно расхождение. Поэтому П. С. Марек не настаивал на изменениях в Уставе, однако требовал, чтобы руководство общины и университета реально оценивало свои силы, не бралось за ведение общеобразовательных курсов, а сконцентрировалось на преподавании только еврейских дисциплин⁶.

Интересно, что его оппонентами общеобразовательные предметы предполагалось преподавать на еврейских языках, а специальные еврейские — на обоих еврейских языках и русском — явно из расчета на аудиторию, не владеющую русским языком в той степени, чтобы слушать подобные лекции в каком-либо другом народном учебном заведении. Видимо, здесь сказалась ориентация на десятки тысяч евреев из Польши и западных губерний, эвакуированных и депортированных во внутренние районы России в 1914—1915 гг. и впоследствии оказавшихся в Москве⁷. П. С. Марек возражал и против этой точки зрения. Он считал, что слушатели, готовые к восприятию лекций на «университетском» уровне, должны достаточно хорошо владеть русским языком, чтобы не чувствовать языковых сложностей⁸.

Позиция П. С. Марек одержала верх: «Принимая во внимание обилие учреждений типа народного университета в Москве, могущих предложить слушателю курсы общеобразовательных знаний, предполагается на первых порах организовать курсы специальных еврейских знаний»⁹.

Первоначально лекции должны были быть платными¹⁰, читались пять или шесть раз в неделю по два часа в день. Управление ЕНУ передавалось Совету университета и его президиуму. В Совет должны были войти семь человек: три представителя от лекторов, два — от общего совета и два — от постоянных слушателей. В качестве источников финансирования назывались государственные субсидии, казна Московской еврейской общины и частные пожертвования. Планировалось, что, кроме обучения, ЕНУ будет заниматься издательской деятельностью, вести научную работу, возьмет на себя инициативу по организации музеев и других культурных учреждений.

Кроме Совета, для разработки учебных планов и программ создавалась специальная лекторская комиссия. В разное время в нее входило от трех до семи человек. Председателем комиссии и Совета была избрана С. Р. Коцина. Лекторская комиссия приглашала новых лекторов, рекомендовала их для утверждения Советом ЕНУ.

Открытие университета состоялось 2 декабря 1919 г. Именно этот день был избран для проведения «Годичных актов» — специальных собраний, на которых зачитывался отчет о деятельности университета за прошедший год.

Долгое время открытым оставался вопрос о помещении. Канцелярия ЕНУ размещалась в доме № 10 по Космодемьянскому переулку (ныне часть Столешникова пер.), основные лекции читались по адресу: Спасоглинищевский переулок, 3,— в здании, принадлежавшем Московской еврейской общине, и в здании хоральной синагоги (Спасоглинищевский пер., ныне ул. Архипова, 8). Уже в течение первого семестра выяснилось, что далеко не все желающие могут из-за сложностей с транспортом добраться до Маросейки. Тогда было решено читать лекции в «народных дворцах» тех районов, где было сосредоточено многочисленное еврейское население. Наибольшим успехом пользовались лекции, организованные в Замоскворечье, Марьиной роще и на Таганке. «Лекции в районах», как называлась такая форма образовательной работы, не были постоянными циклами курсов. Это были короткие курсы или отдельные («эпизодические») лекции, которые проводились в основном на праздники, например на Песах 1919 г.¹¹.

Лекции читались на русском и идише. В планы входило чтение лекций и на иврите, но эта идея так и не была осуществлена. Вероятно, не было достаточного количества желающих слушать их. Кроме того, по материалам о еврейских университетах, собранным Коциной, можно проследить следующие тенденции: в университете в Петрограде происходило постепенное уменьшение количества слушателей, желающих слушать лекции на иврите, и росло число желающих слушать лекции на русском¹². В Вильно ситуация была полностью противоположной; количество желающих слушать лекции на иврите росло¹³. Понятно, что ситуация в Москве была более сходной с Петроградом, чем с Вильно.

Не все заложенное в проекте удалось выполнить. Так, довольно поздно, 7 июня 1920 г., открылась библиотека ЕНУ¹⁴, составленная из частных пожертвований. Библиотека содержала 1547 томов, из них 333 на еврейских языках и 1140 на русском. Невелико было также и количество читателей: 54 (из них четверо детей). Был составлен подробный каталог, велась статистика читателей, но университету не удавалось создать действительно серьезной научной библиотеки.

Не была также реализована идея брать плату за обучение. Уже в первом семестре лекции ЕНУ (за исключением гостевых лекций) становятся бесплатными.

В ходе работы университета при нем была организована концертная комиссия¹⁵ — группа из 17—20 человек, которая давала концерты классической музыки, составляя концертные программы из музыкальных произведений, которые, по мнению членов комиссии, имели какое-либо отношение к евреям. Так, в каждом концерте исполнялись произведения Мендельсона, произведения Баха, Рубинштейна, Мусоргского и других на библейские сюжеты. Концерты проходили во многих известных залах, например, 5 мая 1919 г. концерт в пользу университета состоялся в Малом зале Московской консерватории. Концертная комиссия действовала до весны 1920 г.

Создатели университета не имели четкого представления о контингенте слушателей: «Народный университет имеет целью распространение научных знаний в широких массах народа ... а не обучение. Народный университет ничего не требует, он только предлагает всем желающим в легкой и доступной форме и систематическом порядке основы научного знания, не спрашивая, что из него возьмут и в каких целях воспользуются им те, кто наполняет аудиторию, университет «народный», то есть доступный всем, без различия пола, возраста, подготовки, ценза...»¹⁶ При этом, однако, «аудитория должна быть достаточно подготовленной для восприятия лекций именно научных, истинно университетского уровня»¹⁷. Предполагаемая программа курсов включала в себя широкий диапазон предметов: еврейская история, еврейская литература, еврейские языки, история еврейской культуры, еврейское рабочее движение, еврейское право, еврейская экономика, кооперация, эмиграция. Курсы должны были охватывать «все периоды и эпохи».

Руководство университета пыталось изучать свою аудиторию. Проводилось анкетирование слушателей, после чего в годовых отчетах указывалось количество мужчин и женщин, посетивших лекции, распределение по группам, количество постоянных слушателей в процентном отношении к аудитории¹⁸.

Важная роль в управлении ЕНУ отводилась постоянным слушателям и их выборным представителям. Предполагалось, что студенческий орган — общее собрание слушателей — будет делегировать своих представителей в Совет и другие органы управления университета. Но непостоянный характер аудитории, ее разношерстность не позволили студентам объединиться. Общие собрания слушателей состоялись только трижды в феврале—мае 1919 г.¹⁹.

Возрастной диапазон слушателей был чрезвычайно широк (от 16 до 79 лет), при этом две трети составляли слушатели в возрасте от 20 до 35 лет. Лекции посещало примерно вдвое больше мужчин, чем женщин. К сожалению, в анкетах не указывался род занятий слушателей, профессиональная структура аудитории никак не отражена и в отчетах. На одной лекции могло присутствовать от 25 человек (минимум записавшихся, необходимый по Уставу ЕНУ для чтения объявленного курса) до примерно 300 человек. В среднем на лекции присутствовало 60—70 человек.

С первых дней в работе по организации университета участвовал друг П. С. Марека И. П. Левонтин, с которым они, еще будучи студентами, организовали сионистский кружок «Бней Цион». И. П. Левонтин входил в Совет ЕНУ, а также читал курс «Палестиноведение».

Не менее активным сотрудником ЕНУ был Т. Б. Гейликман²⁰, далекий по взглядам от сионизма. Он был членом Московского и Главного комитетов Бунда, членом городского Совдепа Минска. В университете он читал курс «Исторический материализм» и целый ряд эпизодических лекций, среди них «Карл Маркс и еврейский вопрос». С лекциями в университете выступала Эстер Фрумкина, одна из руководителей Евсекции.

С первых дней в Совет ЕНУ вошел Л. Я. Берлинраут²¹, член Евр. СДРП «Поалей Цион» с 1904 г., к 1918 г.— член бюро ЦК партии, в 1918 г.— член ВЦИК. Интересно, что это единственный среди лекторов ЕНУ, родившийся в Москве.

В целом Еврейский народный университет объединял людей различных взглядов и убеждений. Были среди его лекторов и два раввина — Н. С. Гуревич²² и М. Г. Нурок²³, бывший раввин Митава, депортированный в 1915 г. из Курляндии. Кроме смихи, оба они имели дипломы Берлинского университета, Н. С. Гуревич в области права, М. Г. Нурок — философии. Последний, оказавшись после депортации в Москве, принимал активное участие в делах городской общины. В университете он вел различные курсы и ознакомительные лекции по Танаху и Талмуду. Н. С. Гуревич читал курсы по Талмуду и талмудическому праву в его связи с римским.

Среди сотрудников ЕНУ выделялась уже не раз упомянутая Сима Рафаиловна Коцина²⁴ — душа университета, председатель Совета и лекторской комиссии ЕНУ. Она родилась в 1873 г. в Белостоке, окончила гимназию в Москве и Высшие женские курсы по естественно-историческому отделению. С 1899 г. она работала в Московском отделении ОПЕ, занимаясь вопросами внешкольного образования и библиотечного дела. С 1903 г. Коцина возглавила библиотечную комиссию Московского отделения ОПЕ. Благодаря ей в библиотеке ЕНУ был составлен подробный каталог, а архив самого университета, как уже говорилось, тщательно систематизирован. С. Р. Коцина занималась организацией еврейского отдела библиотеки Румянцевского музея, обработала и описала архив П. С. Марека после его смерти, возглавила комиссию по его наследию. Она была автором множества методических пособий по детскому образованию, составляла типовые каталоги для библиотек в провинции, сотрудничала в русско-еврейских изданиях. Интересно, что все документы архива Коциной, ее планы и черновики написаны по-русски, а отчеты университета, протоколы заседаний комиссии и Совета ЕНУ — на идише.

В Еврейском народном университете сотрудничал и известный еврейский общественный деятель Соломон Самойлович Вермель. Его краткий *curriculum vitae* отсутствует в общей папке, да и вряд ли его подвергали тем же кадровым аттестациям, что и остальных лекторов, — его краткие биографические данные уже тогда можно было найти в Еврейской энциклопедии²⁵. С. С. Вермель родился в 1860 г. в Шклове, окончил медицинский факультет МГУ, сотрудничал во многих русско-ев-

рейских изданиях, где выступал с общественно-политическими и литературно-критическими статьями. Столь же разносторонней была его работа в ЕНУ. Он читал курс «Антропология и патология евреев». Кроме того, на протяжении трех семестров прочел курсы и отдельные лекции по темам: «Гигиена по Библии и Талмуду», «Евреи и еврейство в русской изящной словесности», «Певцы еврейского пролетариата», «Психология антисемитизма». Вермель входил в Совет ЕНУ и участвовал в работе научного кружка университета.

Еще одним известным преподавателем университета, более проявившим себя как исследователь, был Александр Семенович Тагер²⁶. Вместо краткой автобиографии он приводит длинный список своих работ по современному российскому и немецкому праву. В ЕНУ Тагер читал курсы «Положение еврейского народа перед русским уголовным судом между двумя революциями 1905—1917 гг.» и «Преступность у евреев». В это время Тагер работал над архивными документами по делу Бейлиса, результатом чего стала монография «Царская Россия и дело Бейлиса».

Всего с университетом сотрудничало более 25 человек, 10 из которых были членами Совета или лекторской комиссии ЕНУ.

Программа обучения формировалась прямо перед началом или непосредственно в ходе семестра. О новых курсах сообщалось с помощью плакатов, расклеивавшихся в центре Москвы, а также в районах сосредоточения еврейского населения²⁷. Постоянным слушателям по почте рассылались пригласительные билеты.

Программа планировалась обширная, но, к сожалению, руководству университета часто не удавалось реализовать задуманное. Так, из 22 курсов (один из них — «Семинарий по музыке»), объявленных в первом семестре (весна 1919 г.), было полностью прочитано лишь 6, а остальные либо вообще не состоялись, либо сократились до объема одной лекции²⁸. Во втором семестре (сентябрь 1919 — январь 1920 г.) ситуация несколько улучшилась и из 27 объявленных курсов было полностью прочитано 19.

Несмотря на ухудшение общей ситуации в Москве осенью 1919 г., деятельность университета не угасала. Напротив, развивалась, приобретала большую стройность программа обучения. В первом семестре курсы лекций делились на следующие

циклы: 1) историко-литературный и художественный; 2) общественно-экономический и юридический; философский; естественно-исторический.

Уже ко второму семестру художественный и юридический были выделены в отдельные циклы. В первом семестре объем циклов и распределение курсов по тематике объяснялось в основном количеством «наличествующих» лекторов²⁹. Абсолютное большинство курсов относилось к общественно-экономическому и юридическому циклам: «История рабочего движения», «Проблемы еврейской эмиграции», «Основы и история еврейского кооперативного движения в России», «Палестиноведение», «Экономические проблемы русского еврейства», «Основы национально-персональной автономии в еврейской действительности», «Автономия и федерация», «Талмудическое право в связи с римским», «История еврейского законодательства в России», — примерно половина всех курсов. Во всех других циклах объявлено по 1—2 курса, большинство из которых не были прочитаны полностью³⁰. Начиная со второго семестра распределение курсов становится более равномерным, каждый цикл представлен 4—6 курсами. Исторические курсы стали более связанными между собой хронологически, исчезла огромная пропасть между двумя периодами: древней историей и современными проблемами. Был введен курс средневековой истории, истории евреев в России, Польше и Литве. Историко-литературный цикл включал курсы по прозе и поэзии как на иврите, так и на идише, охватывая различные периоды, начиная с поэзии Танаха и кончая современным народным поэтическим творчеством. То же относится и к художественному циклу. Читалась история еврейского искусства от древности до творчества современных художников.

Просуществовав относительно успешно три семестра в условиях военного коммунизма, приобретя свою аудиторию и сотрудников, Еврейский народный университет вступил в третий год своего существования. В это время «заботливая рука» государственных учреждений, а точнее, Еврейского подотдела Отдела национальных меньшинств Наркомпроса стала вмешиваться в дела ЕНУ.

К весне 1920 г. Еврейский отдел Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР уже запретил деятельность всех сионистских и общинных организаций³¹. Начались гонения

на иврит. Характерно, что в переписке Еврейского подотдела с ЕНУ в письмах Еврейского подотдела традиционное ивритское написание слов было заменено на фонетическое, а в документах ЕНУ традиционное написание сохранялось.

Университет начинает контактировать с Еврейским подотделом в конце весны 1920 г. Это было связано с закрытием общины и общим ухудшением экономического положения в Москве. Система военного коммунизма, пайки и натуральные выплаты сделали невозможным существование университета без поддержки государственных учреждений. Протоколы заседания Совета наполняются решениями о выдаче академических пайков³². Президиум Совета ЕНУ направляет в Наркомпрос РСФСР список сотрудников университета с просьбой не отключать им телефон³³. Вплоть до сентября 1920 г. отношения Еврейского подотдела и ЕНУ были достаточно корректными. Университету предоставлялись пайки, но Еврейский подотдел не проявлял особого интереса к внутренним делам университета.

Летом 1920 г. была организована комиссия по составлению планов и программ на 1921/21 учебный год. В эту комиссию вошли С. Р. Коцина, Т. Б. Гейликман, Л. Е. Мотылев, И. М. Альтшуллер и С. С. Вермель³⁴. Комиссия решила заменить «цикловую систему на факультетскую организацию, причем курсы разделить на три факультета: 1) общественно-экономический и юридический; 2) историко-филологический; 3) естественно-исторический»³⁵.

Еврейский подотдел Отдела национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР направляет в эту комиссию своего представителя — «товарища Волина». Вероятно, ознакомившись с деятельностью ЕНУ, тот усомнился в полезности такого заведения. Как следствие — Еврейский подотдел предпринимает ряд попыток реорганизовать деятельность университета. Волин требует, чтобы в университете читались курсы по обществоведческим и естественно-научным дисциплинам. С. Р. Коцина доказывала, что у университета нет возможности преподавать эти курсы, нет лекторов и средств, но Еврейский подотдел отказался утверждать учебный план на новый учебный год. В это время лекторы университета С. С. Вермель и Л. Е. Мотылев предлагают искать пути самостоятельного существования, так

как в «еврейских учреждениях существует нетерпимость к частной инициативе»³⁶.

После оживленной переписки, взаимных требований и претензий Еврейский подотдел прерывает лекции начавшегося семестра. 13 ноября 1920 г. им принимается резолюция из четырех пунктов: «1) Сейчас Еврейский народный университет не открывать. 2) Создать комиссию из 7 человек под руководством тов. Волина, которая должна в течение двух недель выработать программу и устав университета. 3) Включить в комиссию двух представителей. 4) Обратиться в Отдел национальных меньшинств при Наркомпросе для получения суммы в размере 100 000 рублей»³⁷.

Это решение, вероятно, было доведено до Совета ЕНУ в устной форме, поскольку 15 ноября 1920 г. на заседании Совета решено было потребовать предоставить ему копию решения в письменном виде.

Руководство университета понимало, что необходимо идти на компромисс. В университете была создана комиссия, которая разработала Положение о ЕНУ и инструкцию о факультетах³⁸. По этим документам ЕНУ оставался бы учебным заведением, действовавшим самостоятельно, на принципах самоуправления. «Руководящая роль» Еврейского подотдела не нашла в Положении никакого отражения. Еврейский подотдел не изменил своей позиции. В университете прерывается чтение лекций, его деятельность как учебного заведения практически прекращается.

В этот период особое значение приобретает деятельность научного кружка³⁹. Его заседания начались 30 сентября 1920 г. и проходили регулярно не реже одного раза в месяц до 14 мая 1922 г., когда деятельность университета прекратилась полностью. Кружок стал для лекторов ЕНУ единственной аудиторией, а также давал возможность формально считать университет действующим. Заседания кружка носили характер серьезной научной работы: докладчик представлял тезисы своего доклада и библиографию к теме, велся протокол обсуждения доклада, к которому прилагался краткий конспект его содержания. Доклады касались самых различных аспектов еврейской истории, религии, культуры, права.

Параллельно С. Р. Коцина и Совет ЕНУ предпринимают отчаянные попытки возобновить работу университета, но не доби-

ваются успеха. Довольно быстро они приходят к выводу, что Наркомпрос не даст им возможности открыть учебное заведение. 22 февраля 1921 г. состоялось последнее заседание Совета Еврейского народного университета. Постановили «открыть научное общество», чтобы избавиться от опеки Наркомпроса, передав этому обществу библиотеку ЕНУ⁴⁰. Вероятно, членам Совета удалось зарегистрировать некую «Ассоциацию гуманитарной культуры», так как несколько следующих заседаний (5 и 15 мая 1921 г.) проходят под таким названием⁴¹.

Другим аспектом деятельности Совета ЕНУ стала разработка научного наследия П. С. Марека после его смерти в Саратове в конце 1920 г. Совет ЕНУ в полном составе стал называться Комиссией по творческому наследию Марека. Велись переговоры с семьей об условиях передачи архива Марека. С. Р. Коцина занималась разработкой и систематизацией архива, составила его опись. На одном из последних заседаний научного кружка ЕНУ был прочитан доклад Коциной «П. С. Марек как сионист (по архивным материалам)».

Несмотря на все попытки, ЕНУ, как и подавляющее большинство других независимых национальных образовательных институтов, прекратил свое существование. Документы о выселении библиотеки университета и его архива сохранились в Еврейской исторической комиссии при Отделе нацменьшинств при Наркомпросе⁴². В записках, которые направляли сотрудники университета в Наркомпрос, рисовалась печальная картина отношения чиновников к книгам и документам.

Закрытие независимых национальных образовательных учреждений не было связано с особым отношением властей к евреям как к национальной общности. Это явление отражает формирование более жесткой государственной политики в области образования в целом. Большевики рано осознали важность проблемы народного образования и стремились как можно скорее взять его систему в свои руки. В 1918—1919 гг. Наркомпрос ограничивался лишь запрещением наиболее «реакционных» с точки зрения режима учебных заведений (таких, как религиозные школы для детей и т. д.), а также пытался создавать новые структуры для контроля и организации учебных заведений нового типа. Так, 31 октября 1918 г. был создан Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса. В его

задачи входило обслуживание образовательных нужд «народов нерусского языка»⁴³. В начале своей деятельности отдел ограничивался лишь изучением ситуации ввиду своих скромных возможностей. Когда же отдел окреп и получил возможность реально влиять на работу национальных культурных и образовательных учреждений, все учебные заведения, направленность которых выходила за рамки идеологической работы на языках национальных меньшинств, были закрыты. Для этого использовались «национальные кадры», которые определяли идеологическую пригодность или, как в случае с Еврейским народным университетом в Москве, непригодность того или иного учебного заведения.

¹ *Gessen V.* The Jewish University of Petrograd // East European Jewish Affairs. 1992. Vol. 22, № 1. P. 72—79.

² ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 628.

³ Там же, ф. А 296, оп. 2, ед. хр. 72, лл. 23—24 об.

⁴ Там же, ф. 9530, оп. 1, ед. хр. 22, лл. 4—4 об.

⁵ Там же, ед. хр. 1, лл. 1—22 об.

⁶ Там же, ед. хр. 3, л. 1.

⁷ *Куповецкий М. С.* Еврейское население Москвы (XV—XX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987. С. 64.

⁸ ГАРФ, ф. 9530, оп. 1, ед. хр. 3, л. 2 об.

⁹ Там же, ед. хр. 1, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 2 об.

¹¹ Там же, ед. хр. 10, лл. 7—9 об.

¹² Там же, ед. хр. 1, л. б.

¹³ Там же, лл. 4 об., 5 об.

¹⁴ Там же, ед. хр. 17, лл. 1—56 об.

¹⁵ Там же, ед. хр. 16, лл. 1—27 об.

¹⁶ Там же, ед. хр. 1, л. 3.

¹⁷ Там же, л. 3 об.

¹⁸ Там же, ед. хр. 10, л. 3 об.

¹⁹ Там же, ед. хр. 14, лл. 1—7 об.

²⁰ Там же, ед. хр. 22, лл. 3—3 об.

²¹ Там же, л. 2.

²² Там же, лл. 22—22 об.

²³ Там же, лл. 5—5 об.

²⁴ Там же, лл. 21—21 об.

²⁵ Еврейская энциклопедия. СПб., [Б.г]. Т. 5. С. 509.

- ²⁶ ГАРФ, ф. 9530, оп. 1, ед. хр. 22, лл. 4—4 об.
²⁷ Т а м ж е, ед. хр. 13, лл. 1—2 об.
²⁸ Т а м ж е, ед. хр. 10, лл. 2—3 об.
²⁹ Т а м ж е, л. 4 об.
³⁰ Т а м ж е, л. 15 об.
³¹ Т а м ж е, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 628.
³² Т а м ж е, ф. 9530, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 43—67 об.
³³ Т а м ж е, ед. хр. 19, л. 1.
³⁴ Т а м ж е, ед. хр. 7, л. 1.
³⁵ Т а м ж е, лл. 1—1 об.
³⁶ Т а м ж е, ед. хр. 8, л. 38.
³⁷ Т а м ж е, ед. хр. 3, л. 5.
³⁸ Т а м ж е, ед. хр. 2, л. 5.
³⁹ Т а м ж е, ед. хр. 15, лл. 1—43 об.
⁴⁰ Т а м ж е, ед. хр. 4, л. 68.
⁴¹ Т а м ж е, ед. хр. 9, лл. 46—47.
⁴² Т а м ж е, ф. А 296, оп. 3, ед. хр. 7, л. 123 об.
⁴³ Известия. 1918. 31 окт.

СОЦИОЛОГИЯ

Ц. Гительман (Анн-Арбор, США),
В. Червяков, В. Шапиро

ИУДАИЗМ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Введение

В настоящее время Россия переживает период бурного роста национального самосознания практически всех народов, населяющих ее. Поэтому интерес к проблеме национальной идентичности российских евреев отнюдь не случаен. В то же время очевидна специфичность данной проблемы, проявляющаяся в отсутствии еврейского национально-территориального образования в России (всерьез воспринимать в качестве такового Еврейскую автономную область нельзя), в огромной роли многовекового опыта жизни в рассеянии, влиянии Израиля и обширной еврейской диаспоры, сильных эмиграционных тенденциях, антисемитизме и пр.

С учетом перечисленных моментов было организовано социологическое исследование «Национальная идентичность российских евреев»¹, на основе которого подготовлена настоящая статья. Авторы исследования ставили перед собой цель проследить динамику национального самосознания российских евреев и попытаться определить перспективы российского еврейства.

Основные проблемы еврейского самосознания в данный переходный для России период заключаются в том, что после десятилетий принудительной ассимиляции, прикрываемой демагогией о «новой исторической общности — советском народе», после закамуфлированного государственного антисемитизма по крайней мере два последних поколения российских евреев оказались практически полностью оторванными от своих культурных

корней. На чем основывается их национальная идентичность сегодня? На этот вопрос предстояло дать ответ в ходе исследования.

Постперестроечный период открыл широкие возможности для возрождения еврейского образования, искусства, культуры в широком смысле этого слова. Но есть ли потребности в этом у молодых евреев? Есть ли к этому тяга у пожилых? Или ассимиляторские тенденции взяли верх? На эти вопросы также предстояло дать ответ.

Что движет теми российскими евреями, которые обращаются к иудаизму, берутся за изучение своей истории и языка, вступают в еврейские национальные общества и ассоциации, — стремление укрепить свои национальные корни или подготовиться к эмиграции? Этот круг вопросов также должен был проясниться в ходе исследования.

В целом же проблему исследования можно сформулировать достаточно просто: что делает сегодняшнего российского еврея евреем? И вполне естественно, что одним из главных вопросов было место иудаизма как национальной религии в формировании национального самосознания российских евреев.

К истории проблемы

Знаменитый постулат К. Маркса о том, что «религия — опиум народа», является основой антирелигиозных предубеждений социалистических движений. Однако социалистические движения, а позднее коммунистические режимы различались по степени антирелигиозной воинственности. Эти различия, вероятно, объяснимы помимо прочего тем, насколько религии были интегрированы в досоциалистические государственные структуры, силой религиозных убеждений народа и, возможно, личным отношением к религии лидеров социалистических и коммунистических движений и режимов. В Российской империи православная церковь являлась неотъемлемой частью системы; разграничения церкви и государства не существовало. Как выразился в 1832 году министр просвещения граф С. С. Уваров, «лучшими гарантиями силы и величия России» были «консервативные принципы православия, самодержавия и народности»². Неудивительно поэтому, что большевики считали необходимым разрушить религию, видя в этом часть борьбы с тем, что было для них олицетворением капитализма.

Все религии и их институции после революции подвергались нападкам, особенно в середине 20-х гг., а затем вновь в 1929—1939 и в 1957—1964 гг.³ В другие периоды партия и государство сохраняли официальную антирелигиозную позицию, хотя она ослабела во время второй мировой войны, и кампании против религии были сравнительно мягкими и рутинными. Однако советская конституция, гарантировавшая как свободу религии, так и свободу антирелигиозной пропаганды, запрещала обучение религии кого бы то ни было до восемнадцатилетнего возраста. Поскольку государство поощряло и финансировало антирелигиозную пропаганду, но не религию, и поскольку решающий период для приобщения к религии — детство, система была последовательна и жестока в своей враждебности к религиям и их носителям. Советское государство вкладывало огромные суммы в антирелигиозную агитацию и пропаганду. Были выпущены миллионы антирелигиозных книг, брошюр, журналов, плакатов, фильмов. Были сформированы организации воинствующих атеистов. Школьные программы включали антирелигиозное обучение. В вузах существовали обязательные курсы научного атеизма. Все это ослабляло религию, но, как оказалось впоследствии, не искоренило ее.

Политика воинствующего атеизма была более успешной в разрушении религиозных знаний, чем в искоренении веры⁴. Сегодня в бывшем Советском Союзе царит чудовищное невежество в отношении догматов и практики всех религий. Но вместе с тем религиозное обучение становится доступным, гораздо больше готовится священников, религиозные издания и программы в средствах массовой информации достаточно распространены.

Но должны пройти годы, чтобы было преодолено религиозное невежество, сознательно порожденное советским государством.

Иудаизм, конечно, не был при царизме частью истеблишмента, но и он тем не менее после революции стал объектом нападков. В конце концов он был религией и в этом качестве рассматривался как реакционный и обреченный. Более того, большевикам трудно было проявлять терпимость к иудаизму, религии меньшинства, одновременно выступая против христианства, религии большинства. Хотя они кое в чем могли быть более осторожными в своей конфронтации с исламом⁵, ни для одной религии не было сделано исключений в атеистических кампаниях большевиков.

Среди евреев были антирелигиозные элементы, особенно Бунд — марксистское социалистическое движение, которое про-

водило достаточно осторожную политику, нападая на раввинов, а не на саму религию. Когда большевики после революции вынудили Бунд прекратить свое существование, некоторые из его лидеров вступили в Коммунистическую партию и стали активистами в ее еврейских секциях (евсекциях). Они принесли с собой бундовскую враждебность к религии, получив теперь от партии и государства мандат на проведение атеистической линии, а также опору на государственную власть для ее реализации. Еврейские коммунисты, очень немногочисленные до 1919 г., осознавали, что религия еще сохраняет сильное влияние на «еврейской улице», и это вынуждало их установить там собственную монополию на власть. Они с энтузиазмом включились в антирелигиозные кампании начала 20-х гг. в надежде устранить иудаизм в качестве значимой силы в еврейской жизни как на общинном, так и на индивидуальном уровне.

К середине 20-х гг. свыше 600 синагог были закрыты. Еврейские религиозные школы также были закрыты или загнаны в подполье, а большинство раввинов были принуждены найти себе иное занятие. Позднее, в 30-е гг., многие были арестованы и высланы⁶. В это десятилетие «Союз воинствующих безбожников» широким фронтом внедрял атеизм. Высшие учебные заведения в 1929 и 1934 годах были очищены от верующих; в 1931 г. были основаны «университеты атеизма». К 1930 г. 800 млн. печатных страниц было посвящено антирелигиозной пропаганде⁷.

Возможно, урбанизация и светское образование сделали больше для ослабления религий, в том числе иудаизма, чем все эти кампании и меры. Устремляясь из разрушенных, обнищавших местечек в поисках образования и работы в большие города прежней черты оседлости и крупные индустриальные центры России, евреи отказывались от своего традиционного образа жизни. Идиш уступал место русскому языку, обычаи и традиции предавались забвению, религия была отброшена. Евреи приспособились к новой для них еде и одежде, резко возросло число браков с неевреями. К 1939 году около 87% евреев проживало в городах, причем 46% в городах с населением более полумиллиона жителей. Тогда же около 55% называли родным языком русский, в то время как в 1926 году — только 26%⁸. При переписи 1937 года 53% населения СССР старше 16 лет назвали себя верующими, тогда как среди евреев эта цифра составила всего 17%. Таким

образом, «в конце 30-х годов среди евреев доля относивших себя к верующим была в 3—4 раза ниже, чем среди христиан и мусульман. Это может быть прямым результатом того, что евреи были горожанами с высоким удельным весом обитателей крупных городов»⁹. Следует отметить, что $\frac{3}{4}$ евреев, назвавших себя верующими, были старше 50 лет. В группе же 16—29-летних таких было только 2—3%¹⁰. Таким образом, уже полстолетия назад казалось, что среди советских евреев религия умирает.

К 80-м гг. один из сильнейших религиозных запретов — брак с неевреем — был нарушен более чем половиной еврейского населения. В 1988 году в СССР 58,3% евреев и 47,6% евреек, вступавших в брак, женились и выходили замуж за неевреев¹¹. Во время хрущевских антирелигиозных кампаний 1957—1964 гг. были закрыты несколько сотен синагог. В 70-е годы оставались действующими всего лишь немногим более 100 синагог и молитвенных домов. За исключением символической ешивы в Москве, функционировавшей спорадически, в СССР больше не было еврейских религиозных школ. Предреволюционное поколение, которое имело определенные знания об иудаизме, практически ушло. Оставались лишь немногие религиозные евреи из западных регионов страны, ставшие советскими гражданами в 1939—1940 гг., которые еще могли передать другим знания об иудаизме, но это было в высшей степени рискованным делом.

В Средней Азии и Грузии евреев, соблюдавших традиции, было относительно больше, но они по преимуществу не были религиозно образованными или информированными. Таким образом, можно было ожидать, что религиозная вера и практика станут чрезвычайно редким явлением, особенно среди европейских (ашкеназийских) евреев.

Что могло бы сохранить верность иудаизму, если не практика и вера, так это историческая связь между еврейской религией и еврейской этничностью. Евреи появились в древности на Ближнем Востоке, где этничность и религия воспринимались как однозначные понятия. Современное разделение религии и этничности возникло после эмансипации евреев в Западной Европе в XVIII столетии. С тех пор идут дискуссии о том, являются ли евреи религиозной или этнической группой или тем и другим одновременно. В СССР разрешили спорный вопрос «сверху», когда евреи были определены как национальность и их развели

с религией. В результате быть евреем в Советском Союзе и государствах — его преемниках означает быть членом этнической группы (народа, нации) без каких-либо намеков на принадлежность к ее религии, как если бы она вообще не существовала. Смысл этого состоит в том, что в советской интерпретации некто может быть евреем, несмотря на то что вообще не имеет ни малейшего касательства к иудаизму. В самом деле, человек может придерживаться иной, чем иудаизм, религии и все же быть отнесенным к евреям.

Опираясь на все эти положения, мы исследовали природу религиозной веры и ориентаций евреев сегодняшней России. Нас интересовал уровень и сущность религиозной веры среди евреев и то, как они ощущают связи между еврейской этничностью и еврейской религией. Такой анализ важен, чтобы понять, какое влияние оказали семь десятилетий советской атеистической социализации. Это также имеет решающее значение для оценки того, смогут ли вообще и как именно евреи в бывшем Советском Союзе воссоздать свою идентичность и вместе с ней еврейскую общину. Будут ли эти процессы протекать в секулярном русле, или иудаизм будет возрожден в какой-то форме и инкорпорирован в эволюцию еврейской жизни и еврейского самосознания?

Возрождение еврейской национальной идентичности

В настоящее время процесс возрождения национальной идентичности российского еврейства налицо. Признаки этого можно наблюдать как на общесоциальном, так и на индивидуальном уровне. Макросоциологическими индикаторами возрождения еврейской идентичности могут служить такие факты, как широкое распространение еврейских институций самого различного профиля. Это и организации явно выраженной политической направленности, как, например, Ваад. Это и организации культурно-просветительские, как Еврейская культурная ассоциация. Это и научно-исследовательские организации, как Еврейское историческое общество или Научно-просветительский центр «Холокост». Это и ставшие уже теперь многочисленными еврейские учебные заведения.

В целом о динамике численности еврейских организаций в государствах бывшего СССР дает некоторое (весьма, правда, приблизительное) представление состав участников съездов Кон-

ференции еврейских общин и организаций (Ваада). Если в 1989 г. на первый съезд Ваада в Москве собрались представители 204 еврейских организаций, то в 1991 г. их было уже 283, а в 1992 г. в Одессе было представлено 320 организаций. Этот «организационный бум» конца 80-х годов, являясь свидетельством формирования еврейской идентичности в достаточно широких масштабах, одновременно обусловил определенную сумбурность и противоречивость этого процесса, связанную с молодостью движения, отсутствием наработанных традиций в организации еврейской национальной жизни.

Согласно данным нашего опроса в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, непосредственное участие в деятельности еврейских организаций принимает 9% проживающих в этих городах евреев. В целом же половина взрослого еврейского населения в той или иной степени вовлечена в орбиту деятельности этих организаций, поскольку к названным активистам нужно добавить 28% посещавших проводимые этими организациями мероприятия и еще 13% пользовавшихся теми или иными их услугами. К слову сказать, по данным Стивена Коэна, в 1989 году 46% американских евреев формально принадлежали к какой-либо еврейской организации (помимо синагог). Но из них только чуть более четверти тратили достаточно много времени на реальную работу в организации¹².

Приведенные формальные показатели — лишь внешнее проявление глубоко лично переживаемого большинством российских евреев осознания себя частью еврейского народа. В этом смысле их можно рассматривать как материализацию национального самосознания, как приход людей к пониманию своих этносоциальных интересов.

Одним из наиболее сильных свидетельств возрождения еврейской национальной идентичности является усиливающийся интерес к истории, традициям, культуре народа. Согласно нашим данным, более трети взрослых евреев считают для себя обязательным больше узнать об истории еврейского народа, его культуре, искусстве, литературе, музыке. К ним следует добавить тех, кто полагает это желательным для себя, а таковые насчитывают еще более половины опрошенных. Иными словами, познавательные установки в этой области выявлены более чем у 90% опрошенных. Почти столь же многочисленны и желающие больше узнать о еврейских традициях и обычаях (см. табл. 1).

Таблица 1

**Познавательные ориентации респондентов в зависимости от возраста
(в %, N = 1300)**

Вы считаете обязательным для себя, желательным или совсем не обязательным...	Всего	Возраст			
		До 30 лет	30—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
... больше узнать об истории еврейского народа?					
— обязательно	38,7	47,5	36,2	42,3	36,3
— желательно	57,1	50,4	60,1	56,6	57,1
— совсем не обязательно	2,9	1,4	2,6	0,8	4,6
— затруднились ответить	1,3	0,7	1,1	0,4	2,0
... лучше узнать еврейскую культуру, искусство, литературу, музыку?					
— обязательно	35,4	46,1	34,2	38,1	32,0
— желательно	59,4	51,8	62,4	60,0	59,1
— совсем не обязательно	3,7	1,4	2,3	1,1	6,4
— затруднились ответить	1,5	0,7	1,1	0,8	2,4
... больше узнать о еврейских традициях и обычаях?					
— обязательно	29,8	39,0	29,6	29,4	27,6
— желательно	60,6	53,9	65,2	65,7	56,9
— совсем не обязательно	7,4	6,4	3,4	4,2	11,8
— затруднились ответить	2,2	0,7	1,7	0,8	3,7

Высокий уровень познавательных установок — своего рода попытка преодолеть то невежество в области своей национальной культуры в широком понимании слова, которое давно уже стало отличительной чертой российских евреев. (Всего лишь от 10 до 20 % опрошенных смогли о себе сказать, что они хорошо знакомы с еврейскими традициями и обычаями, историческим наследием, искусством и пр.) Возможно, это и попытка преодолеть подспудно осознаваемую большинством раздвоенность своего национального самосознания, которая ведет к серьезным внутренним коллизиям.

Парадокс национального самосознания

В процессе нашего опроса 96% респондентов сказали, что относят себя к евреям. Однако в ходе дальнейшего интервью у большинства из них начали выявляться странные противоречия в ответах. Так, отвечая на вопрос: «Как бы Вы могли определить в целом свое национальное самосознание — как преимущественно еврейское, преимущественно нееврейское или и то и другое одновременно?» — только 27,5% опрошенных смогли с уверенностью сказать, что их самосознание преимущественно еврейское; 55% определили его как одновременно еврейское и нееврейское, 8% — как преимущественно нееврейское. Остальные затруднились дать однозначный ответ.

Анализ показал, что весьма неопределенное «одновременно еврейское и нееврейское» национальное самосознание не обязательно означает, что человек чувствует свою связь с еврейским народом и еще каким-то, в нашем случае русским. В ходе интервью предлагались еще два вопроса, касающихся самосознания. Первый: «Как Вам кажется, в Вас лично много или мало еврейского или вообще нет ничего от типичного еврея?» И следующий: «А как Вам кажется, много или мало в Вас русского или вообще нет ничего русского?» По результатам ответов на оба вопроса получилось, что менее четверти опрошенных видят в себе много еврейского и одновременно мало или ничего русского. Около 35% — наоборот, видят в себе много русского, при этом отмечая мало или не находя ничего еврейского. У остальных национальный выбор представляется совсем неопределенным.

Если исходить из предположения, что национальная принадлежность — это прежде всего самоощущение, то мы сталкиваемся с поразительным феноменом: люди *относят* себя к евреям, однако евреями себя при этом *не ощущают*.

Отсюда возникает по крайней мере два вопроса. Первый — кто же тогда по своим самоощущениям большинство российских евреев? И второй: что делает российских евреев, не ощущающих своей национальной принадлежности, евреями?

Мы не первые, кто задается этими вопросами. Именно они мучили Маргина Бубера. Вспомните: «Какого рода та общность, о которой мы свидетельствуем, когда называем себя евреями? Что означает наше странствие над бездной — падаем ли мы сквозь туман тысячелетий в забвение или же некая сила движет нами, направляя к совершенству?»

В великой кладовой абстракции хранятся всевозможные ответы для умников, не желающих усложнять себе жизнь достаточно глубоким их осмыслением. Такие ответы существуют и на сей случай: их два на выбор — религия и нация. Но эти ответы, на наш взгляд, не что иное, как замаскированные вопросы»¹³.

И хотя мы понимали, что одними лишь эмпирическими изысканиями разрешить столь глубокие философские проблемы невозможно, именно на «замаскированные» вопросы мы пытались найти ответы. Как сочетаются религия и нация в сознании атеистически воспитанных российских евреев? Как можно быть иудеем, не исповедуя иудаизма? И как можно симпатизировать иудаизму, будучи далеким от следования его строгим правилам?

Новая идентичность

Представляется, что вненациональное существование евреев в Стране Советов означало для большинства искоренение внутренней идентичности, которую можно рассматривать как комплекс позитивных чувств, связанных с принадлежностью к великому народу, глубокую интериоризацию повседневных норм еврейской жизни, традиций и, возможно, верований и замену этой положительной идентичности обусловленным внешними причинами комплексом негативных чувств. Об этом говорят многие ответы респондентов, где они пытаются объяснить свое национальное самосознание. Вот лишь несколько типичных высказываний из многих сотен:

«Воспитан на русской культуре, но все время ощущаю себя евреем, кроме того, государство и окружающие не дают об этом забыть».

«Внутреннее содержание — русское, продукт русской культуры, но в то же время не давали забыть, что я — еврей».

«Когда я испытываю антисемитизм, быговой или государственной, я ощущаю себя евреем, когда не испытываю — ощущаю евреем в меньшей степени».

В целом же около 42% респондентов, отвечая на вопрос «Что, по-Вашему, означает — ”быть евреем”?», определили это через отношение окружающих, выбрав альтернативы: «Восприниматься другими как еврей(ка)», или «Чувствовать постоянную неприязнь к себе окружающих, антисемитизм», или «Чувствовать свое

отличие от людей других национальностей». И не случайно, что еврейское самосознание в гораздо большей степени присуще людям, в ком окружающие легко угадывают принадлежность к «лицам еврейской национальности» по физиономии. То есть влияние русской культуры и насильственное подавление национальной еврейской культуры способствовали ассимиляции, тогда как проявления антисемитизма помогли сохранению национальной идентичности. Парадокс социальный явился основным источником парадокса сознания.

Изменение социально-политической ситуации в стране в конце 80-х гг. означало зарождение позитивной еврейской идентичности — идентичности, связанной с гордостью за свой народ, за его прошлое и настоящее. Этим обусловлены различия в ответах представителей разных возрастных когорт. Если среди ответов старших возрастных групп (от 50 лет и старше) более половины опрошенных, припоминая обстоятельства, заставившие их впервые осознать свою принадлежность к еврейству, называли эпизоды своей жизни, несущие откровенно негативную эмоциональную окраску, то у молодежи до 20 лет факт осознания своей принадлежности к еврейству вдвое реже связывается с неприятными воспоминаниями (см. табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Какие обстоятельства заставили Вас почувствовать себя евреем (еврейкой)?» в зависимости от возраста (в %, N = 1300)

	В целом	Возраст					
		16—19 лет	20—29 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Ответы, связанные с позитивными эмоциями	11,1	22,2	14,3	12,4	10,5	5,3	12,3
Ответы, связанные с негативными эмоциями	45,0	25,0	37,1	41,0	50,0	55,5	42,2
Нейтральные ответы	38,0	44,4	43,8	39,8	33,2	32,1	40,5
Не ответили	5,9	8,4	4,8	6,8	6,3	7,1	5,0

Те из наших респондентов, кому сегодня еще нет тридцати, на вопрос интервью: «На протяжении жизни Вам чаще приходилось гордиться или стесняться того, что Вы еврей(ка)?» — втрое чаще выбирали ответ «гордиться», чем «стесняться», тогда как у людей зрелого возраста позитивные и негативные ответы распределились примерно в равных пропорциях (см. табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «На протяжении жизни Вам чаще приходилось гордиться или стесняться того, что Вы — еврей(ка)?» в зависимости от возраста (в %, N = 1300)

	В целом	Возраст			
		До 30 лет	30—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
— чаще доводилось гордиться	24,8	35,5	18,8	21,1	27,8
— чаще приходилось стесняться	17,8	11,3	22,8	18,9	15,7
— было и то и другое в равной мере	30,9	30,5	35,6	37,4	24,9
— не было ни того, ни другого	23,7	22,0	19,9	20,0	28,4
— затруднились ответить	2,8	0,7	2,8	2,6	3,3

Таким образом, новая идентичность приходит как осознание своей принадлежности к народу, который помимо гонений и неприязни может вспомнить историю, ставшую священной для большей части цивилизованного мира. К народу, который может гордиться своими героями и гениями. К народу, который сумел возродиться после ужаса Холокоста и воплотить вековую мечту о государственности в исторически неправдоподобные сроки.

От национальной идентичности в сознании — к идентификации в поведении

Новая национальная идентичность неминуемо должна была принять прежде всего познавательные формы. Однако когнитивные и чувственные способы обретения своих национальных корней с необходимостью должны были дополниться (и это мы наблюдаем в действительности) поведенческими компонентами, практическим выражением своей принадлежности к еврейскому

народу. И прежде всего это должно было произойти в тех формах, где наиболее сильны психологические механизмы сопричастности — механизмы заражения, подражания, внушения. Это традиции, обычаи, ритуалы, праздники.

Большинство российских евреев признают, что они незнакомы с национальными традициями. Только 13% наших респондентов заявили, что они хорошо знают их. Это является прямым следствием разрыва религиозной и культурной преемственности, который пережили несколько поколений российских евреев.

Однако наряду с низким уровнем знания традиций исследование выявило ярко выраженные позитивные установки по отношению к ним. Каждый третий респондент чувствует, что еврейские традиции близки ему. 30% считают обязательным и еще 60% желательным узнать о них больше. Аналогичная картина наблюдается, если взглянуть на другой, косвенный показатель. Треть респондентов рассматривают знание национальных традиций обязательным и еще 58% желательным для человека, чтобы считать его истинным евреем.

Таким образом, мы наблюдаем когнитивный диссонанс, переживаемый значительной частью российских евреев. Для снятия его они стремятся освоить свои национальные традиции, понять их и сделать по возможности частью своей повседневной жизни. На протяжении предшествовавшего опросу года треть опрошенных посетили по крайней мере одну лекцию, посвященную еврейским традициям, религии и истории.

Соблюдение традиционных норм поведения выступает как самый короткий и прямой, а главное, очевидный и для себя самого, и для окружающих способ идентификации с еврейством. В первую очередь это касается празднования дат еврейского календаря. «Никогда еврей не утверждает так в своем еврействе, как в те моменты, когда евреи всего мира исполняют одни и те же ритуальные акты, например, в Пасхальный Седер или в Йом-Киппур»¹⁴.

В течение последних нескольких лет каждый шестой—седьмой респондент (а среди молодежи даже каждый четвертый—шестой) отмечал основные еврейские праздники (Рош Хашана, Йом-Киппур, Симхат Тору, Хануку, Пурим) регулярно, еще каждый четвертый-пятый — время от времени. Наиболее популярный праздник — Песах. Треть респондентов отмечают его регулярно и еще 28% — иногда.

Разумеется, когда мы говорим об «отмечании праздников» российскими евреями, мы отдаем себе отчет в том, что священнодействие праздничного ритуала для большинства наших сограждан остается недоступным. Сакральный смысл, значение того или иного праздника для подавляющего большинства тех российских евреев, которые его отмечают, сведен до минимума или даже вообще отсутствует. Да и о «регулярности» приходится говорить с определенной натяжкой, поскольку большинство наших респондентов начали делать это лишь 3—4 года назад. Зато, бесспорно, участие в этом событии выступает как сильное проявление этнической солидарности, индивидуальной связи с прошлым, настоящим и будущим еврейского народа. И именно потому не формальный разбор праздничных действий, а личностный смысл национальных религиозных праздников представляется нам существенным для понимания процесса формирования национальной идентичности российских евреев.

Быть евреем в России не означает быть иудеем

Подавление иудаизма при советской власти имело для евреев более тяжкие последствия, нежели последствия воинствующего атеизма для православных или мусульман, поскольку религиозная традиция иудаизма является основным способом сохранения и передачи исторического опыта народа, не обладающего территориальностью и государственностью. Поэтому атеизм явился — вольно или невольно — отрывом от исторических корней. Отсюда возрождение интереса к истории в определенной мере означает возрождение интереса к иудаизму, ибо они в определенном смысле слиты воедино. Все традиции, ритуалы, обычаи народа, которые начинают входить в жизнь российских евреев, заставляют обратиться к истокам, которые сохранились в Библии. И тем не менее очевидный рост интереса к иудаизму среди российских евреев имеет весьма специфические черты, которые мы и попытались проанализировать.

Распределение ответов на один из принципиальных вопросов интервью: «Что, по-Вашему, означает — "быть евреем"?» — показало, что 40% респондентов считают главным показателем еврейской идентичности ощущение себя частью еврейского народа; 26% — наличие родителей-евреев; 12% — гордость за свою национальность. Что же касается таких культурных маркеров еврейской идентичности, как исповедание иудаизма и соблюде-

ние национальных традиций, это считают самым важным только один процент и три процента, соответственно.

Эта тенденция находит убедительное подтверждение в ответах на другой вопрос: «Что является самым главным для человека, чтобы считать его истинным евреем?» Нетрадиционные атрибуты истинной еврейской идентичности заняли довольно высокие места, тогда как традиционные критерии — исключительно низкие. Среди ответов респондентов чаще всего встречались такие: «Гордиться своей национальностью» (33%), «Защищать честь и достоинство своей нации» (27%). В то же время менее трех процентов назвали важнейшим признаком, для того чтобы считать человека истинным евреем, его веру в Бога, всего один процент сказали, что ему необходимо знать основы иудаизма. Наконец, ни один человек не назвал в качестве важнейшего признака такие показатели, как соблюдение субботы и кашрута, посещение синагоги.

Тем не менее роль иудаизма в сохранении евреями своей национальной идентичности сомнению практически никем не подвергается. При этом иудаизм понимается широко — не только как религиозное мировоззрение, но и как способ передачи народных традиций, исторической памяти, всего образа жизни. Распределение ответов наших респондентов на вопрос: «Согласны Вы или не согласны с суждением, что сохранением себя как народа евреи обязаны иудаизму?» — показывает, что только незначительное меньшинство (7%) категорически отрицает эту историческую роль еврейской религии. Однако это вовсе не означает, что такая позиция российских евреев распространяется ими и на наше время. Мартин Бубер верно заметил, что, «если взглянуть на нее с точки зрения внутренней реальности, еврейская религиозность — воспоминание, быть может, надежда, но отнюдь не современность»¹⁵.

В ходе опроса 18% сказали, что они верят в Бога, 24% скорее верят, чем не верят, 19% скорее не верят, чем верят, 31% определенно не верят, а остальные просто не разобрались в своих отношениях с верховной сущностью. Однако приведенные цифры дают лишь приблизительную оценку распространенности иудаизма, ибо включают в себя и христиан, и кришнаитов, и тех, кто верует во что-то трансцендентное, чему имени нет.

При всем при том каждый третий назвал иудаизм в качестве наиболее привлекательного для него лично вероучения (стоящее на втором месте христианство назвало почти втрое меньше

респондентов). Таким образом, симпатии к иудаизму отнюдь не означают веры в Бога. Иудаизм привлекает евреев в большей степени как историческая память, носитель обычаев и традиций народа, его мудрых заповедей, как этническая система. Видимо, иудаизм в сильной степени рассматривается как фактор национальной идентификации — не как вера, а как способ народного единения, как способ организации национальной жизни.

Только 8% опрошенных утверждают, что они хорошо знакомы с еврейской религией (среди молодых, в возрасте до 30 лет, респондентов этот показатель выше — 14%). Но в то же время каждый пятый считает для себя обязательным, а еще 57% — желательным узнать об иудаизме больше.

Религия утрачивала свою системность, и оставались лишь отдельные символы, позволявшие сохранять память о целостном вероучении. По сути дела исследование подтвердило, что иудаизм сохранился в России в рудиментарной форме, где лишь единицы могут быть признаны подлинно верующими. В то же время следует помнить, что к сегодняшнему дню удельный вес верующих евреев в целом в России ощутимо выше, чем, скажем, 20 лет назад. И это несмотря на то, что среди тех, кто обратился к вере, наблюдаются более высокие эмиграционные тенденции, которые ослабляют в конечном итоге позиции иудаизма в России.

Среди евреев встречаются и иудеи

На сегодняшний день не более 6% взрослого еврейского населения можно с достаточным основанием отнести к верующим иудеям. В качестве такого критерия было выбрано сочетание трех эмпирических показателей: положительный ответ на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», признание респондентом большей привлекательности для него иудаизма по сравнению с другими вероисповеданиями и заявление о том, что еврейская религия ему эмоционально близка.

Такой подход может показаться не вполне соответствующим тем представлениям об иудаизме, согласно которым действие ставится выше веры. Талмудическое «пусть лучше евреи забудут Меня, но будут следовать Моему Закону» должно означать, что для оценки религиозности следовало бы использовать показатели посещения синагоги и соблюдения субботы, кашрута и молитвы дома. Однако, не оставляя эти признаки религиозности без

внимания, мы вполне сознательно в качестве опорных отобрали показатели сознания.

Оснований тому несколько. Во-первых, в силу исторически сложившихся в современной России условий религиозное действие перестало быть повседневным явлением и его совершение требует столь мощных усилий, что оно уже граничит с подвижничеством. Во-вторых, исчезли опыт и каналы передачи религиозной практики, поэтому важно зафиксировать саму религиозную установку. Наконец, с точки зрения влияния религиозного фактора на формирование еврейской идентичности для нас больший интерес представляло именно изменение сознания.

Кто же они — религиозные евреи иудейского вероисповедания?

Прежде всего обращает на себя внимание факт, не поддающийся пока рациональному объяснению: их удельный вес выше всего в Петербурге (8,2%) и ниже всего — в Екатеринбурге (3,3%); Москва занимает промежуточное положение (5,6%). Возможно, в определенной степени низкий уровень религиозности в Екатеринбурге обусловлен длительным отсутствием там синагоги. Однако вряд ли такое объяснение может оказаться исчерпывающим.

Как и следовало ожидать, наиболее высок удельный вес верующих среди старшей возрастной когорты, от 60 лет и старше (8,3%), а наиболее низок — в средних возрастных группах, от 30 до 59 лет (4,2%), тогда как молодежь до 30 лет проявляет больший интерес к религии (5,7%). Однако если принять во внимание «колеблющихся неопитов» — тех, кто на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» ответили: «Скорее верю, чем не верю», то окажется, что именно молодежная группа лидирует по удельному весу верующих среди всех возрастных когорт (см. табл. 4).

Таблица 4

**Удельный вес приверженцев иудаизма по возрастным группам
(в %, N = 1300)**

	Возраст			
	До 30 лет	30—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Приверженцы иудаизма, твердо верящие в Бога	5,7	4,6	3,8	8,3
Приверженцы иудаизма, включая «скорее верующих»	18,4	10,5	9,1	16,9

В значительной степени твердая приверженность иудаизму способствует формированию еврейской идентичности. Об этом можно судить хотя бы по тому, что среди выделенной нами группы верующих (здесь и далее «колеблющиеся неофиты» в расчет не принимаются) вдвое выше, чем в целом по выборке, доля лиц, определивших свое национальное самосознание как преимущественно еврейское.

Религиозные евреи в большинстве своем (79%) считают необходимым делать детям обрезание, тогда как в целом среди еврейского населения это мнение разделяет немногим более трети опрошенных. Это, по-видимому, сопряжено с тем, что важнейший постулат о богоизбранности еврейского народа разделяет около $\frac{2}{3}$ религиозных евреев, тогда как в целом по массиву доля придерживающихся этого взгляда примерно вчетверо меньше.

Религиозные евреи более строги в выборе национальности супруга (супруги). 85% из них убеждены, что в брак можно вступать только с представителями своей национальности, тогда как в целом по массиву эту точку зрения разделяет немногим более половины опрошенных.

Вместе с тем, даже в этой небольшой группе далеко не все придерживаются самых элементарных, базовых требований иудаизма в повседневном поведении. Так, большинство религиозных евреев не считают для себя обязательным соблюдение субботы (только 14% соблюдают субботу постоянно) и кашрута, который соблюдает лишь один из десяти. Лишь половина из этой группы соблюдала пост на Йом-Киппур или участвовала в пасхальном седере в год, предшествовавший опросу. Лишь 11% религиозных евреев регулярно молятся дома, в то время как 71% — никогда. Да и в целом придерживается традиционных норм поведения лишь половина религиозных евреев, а четверть — практически не придерживается. Таким образом, используемое нами понятие «религиозные евреи» следует понимать как весьма условное, поскольку с точки зрения традиционных канонов оно не может выдержать никакой критики. Однако если сравнивать эти скромные цифры с распространенностью традиционных норм поведения в еврейской среде в целом, **то** даже они покажутся значительными.

Можно предположить, что **именно** жесткая ритуальность иудаизма наиболее неприемлема для большинства российских евреев. Об этом свидетельствует тот факт, что при несуществен-

ных различиях между теми приверженцами иудаизма, кто определенно заявил о своей вере в Бога, и теми, кто «скорее верит», в состоянии сознания, в соблюдении традиционных норм последние заметно отстают. Среди них втрое меньше тех, кто регулярно молится дома, впятеро — тех, кто соблюдает кашрут.

Религия для безбожников

В прошлом религиозность передавалась прежде всего не как сумма знаний, а как система традиционных норм поведения, система обрядовости, ритуалов. Иными словами, религиозное воспитание базировалось на выработке стереотипов повседневного поведения, соответствовавших канонам иудаизма. Религиозные знания, историческая традиция Библии служили своего рода обоснованием поведенческих норм, усваивавшихся с детства. В современных условиях наблюдается как бы обратный процесс реконструкции норм повседневного поведения на основе освоения исторической традиции и мировоззренческих основ иудаизма. Религиозные догматы, накладываясь на выработавшиеся в иной идеологической и социальной среде поведенческие стереотипы, выглядят уже не столь обязательными для повседневной практики. Начинаются поиски компромисса между сложившимися секулярными привычками и требованиями веры. Отсюда — ориентация на реформистские течения. (Отвечая на вопрос, какое из течений в иудаизме наиболее привлекательно для респондента лично — ортодоксальное или реформистское, — только 5% опрошенных высказались за ортодоксию, тогда как за реформизм — каждый третий.)

Но почему же при нежелании следовать предписаниям иудаизма в повседневной жизни столь велик интерес к этому вероучению? Религия вновь начинает играть важную роль в национальной самоидентификации. Библия выступает источником национальной гордости. Это происходит в некоторой степени и под влиянием растущей роли христианства в общественной жизни России.

Нам представляется, что ядром трансформирующейся национальной идентичности российских евреев может стать не ортодоксальный, консервативный, реконструктивистский и даже не реформистский иудаизм, а то, что, пользуясь установившимся в

социологии религии термином, можно назвать светской или гражданской религией.

Светская религия — это социальная «мета-идеология», в которой политическое или социальное устройство становится фокусом религиозных чувств. Бок о бок и отдельно от каких-либо собственно религиозных убеждений, исповедуемых индивидуальными гражданами и субобщинами (например, различными церквами), нация, народ, государство и их политические и социальные институты сами могут служить базисом для развития системы религиозных смыслов и символов¹⁶.

Этническая или социальная группа приходит к видению себя не только в виде конгломерата индивидов, но как моральной общности, служащей определенной цели, с разделяемыми всеми ее членами ценностями и концептами, с жизнью и судьбой, которые могут быть иными, чем у индивидов, входящих в данную группу. Система разделяемых верований и ритуалов, определяющих и символизирующих нацию или общественное устройство как моральную общность, и есть светская религия¹⁷.

В функциональных терминах светская религия определяется как символическая система, которая обеспечивает сакрализацию социального порядка. Светская религия внутри общественного устройства и для него помогает выполнять три главные функции: а) интеграцию (объединение общества путем включения его членов в общие ритуалы и мифы, которые сами обладают интегративными свойствами и в свою очередь выражают чувство общего прошлого опыта, общих условий нынешнего существования и общей судьбы участников); б) легитимацию (перенос чувства неотъемлемой справедливости или правоты на природу социального порядка и на цели, преследуемые обществом); в) мобилизацию (гальванизацию попыток и энергии членов общества в достижении социально одобряемых задач и обязанностей)¹⁸.

В основе светского иудаизма современного еврейства лежит особого рода чувство религиозной чувствительности, которое Даниэль Элазар назвал «неосаддукейством». Новые саддукеи — «евреи, которые пытаются быть евреями через идентификацию с еврейским народом как корпоративной сущностью, с ее историей и традицией, но без императивного принятия Галахи с ее авторитарным характером и без признания центральности Галахи в определении своей еврейскости»¹⁹. Неосаддукейский иудаизм

ставит в центр своего мира не Тору, но еврейский народ и делает поддержание и сохранение еврейской этничности своей первейшей религиозной обязанностью. Вообще весь современный иудаизм находится под глубоким воздействием еврейского возвращения в историю и повторного возникновения еврейской этничности и еврейского общественного устройства как опорных точек для идентификации и еврейского самовыражения²⁰.

Основываясь на эмпирических результатах проведенного им специального социологического исследования, Джонатан Вучер приходит к выводу о широком и глубоком распространении светского иудаизма среди американского еврейства. Он показывает, что светский иудаизм выступает «как религия без теологии» или «как общественная теология» многих и многих американских евреев. Традиционный иудаизм, отмечает Вучер, в течение столетий являлся также в каком-то смысле и светской религией еврейского народа. В той или иной степени всем течениям иудаизма в США — ортодоксальному, неоортодоксальному, консервативному, реконструктивистскому, реформистскому — присущи черты светской религии евреев. В то же время «принципы американской еврейской светской религии не являются ни радикальными, ни беспрецедентными. Многие из них представляют модернистские переформулировки классических еврейских ценностей и перспектив. Светский иудаизм отбирает и адаптирует традиционные религиозные концепты для использования их в окружающей среде — американской еврейской общественной жизни, которая находится под сильным влиянием процесса секуляризации. Благодаря селективной адаптации светская религия способна предложить американским евреям модернизированную веру, уходящую корнями в чувства еврейского народа, все еще резонирующие с еврейской традицией»²¹.

Вучер правильно замечает, что любая попытка редукции религиозной веры, живущей сложной жизнью, к набору доктрин и догматов рискует стать неудачной. Тем не менее сила американской еврейской светской религии в простоте и направленности в будущее семи ее центральных принципов: 1) единство еврейского народа; 2) взаимная ответственность; 3) еврейское выживание в угрожающем мире; 4) центральность Государства Израиль; 5) выдержавшая испытание временем ценность еврейской традиции; 6) цдака: филантропия и социальная справедливость; 7) американизм как добродетель. Вместе эти принципы

определяют суть мировоззрения и характера американской еврейской светской религии. Как положения веры они легитимизируют деятельность американского еврейского общественного устройства, объединяют и вдохновляют его граждан²².

Хотя любые подобного рода сравнения ущербны, сегодня уже можно провести определенную аналогию между российским и американским еврейством. Американское еврейское общественное устройство²³ — главный агент формулирования и распространения идеологии светского иудаизма — давно сложившаяся, мощная, разветвленная институционально структура, оказывающая первостепенное влияние на все круги американского еврейства. В России такая структура по существу только нарождается или в лучшем случае находится в детском возрасте. Она еще слаба и в очень большой степени зависит от помощи и подвержена влияниям внешнего еврейского мира. Однако уже сегодня в орбиту деятельности того, что можно назвать общественным устройством российского еврейства, в той или иной степени вовлечено достаточно много людей.

Иными словами, не Бог и Традиция, а еврейский народ, его история и судьба, его единство и выживание составляют основу национального мировоззрения и целеполагания российского еврейства. В терминах Д. Элазара, это мировоззрение вполне можно было бы назвать неосаддукейским. Будучи, как мы видим, по преимуществу этноцентричным, а не теологичным, оно ориентировано в значительно большей мере на Храм, а не на Тору, на удовлетворение актуальных корпоративных интересов и потребностей еврейства, чем на индивидуальное приобщение к трансцендентной сути иудаизма, ее сакральным символам и ритуалам.

Конечно, в настоящее время данная концепция приложима к российскому еврейству преимущественно как гипотеза, как наиболее предположительная тенденция развития. Следование неосаддукейской идее для большинства российских евреев нельзя рассматривать как осознанный выбор. Более того, полученные данные свидетельствуют, что пока лишь меньшинство опрошенных ведут себя в соответствии с ней, поскольку соблюдение ритуалов нельзя назвать широко распространенным. В будущем же в принципе возможно как снижение интереса к национальным еврейским традициям для одних групп населения, так и приход к подлинной религиозности для других. И все же «неосаддукейская» тенденция представляется нам преобладающей.

Соотношение секулярного и религиозного в нормативно-ценностной системе российского еврейства позволяет предполагать, что в обозримом или более отдаленном будущем оно может повторить путь американского еврейства и его светской религии, каким его видит Дж. Вучер: от простой избирательной филантропии — к сильному еврейскому общественному устройству с развитой инфраструктурой социальных институтов; от ассимиляции и приспособления к этническому окружению — к культурному выживанию, сохранению духовного еврейского наследия; от выживания — к конструктивному диалогу и национальному консенсусу между современными саддукеями и фарисеями, ортодоксами и реформистами, традиционалистами и модернистами, религиозными евреями и атеистами.

¹ Исследование было проведено Еврейским научным центром в конце 1992—начале 1993 г. благодаря спонсорству Уиллстейновского института исследования еврейской политики (Лос-Анджелес, США) и д-ра Дэвида Эгера (Принстон, США). Выборка, размещенная в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, охватывала 1300 респондентов-евреев (по 500 человек в первых двух городах и 300 — в третьем) и являлась строго репрезентативной по полу и возрасту для взрослого еврейского населения каждого из обследованных городов, если сравнивать с переписными данными 1989 г.

² Цит. по: *Florinsky M.* Russia: A History and Interpretation. N. Y., 1961. Vol. II. P. 797.

³ A collection of documents on the suppression of religion // *The Russian Revolution and Religion.* Notre Dame, 1959.

⁴ Исследование политики советского государства в отношении религии см.: *Walters P.* A Survey of Soviet Religious Policy // *Religious Policy in the Soviet Union.* Cambridge, 1993.

⁵ См.: *Султан-Галиев М.* Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман. М., 1922.

⁶ См.: *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 1972. P. 298—317.

⁷ *Religious Policy in the Soviet Union.* P. 14.

⁸ *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939.* Jerusalem, 1993. P. 5.

⁹ *Altshuler M.* Religion in the Soviet Union in the Late 1930s in the Light of Statistics // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe* 1(14) (Spring 1991). P. 25.

¹⁰ Там же. P. 26.

¹¹ *Tolts M.* The Balance of Births and Deaths Among Soviet Jews // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe* 2(18), (Summer 1992). P. 19.

¹² *Cohen S.* Content or Continuity? Alternative Bases for Commitment. The 1989 National Survey of American Jews. N. Y., 1991. P. 56.

¹³ Бубер М. Еврейство и евреи. Евреи и еврейство: Сб. историко-философских эссе. Иерусалим, 1991. С. 68—69.

¹⁴ Стейнберг М. Основы иудаизма. Библиотека-Алия, 1989. С. 155.

¹⁵ Бубер М. Еврейство и евреи... С. 32.

¹⁶ См.: *Hammond Ph. E.* The Rudimentary Forms of Civil Religion and Pluralism and Law in the Formation of American Civil Religion // *Bellah R. N., Hammond Ph. E.* Varieties of Civil Religion. San Francisco. P. 121—137, 141—144.

¹⁷ См.: *Woocher J. S.* Sacred Survival. The Civil Religion of American Jews. Bloomington and Indianapolis, 1986. P. 13—14.

¹⁸ *Liebman Ch. S., Don-Yehiya E.* Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State. Berkeley, 1983. P. 5.

¹⁹ *Elazar D. J.* The New Sadducees // *Midstream.* August / September 1978. P. 22.

²⁰ См.: *Woocher J. S.* Sacred Survival... P. 159.

²¹ Там же. P. 67.

²² Там же. P. 67—68.

²³ Его ядро составляет федеративное движение, включающее несколько сотен локальных федераций еврейских организаций, действующих под эгидой «Объединенного еврейского призыва» — ведущей общеамериканской институции по осуществлению гуманитарных и социальных программ для евреев.

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Л. Салмон (Болонья, Италия)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО БЕН-АМИ

I

За последние несколько лет заметно возрос интерес к так называемой русско-еврейской литературе. Этим термином принято обозначать произведения, написанные на русском языке еврейскими поэтами, прозаиками и публицистами, появившиеся с 1859 (если за точку отсчета условно принять основание первого органа русско-еврейской периодической печати — журнала «Рассвет») по 1917 г. В дооктябрьский период насчитывалось более ста еврейских журналов и газет, выходивших на русском языке. На сегодняшний день большинство из них почти не изучены, если не совсем забыты. К числу наиболее известных органов относится журнал «Восход», издававшийся в Петербурге с 1881 по 1906 г. На его страницах опубликовано множество материалов, представляющих исключительный интерес для исследователей русского еврейства. Наряду с историческими и литературоведческими статьями здесь увидели свет многие произведения художественной литературы, повествующие о жизни в черте оседлости. В номерах «Восхода» нашла отражение вся та острая полемика, которая разворачивалась среди еврейской интеллигенции, разделенной на враждующие междусобой группы «маскилим», ассимиляторов, палестинофилов, социалистов и т. д.

Многие авторы «Восхода» (такие, как С. Фруг, Н. Минский, Г. Богров, Л. Леванда, Ан-ский (С. Раппопорт) и др.) хорошо известны, но все же большинство его постоянных сотрудников ныне забыты, хотя их произведения по своим художественным достоинствам зачастую превосходят сочинения упомянутых писателей. Возникновению такой ситуации в немалой степени способствовала монография В. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» — поверхностное, компилятивное исследо-

вание, искажающее литературную действительность¹. В нем, однако, были верно отмечены две наиболее характерные черты русско-еврейской бытописательской литературы, а именно: невысокий художественный уровень и явная тенденциозность. В этом смысле лишь немногие авторы могут считаться исключением. Писатель, которому посвящена настоящая статья, без сомнения принадлежит к их числу. Речь идет о Бен-Ами.

Бен-Ами — псевдоним, в переводе с иврита означающий «Сын моего народа». Настоящие имя и фамилия писателя — Марк (Мордехай) Яковлевич Рабинович (1854, Подольская губ. — 1932, Тель-Авив)². Он был постоянным сотрудником «Восхода». Уже сам выбор псевдонима точно отражает основную направленность творчества писателя, посвятившего весь свой талант защите традиций духовной жизни еврейства от деградации и забвения. Процесс этот был связан с быстро распространявшимися во второй половине XIX в. в еврейской среде тенденциями атеизма и обрусения. Стремительно исчезала основа еврейского бытия, позволявшая народу не терять своего лица в течение двухтысячелетнего пребывания в диаспоре. Основу эту Бен-Ами видел в религии, патриархальном семейном быту, вековой системе образования и в национальном языке. Казалось бы, парадоксальным выглядит тот факт, что Бен-Ами писал в основном по-русски, а не на идише или иврите. Но он вынужден был это делать для того, чтобы его услышала уже ассимилированная русскоязычная еврейская интеллигенция.

Языковой парадокс Бен-Ами был отмечен большинством современных ему критиков. Например, И. Д. Беркович указывал: «Сам пишет на русском языке, но ругает последними словами «образованных детей своего народа», сменивших свой родной идиш на русский»³. В 1912 г. во время празднования 30-летия литературной деятельности Бен-Ами Ан-ский и Д. Пасманик тоже подчеркивали языковую трагедию писателя, заключающуюся в том, что, пользуясь русским языком, он сознательно отказывался от широкой еврейской читательской аудитории и тем самым — от успеха, сравнимого со славой его друзей Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема, которым Бен-Ами не уступал по таланту. То, что выбор языка для Бен-Ами был серьезной проблемой, дополнительно подтверждается определенной языковой путаницей, часто встречающимся в произведениях писателя бессистемным использованием еврейских слов и выражений в русском контексте⁴.

II

Дебют Бен-Ами состоялся в 1881 г. в петербургской газете «Рассвет». Здесь был опубликован его очерк «О необходимости специальных учебников русского языка для еврейских школ»⁵. Уже в этой первой статье обозначилась основная тема публицистики писателя — противостояние распаду и обрусению еврейской национальной культуры. Будучи настоящим просветителем-маскилим, Бен-Ами указывал, что изучение русской культуры, безусловно, необходимо каждому образованному еврею, но оно ни в коем случае не должно сопровождаться отрижением собственной многовековой национальной культуры.

1881 г. стал знаменательным для писателя не только благодаря дебюту в печати. В это же время он впервые по-настоящему зарекомендовал себя и на общественном поприще, став организатором еврейской самообороны во время одесского погрома. Много лет спустя Бен-Ами посвятил этому эпизоду несколько очень интересных страниц воспоминаний⁶. Он гораздо быстрее, чем многие другие, осознал, что антисемитизм и халуц — понятия неразрывные: без собственного государства, без своей территории еврейский народ всегда будет страдать и подвергаться унижениям.

Вскоре после трагических дней погрома 1881 г. Бен-Ами отправляется в Париж в качестве представителя одесского кружка эмигрантов «Ам-Ойлам» в организации «Альянс Израэлит», занимавшейся отправкой еврейских эмигрантов в Америку. Но эта деятельность не приносила удовлетворения писателю, поскольку уже тогда он был уверен, что окончательно решить еврейский вопрос можно лишь путем воссоздания национального государства в Эрец-Исраэль. Только там народ будет находиться в безопасности, только там он сможет продолжать и развивать наследие предков. В этой позиции, безусловно, наличествовала доля идеализации и мессианских чаяний, что было чрезвычайно характерно для представителей раннего сионизма, к числу которых Бен-Ами принадлежал.

Еще будучи в Париже, Бен-Ами начинает многолетнее сотрудничество с журналом «Восход», где печатаются две его корреспонденции «Парижские впечатления», подписанные псевдонимом «Рейш Гелута»⁷. Автор упрекает французское еврейство в том же, что и своих соотечественников, — в пресмыкательстве перед коренным населением. По мнению Бен-Ами, угроза внутреннего саморазрушения еврейства гораздо страшнее

всех внешних опасностей — будь то погромы, черта оседлости и прочее. С высоты нашего сегодняшнего исторического опыта это утверждение звучит почти пророчески.

III

С самых первых статей Бен-Ами выражал свои взгляды откровенно и смело. Его публицистика отличается агрессивностью и язвительностью стиля, а ее бескомпромиссность часто становилась причиной враждебного отношения к писателю не только со стороны его оппонентов, но зачастую также со стороны коллег и друзей. Характерными в этом смысле являются высказывания о Бен-Ами известного историка С. М. Дубнова. В его мемуарах не раз встречаются пассажи типа: «...Бен-Ами, фанатик еврейского национализма»⁸, «Не было у меня душевной связи с Бен-Ами, воплощением «шефох хамосхо» (кличка по псалму «Излей свой гнев на врагов Израиля») и «хасидского фанатизма»⁹. Оценивая эти достаточно резкие слова, следует учитывать, что, во-первых, в данных воспоминаниях вообще очень редко встречаются положительные отзывы о ком бы то ни было, а во-вторых, С. М. Дубнов — педантичный историк — был, конечно, весьма далек от по-детски восторженного и глубоко лирического мировосприятия Бен-Ами.

Определенная двойственность присутствует и в отзыве о Бен-Ами А. Г. Горнфельда, известного критика, сотрудничавшего в «Восходе» и многих других журналах. В одной из статей 20-х гг., посвященной анализу упомянутой монографии В. Львова-Рогачевского, он пишет: «...в обзоре русско-еврейских писателей он (В. Львов-Рогачевский. — Л. С.) не упоминает Бен-Ами... Ни слова о Бен-Ами, который в течение многолетней писательской работы — и в беллетристике, и в публицистике — ни о чем, кроме еврейской жизни, не писал, да и не мог писать, потому что вообще ни о чем другом на свете и думать не мог... Всегда неустанно я полемизировал с Бен-Ами, который возмущал меня своим — пусть искренним и подвижнически чистым и все же невыносимо узеньким фанатическим национализмом. Но обзор русско-еврейской беллетристики и — шире — истории русско-еврейских течений за последние 30 лет — совершенно немислим без Бен-Ами: и его не заметил г. Львов-Рогачевский»¹⁰.

Следует отметить, что обвинения Бен-Ами как писателя в фанатизме, с нашей точки зрения, совершенно несправедливы. Представляется, что Бен-Ами не был ни «узеньким национали-

стом», ни тем более «фанатиком-хасидом». Отношение писателя к хасидизму было совершенно объективным. Об этом свидетельствует его рассказ «Приезд цадика», главный положительный герой которого Экусиэль говорит: «...эти злосные обскуранты, старающиеся ради своих низких целей, ради своих узких, личных интересов разрушить труд великого Моисея и снова обратить людей в животных, — эти выдают себя так нагло за святых! И им верят!.. Укажите мне, пожалуйста, хоть одно место в Библии или Талмуде, где бы еврею вменялось бы в обязанность верить в цадикив! Я же вам могу указать в Библии много мест, из которых прямо можно вывести, что все ваши цадики заслуживают, чтобы их безжалостно побили камнями...»¹¹. И хотя сам Бен-Ами происходил из хасидской семьи, в творчестве писателя нередко подобные негативные оценки хасидов, обычного для них паломничества к цадикам и поклонения им.

IV

Однако Бен-Ами обязан хасидизму одной чрезвычайно важной чертой своего художественного творчества. Основой стиля писателя являются глубокая эмоциональность и чувствительность, столь свойственные хасидскому мировосприятию. Хотя Бен-Ами был высокообразованным человеком, в его рассказах присутствует нечто детское и наивное, свидетельствующее о том, что творчество было для него душевной потребностью, способом самовыражения и самореализации. Это и объясняет высокий лиризм многих страниц Бен-Ами. Возникновению возвышенной интонации способствует, в частности, автобиографичность большинства его сюжетов, являющихся в основном воспоминаниями детства.

Детство — основная тема писателя. Поэтому самое значительное произведение Бен-Ами, оставшееся, к сожалению, неоконченным, так и называется — «Детство». Легко объясним тот факт, что в большинстве случаев повествование ведется от первого лица; как правило, это мальчик 10—12 лет, рассказывающий о своей жизни. Но такой рассказ — лишь первый пласт повествования. Есть и второй пласт — авторский, в какой-то степени резонерский, важный для поэтики произведения. Благодаря наличию этого второго пласта у Бен-Ами появляется возможность вводить в структуру повествования чрезвычайно емкие символы, значение которых как бы недоступно восприятию ребенка. Подобные символы имеют, как правило, национально-еврейскую

окраску. Среди них главное место занимает светильник, приобретающий признаки одушевленности и превращающийся в обобщенный образ домашнего очага, религиозной одухотворенности, а в конечном итоге — и самого еврейства: «Скромная лампадка разлила по всей комнате такой мелкий, радостный свет, который проник в душу, наполняя ее теплым упованием... Вся семья уселась тихо вокруг и вперила свои взоры в эту чудодейственную лампадочку, которая так много говорила их душе и вызывала так много светлых, радостных воспоминаний, и на мгновение они забыли всю свою нужду, все свои лишения»¹². «В субботних свечах горит и светится еврейская душа, и оттого-то она всегда является лучшим и прекраснейшим украшением субботы. И как только их зажигают, светлые ангелы наполняют еврейские дома, и все кругом заливается радостью и ликованием»¹³.

V

Большинство произведений были написаны Бен-Ами за пределами России, в Швейцарии. Разлука со страной, в которой столь многое волновало и возмущало писателя, благотворно сказывалась на его творчестве. Например, рассказы, созданные Бен-Ами в Женеве, по сравнению с произведениями более раннего, одесского периода творчества отличаются более совершенной внутренней организацией текста и отточенностью, выверенностью стиля.

К первому году жизни Бен-Ами в Швейцарии относится любопытный факт сотрудничества писателя с русским эмигрантским журналом «Вольное слово», издававшимся в 1881—1883 гг. М. Драгомановым¹⁴. Спустя 30 лет Бен-Ами вспоминал об этом эпизоде в статье «Мои сношения с М. Драгомановым и работа в «Вольном слове»¹⁵.

Данные воспоминания представляют собой большой интерес. Они неоднократно цитировались в работах историков. Дело в том, что «Вольное слово» было на самом деле провокационным органом «Священной дружины». Печатались в нем и откровенно антисемитские статьи — например, подробные корреспонденции из Дрездена с международного съезда антисемитов (1882 г.). Всей правды о «Вольном слове» и истинном лице этого журнала Бен-Ами не знал. Поэтому его анализ юдофобского направления журнала и двойственная оценка личности М. Драгоманова сегодня представляются во многом наивными.

Сотрудничая в «Вольном слове», Бен-Ами одновременно

отсылал статьи в «Восход» и много работал над художественными произведениями. Высокой продуктивности творчества способствовала среда, в которой он жил. Бен-Ами очень любил тихую, спокойную Швейцарию с ее неповторимой природой. Когда читаешь его восторженные описания этой страны, невольно вспоминаются слова бабелевского героя Бени Крика, уверявшего, что со стороны Бога «было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду... И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы...»¹⁶.

Но Божью волю изменить невозможно. Поэтому Бен-Ами вынужден был оставить Швейцарию и вернуться в Россию. «Каждый раз, расставаясь с этой столь мне дорогой природой, — пишет он, — я испытывал то же, что испытывает человек, на время отпущенный на свободу, когда его вырывают из объятий дорогих ему существ, чтобы снова возвратить в мрачную темницу»¹⁷.

Мрачная темница и в самом деле ждала Бен-Ами. Сразу же по возвращении в Одессу в 1886 г. он попал в тюрьму. Причиной заключения стал клеветнический донос его противников: Бен-Ами был кандидатом на должность помощника казенного раввина, вокруг которой разгорелись политические интриги¹⁸.

VI

Общим местом в отзывах современников о Бен-Ами было обвинение в русофобии, основывавшееся на том, что писатель — еврейский националист. С такой точкой зрения трудно согласиться. Если говорить о художественном творчестве Бен-Ами, то приходится констатировать следующее: рядом с многочисленными отрицательными персонажами-евреями в его произведениях действует целый ряд положительных героев — русских, украинцев, молдаван. А если рассматривать публицистику писателя, то становится ясно, что он призывает своих единоверцев к самоуважению, которое для него означает одновременно уважение и ко всем другим национальностям. В одном из писем цикла «Глас из пустыни» Бен-Ами отмечает: «Самосознание, ведущее непременно к самоуважению, может только породить уважение к другим. Кто оберегает свою собственную честь, избегает всевозможными усилиями задеть честь другого. Шовинизм имеет столько же общего с национальным самосознанием, как наглое самомнение с обычным личным самоуважением, или же как стремление охранять свою личность с диким личным эгоизмом»¹⁹.

Все сказанное, однако, отнюдь не означает индифферентности Бен-Ами к проблеме антисемитизма, особенно русского. Эта тема занимает место в его публицистике (и не только в ней). Например, в автобиографических рассказах Бен-Ами русский антисемитизм персонифицируется в образе подростка Вани, который подкарауливал будущего писателя, когда тот шел в хедер, и с криком «Жид парха!» избивал его и отнимал завтрак... «Да, исчез наивный религиозно-идеалистический элемент эпохи моего детства, но жив еще другой очень важный элемент той же эпохи, тоже тесно связанный с моей детской жизнью, жив Ванька; не только жив, но еще расплодился и умножился; там, где он был один, их теперь целых четыре, а где было четыре, их теперь шестнадцать...»²⁰ Бен-Ами был убежден, что и народный стихийный антисемитизм, и антисемитизм государственный, политический — явления закономерные. Его анализ этого печального явления представляется вполне объективным. И все упреки Бен-Ами обращены в основном к тем его соплеменникам, которые ради призрачного спокойствия, социальной защищенности или права на высшее образование готовы были изменить своей религии и культуре и тем самым вызвать еще больший всплеск враждебности. Решение этой проблемы, как уже было указано, Бен-Ами с присущим ему идеализмом видел лишь в создании еврейского национального очага на земле предков — Эрец-Исраэль.

VII

Бен-Ами принадлежит к числу писателей-сионистов. Надо подчеркнуть, что его политические взгляды сформировались не под влиянием внешних обстоятельств, но были присущи писателю с юности. Еще тогда, когда не существовало сионизма как такового, когда не настало время массовых погромов и все маскилим, еврейские интеллектуалы, питали иллюзии о возможности мирного сосуществования с коренным населением, — еще тогда Бен-Ами был убежденным сионистом. Писатель являлся одним из основателей кружка «Ховевай Цион» («Любители Сиона»), действовавшего в Одессе (главой кружка и вдохновителем его деятельности был Л. Пинскер, в прошлом — убежденный ассимилятор, кардинально пересмотревший свои взгляды после погромов 1881 г.). Но Бен-Ами быстро убедился в том, что сионистская идея не найдет широкого отклика в еврейских массах; более того, она встретит среди них активное сопротив-

ление. После прочтения книги Т. Герцля «Еврейское государство», которая произвела на него колоссальное впечатление, Бен-Ами все же констатировал: «Десятилетняя работа в комитете «Ховевей Цион», равнодушие, которое встречала наша деятельность кругом в народных массах, вражда большинства так называемых интеллигентов, абсолютная неспособность даже лучших и самых преданных идее людей к упорной и настойчивой работе и вообще к практической деятельности внушили мне большие сомнения насчет желаний и способности нашего народа, как такового, делать что-либо для создания себе лучшего и более прочного будущего»²¹.

Бен-Ами познакомился с Герцлем в 1897 г., накануне I сионистского конгресса. В очень интересных и ценных воспоминаниях о тех днях он, в частности, пишет: «...вдруг отворилась дверь, и на пороге появился высокий стройный молодой человек, как мне показалось, лет двадцати восьми, изысканно одетый... Признаюсь, эта изысканность одежды по последнему слову моды на меня произвела некоторое неприятное впечатление. Я поэтому в первую минуту испытал некоторое смущение. Но его обаятельная улыбка скоро заставила меня забыть этот внешний шик... Говорили мы по-французски, так как я плохо говорю по-немецки. Я спросил, в каком положении находится дело, есть ли у него надежда провести свой план о конгрессе, нашел ли он много сочувствующих ему и таких, которые готовы пойти с ним и т. д. Он мне ответил, что он несомненно заручился многими симпатиями, а также активными друзьями... Несчастье в том, что слишком много активных противников... Он отлично знал, кажется, наших ассимиляторов и ничего от них не ждал в смысле содействия или даже малейшего сочувствия. Но он не ждал столько противодействия с их стороны, таких злобных предательских выступлений. В этом отношении они превзошли всякие ожидания»²². Бен-Ами считал Герцля уникальным человеком, способным осуществить то, что до него казалось совершенно нереальным. Поэтому писатель всегда оставался его искренним поклонником — даже тогда, когда Герцль на какое-то время поверил в проект переселения в Уганду. В письме А. Г. Горнфельду от 14 августа 1903 г. (по старому стилю) Бен-Ами замечает: «...да, Герцль величайший еврей нашего времени при всех его недостатках... Вы очень наивно судите о многих серьезных вопросах в еврействе и весьма часто вызываете улыбку у сведущих людей. Вы не знаете еврейства в его духе, не знаете также евреев. Та еврейская среда, среди которой Вы выросли, уже не еврейская,

а фальсифицированная...»²³. Если учесть, что Герцль тоже происходил из абсолютно ассимилированной семьи и был мало знаком с «еврейством в его духе», то в приведенной цитате можно увидеть противоречие. Его Бен-Ами объясняет в «Гласе из пустыни»: «Не может д-р Герцль чувствовать падение еврейских знаний, еврейского национального духа, когда вся его жизнь прошла при полном почти отсутствии всего этого. Он еврейства не видел и не мог видеть. До него дошли какие-то окаменелые остатки. Что же тут удивительного, если он прямо заявляет, что не знает, что такое еврейская культура. Надо скорее удивляться его искренности. Еще более достойно удивления, что несмотря на среду, на воспитание, на малое знакомство с иудаизмом этот во всяком случае крупный и недюжинный человек поднялся во имя еврейства, для которого при невероятных, всем казавшихся неодолимыми препятствиях совершил то, о чем никто и мечтать не смел со времени нашей последней борьбы с Римом»²⁴.

Спустя год после смерти Герцля, в 1905 г., Бен-Ами навсегда покинул Россию и поселился в Швейцарии. Через 20 лет он переехал оттуда в Эрец-Исраэль, осуществив тем самым свою мечту. К сожалению, об этом периоде жизни Бен-Ами имеются лишь самые скудные сведения. Если до 1916 г. писатель еще публиковал свои произведения (в основном мемуары) в русской прессе, то после революции он скорее всего вообще отошел от литературной деятельности — по крайней мере на русском языке. Несмотря на интенсивные поиски, нам пока не удалось обнаружить архив писателя, документы которого, без сомнения, пролили бы свет на последние годы его жизни и судьбу незаконченного романа «Детство». Однако и уже имеющиеся материалы, как представляется, дают основания считать Бен-Ами выдающимся представителем русско-еврейской литературы. Именно поэтому в своей статье «О русскоязычии и русскоязычных» Шимон Маркиш замечает, что ничем нельзя оправдать отсутствие имени писателя в первом томе новейшего словаря «Русские писатели. 1800—1917». «Бен-Ами... занимает в русско-еврейской словесности место, во всяком случае ничуть не менее значительное, чем Григорий Богров, счастливый избранник составителей словника. Почему же ему посчастливилось? Не потому ли, что он переписывался с Некрасовым, который и напечатал его «Записки еврея» у себя в «Отечественных записках», тогда как Бен-Ами публиковался почти исключительно в русско-еврейском «Восходе»? Или потому, что был упорным ассимилятором, которого не вразумили

даже великие погромы 1881—1882 гг., тогда как Бен-Ами — не менее упорным националистом?»²⁵ К названному Ш. Маркишем причинам следует, очевидно, добавить еще одну, более прозаическую: если советским историкам имя Бен-Ами хотя бы немного известно, то литературоведы забыли о нем полностью.

¹ Львов-Рогачевский В. Русско-еврейская литература. М., 1922.

² Бен-Ами пользовался еще двумя псевдонимами: «Рейш-Гелута» — для корреспонденций из Парижа («Восход». 1882) и «М.» — для статей в «Вольном слове» (1882).

³ Шолом-Алейхем-бух. Нью-Йорк, 1926. С. 178 (на языке идиш).

⁴ Об этом нами в настоящее время готовится специальная статья.

⁵ Рассвет. 1881. № 7 (17 февраля).

⁶ *Бен-Ами*. Одесский погром 1881 г. и первая самооборона // Еврейский мир. 1909. Май.

⁷ Восход. 1882. Июль, сент.-окт.

⁸ Дубнов С. М. Книга жизни. Рига, 1934. Т. 1. С. 196.

⁹ Дубнов С. М. Книга жизни. Нью-Йорк, 1957. Т. 3. С. 107.

¹⁰ Горнфельд А. Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. М., 1923. С. 182.

¹¹ Восход. 1883. Апр. С. 46.

¹² *Бен-Ами*. Рассказы моим детям. Одесса, 1908. Т. 3. С. 41.

¹³ Т а м ж е. С. 80.

¹⁴ М. Драгоманов стал официальным главным редактором «Вольного слова» с осени 1882 г. См.: Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959. С. 622.

¹⁵ Еврейская старина. 1915. Июль—декабрь; 1916. Янв.-март.

¹⁶ *Бабель И. Э.* Сочинения. 1991. Т. 1. С. 134.

¹⁷ *Бен-Ами*. Глас из пустыни // Восход. 1900. Ноябрь. С. 152.

¹⁸ См.: *Бен-Ами*. Черная кайма // Еврейская жизнь. 1916. № 4—6.

¹⁹ Восход. 1900. Ноябрь. С. 136.

²⁰ Т а м ж е. С. 123—124.

²¹ *Бен-Ами*. Герцль и I конгресс // Сборник «Сафруг». М., 1918. Кн. 2. С. 86.

²² Т а м ж е. С. 89.

²³ РО РНБ, ф. 211, ед. хр. 904, лл. 1—1 об.; письмо было опубликовано нами в газете «Народ мой. Ами». 1991. № 6 (14).

²⁴ Восход. 1900. Дек. С. 125.

²⁵ Литературная газета. 1990. № 50.

АРНОЛЬД ДАВИДОВИЧ МАРГОЛИН — ЗАЩИТНИК БЕЙЛИСА

В истории, как и в жизни, порой происходят странные вещи: известность приходит к тому, кто вовсе о ней и не мечтает, и в то же время часто бывают забыты выдающиеся люди своего времени — политики, писатели, кумиры публики.

Кто такой М. Бейлис, сегодня знает, пожалуй, каждый еврей, а вот имя Арнольда Давидовича Марголина говорит сегодня что-либо немногим, разве что историки вспомнят, что был такой заместитель министра иностранных дел при правительстве Директории.

Суд над Бейлисом воспринимался его современниками как суд над всем еврейством, именно поэтому к процессу Бейлиса в течение двух лет было приковано мировое общественное мнение. На суде Бейлиса защищали лучшие российские адвокаты: Н. П. Карабчиевский, В. А. Маклаков, Д. Н. Григорович-Барский, О. О. Грузенберг, А. С. Зарудный, — и Бейлис был оправдан.

Но в обстановке всеобщей эйфории от оправдания Бейлиса, которое воспринималось как победа всех прогрессивных сил над силами черносотенства и реакции, совершенно забыли о том, что жертвой процесса Бейлиса стал другой человек — адвокат Бейлиса Арнольд Давидович Марголин.

Семья Марголиных была хорошо известна в Киеве в конце XIX—начале XX в. Отец А. Д. Марголина Давид Семенович Марголин был известным общественным деятелем, основателем крупных торгово-промышленных предприятий в Киеве.

Поселившись в Киеве в конце 1860-х гг., Д. С. Марголин очень много сделал для промышленного развития и благоустройства города. Он был одним из инициаторов и учредителей в Киеве машиностроительного, чугунолитейного, кабельного и других заводов. Предпринимательская деятельность Д. С. Марголина выходила далеко за пределы Киева и охватывала чуть ли не весь Юго-Западный край*.

* В Юго-Западный край входили Киевская, Подольская и Волынская губернии.

Его современник, киевский журналист С. Г. Ярон, так характеризует Д. С. Марголина в своих воспоминаниях: «Человек редкого ума и неутомимой энергии, Давид Семенович связал постепенно свое имя со всеми коммерческими предприятиями, возникшими в Юго-Западном крае за последние тридцать лет (за последнее тридцатилетие XIX в.— В. Х.); газовое общество, общество водоснабжения, общество городских железных дорог (трамвай.— В. Х.), электрическое общество и многие другие нашли в лице Давида Семеновича выдающегося руководителя, который сумел везде успешно сочетать коммерческие выгоды дела с общими пользами государства и местными нуждами края»¹. Так, организовав Второе общество пароходства по Днепру и его притокам, Д. С. Марголин стал заказывать пароходы не за границей, как это практиковалось раньше, а на российских заводах, чем дал толчок развитию отечественной судостроительной промышленности, быстро увеличил днепровский флот и удешевил как пассажирское, так и грузовое движение. Д. С. Марголин также принимал участие в учреждении многих сахарных заводов и в деле развития сахарной промышленности Юго-Западного края.

Давид Семенович много занимался благотворительной деятельностью, он жертвовал деньги на устройство коммерческих училищ и торговых школ, на его средства в Киеве были построены Талмуд-Тора на Подоле и двухклассное училище с ремесленным отделением на Трухановом острове, которое содержалось за счет средств Второго пароходного общества. «Вообще Давид Семенович Марголин пользуется известностью тем,— писал в своих воспоминаниях С. Г. Ярон,— что для благотворительных целей просителям без различия национальности всегда открыты двери его дома»².

Д. С. Марголин был также членом Общества для научных еврейских изданий и много сделал для издания 16-томной Еврейской энциклопедии, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1908—1913 гг., которая и в настоящее время не утратила своего научного значения.

В тревожные годы торжества черносотенной реакции и еврейских погромов Давид Семенович Марголин активно выступал в защиту своего народа. Он представлял высшим администраторам записки о необходимости уравнять евреев в правах, доказывая, что только бесправие евреев создает возможность погромов и вызывает ненормальные явления в еврейской жизни»³.

Достойным сыном своего отца был Арнольд Давидович Марголин. Он родился в Киеве в 1877 г. После окончания юридического факультета Киевского университета стал адвокатом и прославился своими выступлениями в уголовных процессах, связанных с еврейскими погромами. На этих процессах по погромным делам А. Д. Марголин выступал как истец, представитель потерпевшей стороны, обвиняя высшие власти страны в организации погромов⁴.

Так, на процессе о еврейском погроме в г. Нежине в октябре 1905 г. А. Д. Марголин, выступая в качестве поверенного от имени 150 потерпевших, в частности, сказал: «Наивно в каждом отдельном городке или местечке, где были погромы, отыскивать местную специальную причину. Причина — общая; несомненно, что все октябрьские погромы дело рук одной и той же организации, осуществление одного общего плана... еврейские погромы — это вовсе не самосуд, не народная расправа... это есть гнусная отдача бесправной части населения на поток и разграбление подонкам и жалким отбросам общества»⁵.

Такие откровенные заявления присяжного поверенного Марголина не могли не пугать власти, поэтому к нему стали применять различные формы давления с целью запугать и заставить замолчать. Меры к Марголину применялись самые разнообразные: от лишения его слова на судебных процессах по погромным делам (которое следовало всегда, как только он пытался говорить о действиях властей) до разгрома его квартиры во время погрома в Киеве в октябре 1905 г. Причем громил в его квартиру привел полицейский, который первым приступил к разгрому имущества Марголина. Самого Арнольда Давидовича спасло только то, что во время погрома его не было в Киеве. Несмотря на заявление его отца Д. С. Марголина, в котором были названы свидетели разгрома квартиры Арнольда Давидовича, личность полицейского, который привел громил, установлена не была⁶.

Сначала А. Д. Марголин не обратил внимания на дело об убийстве Андрея Юшинского, поскольку, как и многие киевляне в то время, считал, что это обычное уголовное дело. Но когда этому убийству стали приписывать ритуальный характер и обвинили в его совершении еврея Бейлиса, Арнольд Давидович Марголин не мог остаться в стороне. По просьбе своего старого знакомого журналиста Бразуль-Брушковского, проводившего частное расследование убийства Юшинского, Марголин согласился

встретиться в частном порядке с Верой Чеберяк⁷. Почему же Арнольд Марголин решил принять участие в частном расследовании Бразуль-Брушковского и не пытался помочь официальному следствию по делу об убийстве Ющинского? В ноябре — декабре 1911 г., когда Марголин заинтересовался данным делом, уже было ясно видно, что официальное следствие не стремится найти истинного убийцу Ющинского, а пытается придать этому убийству ритуальный характер. Марголин, много лет знавший Бразуль-Брушковского по совместной журналистской работе в газетах «Киевские отклики» и «Киевские вести» как человека «очень искреннего» и «очень честного», считал, что он не обладает достаточными профессиональными знаниями для ведения расследования убийства Ющинского. Поэтому А. Д. Марголин как профессионал «счел своим долгом оказать журналисту Бразуль-Брушковскому посильную помощь своим советом в оценке личности Чеберяк и тех сведений, которые <...> [он] мог почерпнуть в беседе с нею»⁸.

«Относительно Веры Чеберяк уже тогда упорно говорили, что эта женщина все знает (об убийстве А. Ющинского); ее считали по делу важной свидетельницей <...>», — писал впоследствии А. Д. Марголин⁹. Наконец, Бразуль-Брушковский сообщил Арнольду Давидовичу, что «Чеберяк непременно хочет раскрыть убийство», что якобы она сводит личные счеты с убийцей Ющинского и готова назвать его имя¹⁰.

Зная, что В. Чеберяк принадлежит к воровскому миру, и боясь потом шантажа с ее стороны, А. Д. Марголин настоял на том, чтобы во время встречи с Чеберяк он присутствовал инкогнито. Местом встречи был избран Харьков, куда Марголин должен был направиться по своим адвокатским делам, а Чеберяк собиралась туда, чтобы, как она говорила, повидаться с «блатными».

Встреча Марголина с Чеберяк состоялась в Харькове 7 декабря 1911 г. в гостиничном номере, в котором остановился Марголин, в присутствии Бразуль-Брушковского и сыщика Выгранова (которого Бразуль-Брушковский представил Марголину как вольнослушателя). Во время встречи Чеберяк сказала, что «она хочет отомстить Мифле, который отравил ее детей, который недавно ее жестоко избил и который является злом всей ее жизни»¹¹. Вслед за этим последовал рассказ об обстоятельствах убийства Ющинского, причем Чеберяк назвала его убийцами Приходько, Нежинского, Мифле и Назаренко. Выслушав рассказ Чеберяк и внимательно проанализировав ее поведение, Марголин понял,

что Чеберяк «не свидетельница, а лицо прикосновенное к убийству в той или иной форме», что и сказал Бразуль-Брушковскому в ответ на его просьбу высказать свое мнение о рассказе Чеберяк. Марголин также посоветовал Бразуль-Брушковскому пойти к судебному следователю и обо всем рассказать ему. Бразуль-Брушковский с ним не согласился, так как полностью доверял рассказам Чеберяк¹². Марголин больше не участвовал в частном расследовании Бразуль-Брушковского, тем более что в январе 1912 г. он становится адвокатом Бейлиса.

Чеберяк, почувствовав, что Арнольд Марголин догадался о ее истинной роли в убийстве Ющинского, решила оклеветать его и Бразуль-Брушковского. Она заявила, что якобы Марголин и Бразуль-Брушковский предлагали ей взять на себя вину за участие в убийстве Ющинского за взятку¹³. Возможно, что это заявление Чеберяк было спровоцировано черносотенцами и обвинителями Бейлиса, чтобы не допустить выступления А. Д. Марголина на суде в качестве адвоката Бейлиса. Если вспомнить разоблачительные выступления Марголина на процессах по погромным делам, то мы поймем, что у властей были все основания бояться его выступлений во время суда над Бейлисом.

Прокурор Киевского окружного суда А. М. Запенин на основании заявления Веры Чеберяк обвинил присяжного поверенного А. Д. Марголина в нарушении профессионального долга, «выразившегося в склонении Чеберяк принять на себя за вознаграждение вину в убийстве Ющинского», о чем подал заявление в Киевский окружной суд в августе 1912 г.¹⁴. Киевский окружной суд обязал А. Д. Марголина представить объяснения по поводу данного заявления прокурора А. М. Запенина и до выяснения всех обстоятельств этого дела отстранил 31 августа 1912 г. А. Д. Марголина от защиты Бейлиса. Разбирательство дела «о нарушении профессионального долга присяжным поверенным А. Д. Марголиным» длилось более года. В ходе этого разбирательства Марголин вынужден был неоднократно представлять объяснения по поводу своей встречи с Чеберяк и доказывать всю ложность ее обвинения в свой адрес. Так неожиданно для самого себя Марголин превратился из адвоката Бейлиса в лицо обвиняемое. Наконец, 7 декабря 1913 г. в общем собрании отделений Киевского окружного суда (в котором за полтора месяца до этого был оправдан Бейлис) слушалось дело присяжного поверенного А. Д. Марголина. «Общее собрание постановило исключить А. Д.

Марголина из сословия присяжных поверенных. По сведениям, проникшим в печать, это определение суда было принято незначительным большинством голосов (21 против 16), причем тремя группами членов суда были поданы три особых мнения: два — об отсутствии в действиях присяжного поверенного Марголина признаков какого бы то ни было нарушения профессионального долга, одно — о несоответствии столь тяжкого взыскания с мерой содеянного.

Это определение суда А. Д. Марголин обжаловал в установленном порядке»¹⁵.

Но общее собрание департаментов Киевской судебной палаты 22 марта 1914 г. постановило: «оставить жалобу присяжного поверенного А. Д. Марголина без последствий»¹⁶. А. Д. Марголин был восстановлен в правах, и ему было возвращено звание присяжного поверенного лишь после Февральской революции 1917 г.¹⁷.

Зачем же после оправдания Бейлиса властям понадобился суд над Марголиным? Возможно, что это была попытка черносотенцев взять реванш за недавно понесенное ими поражение и навсегда нейтрализовать столь опасного противника, каким для них являлся Марголин в качестве присяжного поверенного.

Таким образом, Марголин не был допущен на суд над Бейлисом в качестве его адвоката, но мы по праву можем назвать Арнольда Давидовича Марголина защитником Бейлиса. Участвуя в частном расследовании Бразуль-Брушковского и став адвокатом Бейлиса, Марголин руководствовался одной целью — защитить невиновного человека и в его лице весь еврейский народ от возведенных на него обвинений в совершении ритуальных убийств. Именно благодаря тому, что в защиту Бейлиса выступили сотни прогрессивных людей всего мира (одним из которых был А. Д. Марголин), их протесты и обращения позволили создать определенное общественное мнение и Бейлис был оправдан.

Как сложилась дальнейшая судьба А. Д. Марголина?

После лишения звания присяжного поверенного Марголин не смирился и продолжал борьбу за права евреев. Он примкнул к сионистскому, а затем территориалистскому движению, одним из лидеров которого стал после смерти М. Э. Мандельштама. После провозглашения в ноябре 1917 г. Украинской Народной Республики был назначен членом ее Верховного суда, а в ноябре 1918 г. при Директории — заместителем министра иностранных дел, а затем — дипломатическим представителем Директории в

Лондоне и занимал этот пост до падения Директории в ноябре 1920 г.

В 1922 г. Марголин переехал в США, где занимался адвокатской практикой и выступал как лектор и журналист.

Марголин написал несколько книг, в том числе: «Украина и политика Антанты» (1922), «Евреи Восточной Европы» (1926), «Из политического дневника» (1946) и другие.

Умер он в Вашингтоне в 1956 году¹⁸.

¹ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила. Киев, 1910. С. 189—190.

² Там же.

³ Еврейская энциклопедия. СПб., [б. г.]. Т. 10. С. 620—621.

⁴ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1990. Т. 5. С. 102—103.

⁵ Речи по погромным делам. Киев, 1908. С. 78—81. Заявление присяжного поверенного А. Д. Марголина на суде по делу о погроме в г. Нежине в октябре 1905 г.

⁶ ЦГИА Украины, ф. 442, оп. 855, д. 391, ч. 1, л. 179. Заявление Д. С. Марголина Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору, 20 октября 1905 г.

⁷ Там же, ф. 1220, оп. 1, д. 5 «Дело присяжного поверенного А. Д. Марголина». С. 95—100. Показание А. Д. Марголина, данное на судебном следствии по делу Бейлиса 7—8 октября 1913 г.

⁸ Там же. С. 34—35. Объяснение присяжного поверенного А. Д. Марголина, представленное в общее собрание департаментов Киевской судебной палаты.

⁹ Там же. С. 93—100. Показание А. Д. Марголина, данное на судебном следствии по делу Бейлиса 7—8 октября 1913 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, д. 5 «Дело присяжного поверенного А. Д. Марголина». С. 3—6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 14—30. Постановление общего собрания отделений Киевского окружного суда от 7.12.1913 г. по делу присяжного поверенного А. Д. Марголина.

¹⁶ Там же. С. 53. Постановление общего собрания департаментов Киевской судебной палаты от 22.03.1914 г.

¹⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. С. 102—103.

¹⁸ Там же.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН СЕРЕДИНЫ 1920-х гг.

По материалам перлюстрации

Российская революция февраля 1917 г. отменила официальную дискриминацию еврейского населения. В последующие годы режим вел целенаправленную борьбу против антисемитизма, преследовавшегося в судебном порядке.

Все это, однако, не означало исчезновения «еврейского вопроса» в Советской России 20-х гг. (как, впрочем, и в последующее время). Эта проблема имела различные грани. После кровавых погромов гражданской войны тысячи евреев эмигрировали в Палестину, процесс отъезда продолжался в 20-е гг. Советская власть, выступавшая под лозунгом интернационализма, в той или иной форме преследовала сионистские организации (или казавшиеся власти таковыми).

В первых рядах борцов против сионизма выступали еврейские коммунистические секции. Именно они особенно настойчиво требовали от руководства страны запрета таких организаций, как «Гехалуц», «Маккаби» и т. п. Изучение иврита, внимание к вопросам еврейской культуры казались политическими атрибутами сионизма. Одновременно власть пыталась решить проблему огромного избытка рабочих рук в бывшей черте оседлости и сопутствующей ему нищеты путем наделения евреев землей и приобщения их к сельскохозяйственному труду.

Наконец, в бытовом сознании старые антисемитские представления подкреплялись новыми реалиями. Для многих недобровольных революцией и ее итогами все происшедшее легко объяснялось версией «жидовско-большевистского заговора», «засильем евреев» и т. п. Это доказывалось действительно активным участием многих евреев в гражданской войне на стороне Советов

и значительной их долей в руководстве партии и страны. После революции и гражданской войны немало евреев, особенно молодых, приехало в крупные города, составляя конкуренцию другим слоям, особенно в сфере образования и управления. В обстановке острой безработицы 20-х, других бытовых и социальных неурядиц это не способствовало преодолению антисемитизма.

Все эти настроения фиксировались секретными отчетами партийных комитетов, органов ОГПУ и другими закрытыми материалами. В связи с партийной дискуссией конца 1923 — начала 1924 г. в сводке по 2-й электростанции г. Ленинграда отмечалось, например, что «разговоры сплошь национально-патриотические, сводящиеся к тому, что Ленин был русский, а Троцкий еврей и что пойдут за Лениным». В обзоре за февраль 1924 г. указывалось, что «к выбору тов. Рыкова пред[седателем] СНК рабочие относятся доброжелательно, считая кандидатуру тов. Рыкова, как русского по национальности, вполне приемлемой»¹.

Вместе с тем и преувеличивать степень сознательного антисемитизма (в частности, в рабочей среде) нет оснований. В тех же материалах сообщалось, что на Металлическом заводе, «в отношении дискуссии о тов. Троцком, часть рабочих стояли за тов. Троцкого, мотивируя тем, что т. Троцкий идейный», что «поддерживают Троцкого и большинство беспартийных на ... заводе им. Кулакова», «симпатии значительной части беспартийного студенчества склоняются на сторону Троцкого»². Естественно, эти данные, как и любой официальный документ, требуют критического анализа.

Уникальную ценность, на наш взгляд, представляет для изучения подобных явлений массив частной переписки того времени. Главная «заслуга» в его сохранении принадлежит Политконтролю ОГПУ. Продолжая вековую практику самодержавия, этот отдел ОГПУ, созданный в 1921 г., проводил перлюстрацию частной переписки. Весь материал распределялся по трем основным разделам: международная, внутренняя и красноармейская переписка. При этом от 70 до 90% перлюстрации сопровождалось так называемым «меморандумом». «Меморандум» — специальный бланк с данными отправителя и адресата и той частью текста письма, которая представляла интерес для «органов». В 20-е гг. «меморандумы» направлялись цензорами в

соответствующие отделы ОГПУ: КРО (отдел по борьбе с контрреволюцией), ЭКО (экономический), СОЧ (секретно-оперативную часть), ОО (особый отдел — органы ОГПУ в Красной Армии и Флоте), в местные управления ОГПУ. Каждый «меморандум» имел свой номер. В ряде случаев конфисковывалось само письмо.

Поскольку за редким исключением население страны не догадывалось о перлюстрации корреспонденции внутри страны и только часть пишущих подозревала о цензуре зарубежной переписки, такие материалы позволяют судить о реальных настроениях общества. Для данной публикации нами использованы двадцать дел, содержащих копии отрывков из перлюстрации переписки советских и иностранных граждан за 1924—1925 гг. Они хранятся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (бывший Ленинградский партийный архив). По нашим подсчетам, в середине 20-х каждый месяц Ленинградским отделением Политконтроля ОГПУ просматривалось от 1200 до 1800 писем и телеграмм³. Одной из тем, которых касались авторы писем, был «еврейский вопрос». Сразу заметим, что таких писем сравнительно немного. Например, по разделу «Международная корреспонденция» за август 1925 г. из 475 писем лишь 11 авторов (то есть 2,3%) затрагивали «еврейский вопрос», за сентябрь 1925 г. соответственно из 500 — 18 (3,2%). В красноармейской переписке внутри страны за сентябрь 1925 г. этой темы касались два письма из 645 (0,3%)⁴.

В целом за семь месяцев 1925 г. (март, апрель, июль, август, сентябрь, ноябрь, декабрь) «еврейский вопрос» затрагивался в 88 из 7335 перлюстрированных писем (1,2%). При этом 67 авторов (76,1%) высказывали негативное отношение к евреям.

Больше всего писем по «еврейскому вопросу» в разделе «Международная корреспонденция»: на 1091 письмо — 26 (2,3%), из них 17 (65,4%) носят антисемитский характер. В письмах горожан на 2739 корреспонденций соответственно 40 (1,5%) и 34 (85%) письма, из Красной Армии и Флота (1007 писем) соответственно 8 (0,8%) и 6 (75%) писем, из деревни (870 писем) соответственно 8 (0,9%) и 5 (62,5%), из писем в армию и флот (1628 писем) — 6 (0,4%) и 5 (83,3%)⁵.

«Еврейский вопрос», судя по этой статистике, волновал прежде всего российскую эмиграцию, жителей городов, особенно

крупных, а также самих евреев. Конечно, неграмотность значительной части населения, другие специфические особенности переписки (отсутствие привычки затрагивать какие-либо отвлеченные темы и т. п.) в определенной степени снижают репрезентативность этих данных. Тем не менее эти письма и подсчеты дают достаточно представительную картину отношения к «еврейскому вопросу» в различных слоях российского общества середины 20-х.

Следует учесть, что письма представлены в копиях и в отрывках, отбор которых производился цензорами Политконтроля. Мы публикуем их в современной орфографии с исправлением явных опечаток и ошибок в правописании. Переписка военнослужащих почти всегда сопровождалась подробными сведениями об авторах и адресатах: фамилия, имя, адрес. Другие же виды писем обычно лишены подобных атрибутов, сопровождаясь минимумом выходных данных: страна, город проживания корреспондентов. В квадратных скобках помещены уточнения авторского текста.

I. Международная переписка

1. Май 1924 г. Из Ленинграда — в Сербию, Якову Левашко.

«С сыном хуже, занимается отлично, сдает хорошо, но будут выгонять по усмотрению комиссии, будут рассматривать активность студента и положение сословно-социальное. Вся молодежь взволнована и потрясена ужасно, жаль смотреть, хотят учиться и не приходится... Павел и его приятели ждут своей участи. Ну ясно, иерусалимские академики останутся, коммунисты, вообще партийные. У, проклятые, они все знают. К 1-му июня должно все закончиться, т. е. безработных еще прибавится». П о м е т к а цензора: «В КРО»⁶.

2. Май 1924 г. Из Эстонии, местечко Кабала, Юра Эртен — в Троцк [Гатчина], Бомбардирская, 26, И. В. Бурбо.

«Пишу тебе после 4-летнего молчания... Мы презираем вас, и каждого коммуниста, который попадется мне в руки, я задушу, как вы душили ничем не повинных детей заложников, и знай, что я скорее сгнию здесь, чем последую примеру тех изменников, соглашателей, которые ушли обратно. Это больше не русские, раз они изменили русскому делу и ушли на поклон жидам. Сейчас

в СССР русских нет, ею правят жида и немцы, все русские за границей... Ты не можешь даже и говорить о России, так как ты коммунист-интернационалист-жидомасон, германофил и все что хочешь, но не русский... Вы свергли самодержавие, а разве у вас не самодержавие сейчас. Разница лишь в том, что правит вместо одного русского царя тройка жидов. Лучше самодержавные Романовы, чем самодержавные жида... Привет Лизе. Юра Эртен. Прочел письмо Юры и подпишу с большим удовольствием. Как вам не стыдно называть себя русским, будучи коммунистом?.. Сбросьте с себя маску, покайтесь перед родиной и будьте порядочным офицером, которым были, как я о вас слышал... Один из многих сочувствующих Юре истинно русских людей». *П о м е т к а ц е н з о р а*: «Письмо в Москву»⁷.

3. И ю н ь 1 9 2 4 г. И з К и т а я — в Л е н и н г р а д.

«В данное время в Шанхае 10 000 русских беженцев, остатки русской армии... Глядя на этих полных дегенератов, невольно думаешь: «Спаси, господи, Россию от реставрации и от победы этих белых», т. к. вся эта публика... серьезно убеждена, что в приходе Советской власти в России виноваты «жиды», что существует жидо-масонский Синедрион, который через социалистическую мировую революцию собирается учинить царство сионизма на всем земном шаре». *П о м е т к а ц е н з о р а*: «Письмо в КРО»⁸.

4. И ю н ь 1 9 2 4 г. И з П о л ь ш и — в Л е н и н г р а д.

«Эта еврейская банда дождется и от русских, и от поляков. Я сама их хладнокровно бы повесила». *И з с в е д е н и й*, н е в о ш е д ш и х в м е м о р а н д у м⁹.

5. А в г у с т 1 9 2 4 г. И з П с к о в с к о й г у б. — в Ш в е й ц а р и ю.

«Я националист-сионист... Меня возмущает, когда 18-летние мальчишки и девчонки, ни черта не знающие о сионизме, ни об истории евреев, когда эта коммунистическая молодежь, стремящаяся к уничтожению национальности, презрительно фыркает на сионизм как «на мелкобуржуазное течение»... Прием в ВУЗы в 1924—25 гг. для нас, беспартийных и не командированных профсоюзам, суживается донельзя». *П о м е т к а ц е н з о р а*: «Письмо в КРО»¹⁰.

6. А в г у с т 1 9 2 4 г. И з Э с т о н и и — в А л т а й с к у ю г у б.

«Видно, что жизнь в России начинает улучшаться, но всех

сврсе следовало бы повесить, и это во всех странах». П о м е т к а цензора: «В КРО»¹¹.

7. Октябрь 1924 г. Из Ленинграда — в Сербию.

«Налоги у нас со всего дерут самые невероятные. Взятничество и хищение государственного имущества страшное. Общественной жизни нет никакой. Служащим платят гроши, брата «интеллигента» не подпустят за сажень к службе, где есть приличное жалованье, там «наши» — жидки. Еврейское за- силье абсолютное. Они всюду — в партии, на фабриках, на службах — всюду, где тепло и не дует, а где не платят месяцами жалованье, там их нет, там публика попроще — интеллигенция... Россия — это Палестина. Сойтись двум, трем интеллигентам нельзя, за ними следят, слежка всюду — дома, на службе, — всюду. Разряженные ходят только еврейчики, наши русские — оборванные... Надежд на перемену декорации все меньше и меньше, а твое письмо окрылило нас надеждой». П о м е т к а цензора: «В КРО»¹².

8. Октябрь 1924 г. Из Китая — в Ленинград.

«Очень жалею, что там у вас хорошо живетса жидам и их там не бьют». П о м е т к а цензора: «В КРО»¹³.

9. Октябрь 1924 г. Из Эстонии — в Гдов.

«Дорогой товарищ Иван Петрович, посылаю просимые тобой прокламации. Очень рад, что и ты недоволен жидовской властью. Я боюсь, чтобы не нашла эта сволочь у тебя зарытое золото. Скоро думаю тоже приехать в Гдов. Твой товарищ И. Николаев». В п и с ь м о в л о ж е н ы т р и п р о к л а м а ц и и, о з а г л а в л е н ы е: «Беседа Его Императорского Высочества вел[икого] князя Николая Николаевича с директором телеграфного агентства «Ассошиэйтед пресс» Робертсом в апреле 1924 г.». П о м е т к а цензора: «В КРО»¹⁴.

10. 12/X—24 г. Из Палестины — в Ленинград, Мойка, 71, кв. 6, Раппопорт.

«Мировой антисемитизм вообще, а в Польше и в Румынии в особенности, достиг небывалых размеров. Евреев всюду теснят, экономически издеваются над ними, их душою, нравственностью, устраивают очередные погромы, не принимают в учебные заведения — словом, усиленная копия «Белой России». И еврейство бежит в Палестину. Даже в Америке юдофобство проявляется в большой степени». И з с в е д е н и й, н е в о ш е д ш и х в м е м о р а н д у м¹⁵.

11. 12/XI—24 г. Из Палестины — в Ленинград, Мойка, 71, кв. 6, Раппопорт.

«Возрождается наша страна. Оживает наш измученный народ еврейский. За последние месяцы усилились гонения и притеснения в Польше и Румынии, и оттуда евреи стекаются в Палестину. Открыт университет, техникум. Сейчас гостит у нас президент Всемирной организации евреев Вейцман... Нужно было видеть вам, как рабочие массы приняли и ухаживали за президентом». Из сведений, не вошедших в меморандум¹⁶.

12. 25/X—24 г. Из Палестины — в Ленинград, Дегтярная ул., 11, кв. 5, Крейцман.

«Есть много безработных. Свирепствуют эпидемии тифа, малярии и т. д. Рабочему, у которого есть работа, здесь жить ничего — ни о чем голова не болит, ни шуб, ни дров. В политическом отношении паспорт никогда не спрашивают, прописок не надо, с полицией никаких дел не имеем. Иногда только с арабами драка бывает. Или арабы еврея зарежут, так назавтра евреи с арабами то же проделают, и все опять тихо». Из сведений, не вошедших в меморандум¹⁷.

13. 18/XI—24 г. Из Палестины — в Ленинград, Васильевский остров, 5 линия, 64, кв. 41, Полякову.

«Молодежь в большинстве случаев живет скверно, служат чернорабочими, каменщиками, работают в колониях, получают гроши. Очень тяжел религиозный гнет. Иерусалим — центр еврейского фанатизма». Из сведений, не вошедших в меморандум¹⁸.

14. Апрель 1925 г. Со станции Сиверская Северо-Западной ж. д. — во Францию.

«У нас же здесь жизнь очень тяжелая, только коммунистам и евреям живется хорошо». Пометка цензора: «В КРО»¹⁹.

15. Апрель 1925 г. Из Белоруссии, г. Рогачева — во Францию.

«Мы вам не писали потому, что у нас стряслась беда. Мою дочь, которая учится в Ленинграде, арестовали. Она, видите ли, не коммунистка. А раз не коммунистка, то значит сионистка, и за это ее в числе 60 человек осудили на поселение в Оренбургской губ. У нее нашли сионистскую литературу. Подумаешь, какое преступление. Даже при Николае не могло быть таких случаев.

Они хотят, чтобы все были с ними, с их идеями, а не против их. Не советуем вам ехать сюда, как-нибудь устраивайтесь там». По метка цензора: «В КРО»²⁰.

16. Апрель 1925 г. Из Италии — в Ленинград.

«Вы теперь находитесь под игом жидовским... Нам так тяжело слышать, что жида хотят совсем уничтожить христианскую веру». По метка цензора: «В КРО»²¹.

17. Апрель 1925 г. Из Италии — в Ленинград.

«Здесь много понаехало из Сов[етской] России новых богачей в бриллиантах, все почти евреи. Нахальны до противности, живут в первых гостиницах». По метка цензора: «В КРО»²².

18. 10/IV—25 г. Из Литвы — в Ленинград.

«1-го апреля везде, где только жили евреи, праздновали открытие еврейского университета в Иерусалиме, были манифестации на улицах и процессии всей еврейской молодежи. Одновременно... литовское еврейство переживает тяжелое время. В этот же день литовский сейм принял реакционный закон о еврейских общинах. Закон этот окончательно разрушает всю национальную культурную автономию, отдает общины в руки реакционных элементов, статьи в еврейских газетах по этому поводу окружены траурными рамками, а раввины и крупная буржуазия торжествуют победы». Из сведений, не вошедших в меморандум²³.

19. Июнь 1925 г. Из Мексики — в Баку.

«Я не вернусь в Россию до тех пор, пока ею будут править жида. Я даже не могу выразить словами моего негодования против них». По метка цензора: «В Бакинское ОГПУ»²⁴.

20. Июнь 1925 г. Из Америки — в Ленинград.

«Время за ум взяты и всех дармоедов из России прогнать: попов, а во-вторых, жидов, только этого не сделала рабочая власть. Я знаю, что если бы не было жидов, то Россия давно бы расцвела. Но жида, как черви, подтачивают рабоче-крестьянскую власть... Здесь, в Америке, их не очень любят. Это хитрая лисица, но все-таки встанет русский медведь и проложит себе дорогу». По метка цензора: «В КРО»²⁵.

21. 18/VI—25 г. Из Ленинграда — в Северную Америку.

«Дорогой брат, ты не представляешь жизнь в России. Ты бы

не узнал народ, все полны энтузиазма... Не нужно было никуда уезжать, еврей теперь имеет все права, как и все граждане. Нет городских, нет черты оседлости». Из сведений, не вошедших в меморандум²⁶.

22. Июль 1925 г. Из Ленинграда — в Палестину.

«Между прочим, сионисты считаются политически неблагонадежными и раза два в год их арестовывают массами. Впрочем, ты, верно, это знаешь лучше меня, т. к. среди эмигрировавших в Палестину ведь многие выехали отсюда». Пометка цензора: «В СОЧ»²⁷.

23. Июль 1925 г. Из Ленинграда — в Германию.

«Пересылается стихотворение под названием «Кит». О том, как Кит проглотил жида, а потом его отрыгнул — «того, что сделал мудрый Кит, Россия сделать не решилась и мира потому лишилась, что в ней сидит паскудный жид». Пометка цензора: «В СОЧ»²⁸.

24. Июль 1925 г. Из Ленинграда — в Эстонию.

«Пишет жена профессора университета: «Во всех учреждениях принимаются рабочие или израильты, интеллигенции живется очень тяжело».

25. Август 1925 г. Из Трочка [Гатчины] — во Францию.

«В воскресенье поджидаем (опять оговорилась, ведь нам теперь нельзя говорить «поджидаем», надо говорить «подевреиваем»)). Пометка цензора: «В КРО»²⁹.

26. Август 1925 г. Из Ленинграда — в Америку.

«Если бы ты знал, как неприятно после широких полей возвращаться в душную жидовскую амбулаторию. Если бы ты видел сейчас население города, какие попадаются жидовские физиономии, типичные, с пейсами, с каркающим, икающим жидовским жаргоном». Пометка цензора: «В КРО»³⁰.

27. Август 1925 г. Из Витебска — в Палестину.

«Отправитель, очевидно, состоит постоянным корреспондентом газеты... В этом письме он касается темы еврейского и древнееврейского языков. Он очень недоволен тем, что Советская власть изгоняет из школ древнееврейский язык, что способ-

ствует, по его мнению, полнейшей ассимиляции евр[ейских] масс». Пометка цензора: «В КРО»³¹.

28. Август 1925 г. Из Италии — в Ленинград. «В «Цыгании» [Румынии] не хочу жить. Отношение к нам, бессарабцам, ужасное. Прибавь к этому наше «иерусалимское» происхождение... Погромы частичные [так в тексте]. В учебных заведениях хотя и не существует процентной нормы, но еврею места там нет». Пометка цензора: «В КРО»³².

29. Август 1925 г. Из Франции — в Ленинград. «Пересылается открытка... На ней следующая надпись: «Какие же после всего этого вы русские люди, что допустили, чтобы на вас ездили и вами погоняли сволочи жида. Пора опомниться». Пометка цензора: «В КРО»³³.

30. Сентябрь 1925 г. Из Псковской губ. — в Эстонию.

«Евреи большей частью живут великолепно, в их руках в данное время все, что торговля, что служба, у них большие связи и в их руки попадает самое лучше». Пометка цензора: «В Псковское ГПУ»³⁴.

31. Сентябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Чехословакию.

«В кирпично-сортировочном учреждении опять произведено сокращение служащих. И все это Иваны да Петры, Матрены да Акулины, но Ицке и Срулек, Этек и Ревекк нет среди сокращенных. А между тем ими наполнена вся канцелярия. И так теперь здесь производят новые объединения бердичевских американцев и устранение отсюда всех Петров и Иванов, как граждан без отечества. Есть основание думать, что в этом новом Иерусалиме в недалеком будущем может возникнуть старый храм Соломона с золотыми тельцами на нем. Так все идет к этому». Пометка цензора: «В КРО»³⁵.

32. Сентябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Литву.

«У нас рабочим нисколько не лучше, чем в 1914 году, но они должны молчать. Каждый ребенок знает, что Советское правительство является еврейским правительством». Пометка цензора: «В КРО»³⁶.

33. Сентябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Бельгию.

«Вчера провожала Марию Григорьевну с Дорой за границу.

Когда я их провожала, мне так стало завидно, что она может ехать, а я не могу повидаться с вами. Конечно, туда, куда она поехала [в Палестину], нужно быть идейным человеком, а тот, кто не идейный, тому и делать нечего там. Ты меня поймешь, куда она поехала». П о м е т к а ц е н з о р а : «В КРО»³⁷.

34. С е н т я б р ь 1925 г. Из Л е н и н г р а д а — в Ф р а н ц и ю .

«Мама приехала пароходом в 11 часу ночи. Затем доблестная российская таможня с рвением, достойным высшей награды, принялась за дело. Так, что только в половине третьего мамаша попала домой. Платья последних парижских моделей пользуются у местных красавиц восточного типа (попросту евреев) успехом. Написал бы тебе другое, местное название этой национальности, да боюсь обидеть цензора. П о м е т к а ц е н з о р а : «В КРО»³⁸.

35. С е н т я б р ь 1925 г. Из Л е н и н г р а д а — в Г о л л а н д и ю .

«Хочу тебя информировать, что евреям-южанам в России выдают несколько десятков тысяч десятин, где они смогут автономно развиваться. В Америке какой-то конгресс ассигновал 10 млн. долларов для колонизации евреев в России». Из с в е д е н и й , н е в о ш е д ш и х в м е м о р а н д у м ³⁹.

36. О к т я б р ь 1925 г. Из Л е н и н г р а д а — в А м е р и к у .

«У нас ходят два каламбура. Что такое СССР? Сруль, Сруль, Сруль и один Русский, да и тот позади всех. Чем занимается ответственный работник? Докладами. А что их больше интересует? Оклады. А что представляет для них СССР? Клад. А для прочих граждан? СССР — ад». П о м е т к а ц е н з о р а : «В КРО»⁴⁰.

37. О к т я б р ь 1925 г. Из Л е н и н г р а д а — в Г е р м а н и ю .

«Ходят слухи, что в квартирах на человека полагается 3 кв. сажени [сажень = 2,134 м], а остальное отдадут демобилизованным. Так что нам предстоит то же удовольствие, которое мы испытали в 19 году. Это не жизнь, а сплошной кошмар... Безмозглый народ. Интеллигенция — идиоты, блаженные, мечтавшие осчастливить этот народ, где вы теперь все. Я помню, ты тоже со мной ссорился, когда я говорила «жиды». А я была права в своей ненависти. Вот мы теперь и расплачиваемся за вас. Слышать не могу равнодушно о всех этих «печальниках», о судьбах забитого и загнанного племени». П о м е т к а ц е н з о р а : «В КРО»⁴¹.

38. Октябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Америку.

«Теперь Россию не узнаешь, она вся заселена жидами, во всех министерствах лучшие места заняты ими». По метка цензора: «В СОЧ»⁴².

39. Ноябрь 1925 г. Из Ленинграда — во Францию.

«Абрам теперь получает на службе 100 р., занят не так, как у вас пишут о нас «8» часов, а 12 и 14 [асов]. Работа адская. Все службы теперь государственные. Приходится работать сверх сил, чтобы как-нибудь существовать. У нас ведь все безумно дорого. Как видишь, не все так блестяще у нас на Руси, но мы все, видно, так намучились в Советской России, что рады покою душевному». По метка цензора: «В СОЧ»⁴³.

40. Ноябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Германию.

«Сообщаю тебе, что тебя интересует о деятельности «Комиссии землеустройства» евреев при ЦИК СССР. Общее количество евреев, нуждающихся в организации, определяется в 225 тыс. семейств, для них требуется в среднем 2700 тыс. десятин [десятина = 1,09 га]. Из этого количества только часть, зарегистрировавшаяся в Евсекции, получит землю. Но общее количество аграризированных евреев очень ничтожно. Чем же объясняются эти «громадные» успехи еврейской колонизации?.. Во-первых, недоверие масс к самой работе евр[ейской] секции вследствие частых, не прекращающихся до сих пор «чисток», которые выливаются в изгнание из коллективов часто весьма нужных и здоровых элементов коллектива, т. к. «чистка» производится по принципу политической неблагонадежности, а также и за бюрократизм в учреждениях. Еврейская секция часто назначает комсомольцев в переселенческие коллективы против их воли. Производится усиленная борьба с проникновением в переселенческие коллективы всякого рода сионистов. В члены ОЗЕТа фактически принимаются «честные беспартийные», никакой критики не допускается под страхом административных мер... И, наконец, недоверие масс к работе вызвано также тем, что евр[ейская] секция ведет борьбу с палестинизмом, используя все органы для этой цели. Несмотря на все, необходимо подчеркнуть внимание высших органов Соввласти к мероприятиям по аграризации: так, отпущено 200 тыс.

рублей. Для успешной же работы необходимо добиваться организованности еврейства в ОЗЕТе с целью превращения их в демократические самоуправляющиеся организации. Необходимо устроить переселенческие союзы. Необходимо создать переселенческий банк, куда должны вливаться заграничные капиталы. Необходимо усиленно бороться против антипалестинской организации, для чего необходима *широкая финансовая помощь*, которая несомненно прекратит антипалестинский характер ОЗЕТов». Пометка цензора: «В СОЧ»⁴⁴.

41. Ноябрь 1925 г. Из Старой Руссы — в Аргентину.

«Отправитель — духовное лицо (раввин или кантор) обращается с просьбой к своему брату, живущему в Аргентине, посодействовать ему уехать из СССР за границу, т. к.: «Жизнь в СССР неустойчива... Здесь же наоборот, чем в других государствах... Собственной критики не смеешь иметь, детей воспитывать по своему желанию не имеешь права, а если ты попытался не подчиниться, то твои дети остаются без образования. И как бы ты ни старался, твоих детей не допустят в ВУЗ...» Пометка цензора: «В СОЧ»⁴⁵.

42. Ноябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Эстонию.

«Здесь беспросветно, службу найти мужчине трудно, а женщине и думать нечего, надо иметь влиятельных коммунистов, тогда получишь... Другие живут хорошо, для евреев все и вся. Жены их разряжены в пух и прах». Пометка цензора: «В СОЧ»⁴⁶.

43. Ноябрь 1925 г. Из Латвии — в Ленинград.

«Вчера я вам выслал посылку на имя Анны Кац — отправитель Л. Кац, — стоимость 117 руб. 7 коп. с прибавлением 5 аршин [аршин = 0,71 м] материи на дамский костюм. Гесся хочет, чтобы вы продали, сколько возможно выручить, и отошлите ей выручку за кусок материи. Жду извещения на прошлую посылку. За эту посылку отправляйте деньги Лайзер Кац. Ожидаю писем и денег». Пометка цензора: «В ЭКО»⁴⁷.

44. Ноябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Германию.

«Ты мне ничего не пишешь. Может, ты уже в Германской

компартии и такого белого арапа, как я, признавать не хочешь. Мои политические взгляды те же, ничуть не изменились под влиянием всего пережитого, а только укрепились. Сейчас я работаю в Мологалесе... Наша концессия лесная, с немецким капиталом и жидами сверху донизу, имеет железную дорогу, на которой я служу в качестве инженера сл[ужбы] Тяги. В политическом отношении служба идеальна: они интересуются работой, не спрашивают, чем занимались твои предки до Адама, не интересуются, дочь ли пионерка, ходит ли в церковь. Словом, нет атмосферы политического сыска. На дороге (вещь недоходная) жидов нет, зато в самом Мологалесе только они и одни они». **П о м е т к а ц е н з о р а :** «В СОЧ»⁴⁸.

45. Ноябрь 1925 г. Из Китая — в Ленинград.

«Я забыл тебе описать отношение к евреям «Русского комитета защиты прав и интересов русских граждан в Шанхае». По приезде в Шанхай я зашел в Русский комитет, но встретил очень недружелюбный прием. Во-первых, они в каждом еврее видят коммуниста, а состав комитета состоит исключительно из самых отъявленных белых погромщиков, которые не столько монархисты, как юдофобы и Советскую Россию называют не иначе, как жидовской Россией. Они потребовали от меня доказательств о том, что я не служил в Красной Армии и не сражался против белых. Потом они стали придираться, не зарегистрирован ли я у советского консула в Шанхае, говоря, «что же вы не обращаетесь к своему консулу», т. е. жидовскому». **П о м е т к а ц е н з о р а :** «В КРО»⁴⁹.

46. Ноябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Югославию.

«У тебя нет хотя того ужасного гнета, какой мы испытываем на каждом шагу, и ты не видишь той гадости, в которую превратилась наша страна... На панели публика в кожаных тужурках и серых шинелях, плюющая тебе в лицо семечками, и масса жидов, словно ты в Гомеле, Двинске или Бердичеве, с длинными пейсами и чувствующих себя совершенно дома». **П о м е т к а ц е н з о р а :** «В СОЧ»⁵⁰.

47. Ноябрь 1925 г. Из Мексики — в Киев.

«Приехавшие в Мексику евреи из Польши и Румынии рассказывают такие ужасы о бесчинствах поляков и особенно румын,

что все то, что творилось с евреями в России во времена Николая Кровавого, бледнеет по сравнению с тем, что делается там теперь». Из сведений, не вошедших в меморандум⁵¹.

48. Д е к а б р ь 1 9 2 5 г. Из Б е р л и н а.

«Один ужас от того, что ты говоришь, что скоро евреи ассимилируются с русскими. Действительно, русский народ способен на самоистребление. Германия и Франция ожидали и теперь борются против этой чумы. Евреи в массе — достойны только истребления. Евреи никогда не будут патриотичны»⁵².

49. Д е к а б р ь 1 9 2 5 г. Из Т е р и о к и.

«Случайно я здесь прочел брошюру некоего Гладкого «Жи-ды»... Читал ли ты такую?.. Я получил на днях из Германии книгу «Международный еврей» на немецком языке и считаю ее очень важной для всех неевреев. Очень жаль, что русские люди так попались в жидовскую кабалу и благодаря своим розням и козням никак не могут освободиться от всего жидовствующего. Но я все же оптимист и вижу вас, когда грядущая сила (конечно, не Романовы) откроет их загнипнотизированные души и тайные совести [так в тексте], и этот момент будет началом освобождения «гоев» и гибели жидов... Христиане ни больше и ни меньше, чем как «стадо христово», т. е. жидами одураченные бараны и ослы... Узнай, пожалуйста, по какой цене можно там покупать старинное серебро, золото. Один мой знакомый интересуется этим товаром, и мы с тобой можем неплохо заработать»⁵³.

50. Д е к а б р ь 1 9 2 5 г. Из К о б е, Я п о н и я.

«Печально одно, что в СССР господствуют нерусские люди и мстят за старое русское правительство, которое их притесняло,— это евреи. Здесь любой государственный представитель из СССР обязательно жид и латыш, а русский на затычке... Вас заставили быть рабами у жидов»⁵⁴.

II. Внутренняя переписка

1. Май 1924 г. Из Ленинграда, Лопухинская, 14,— в Ташкент, Обсерваторская, 1, проф[ессору] Среднеазиатского госуниверситета Морозову.

«Иван Иванович представляет из себя самодура, что моя нога

хочет. Удивительное семейство. Интересно, все, что только [ни] происходит и ни делается теперь, все они валят на евреев и обвиняют их в желании овладеть миром, утверждают о существовании каких-то еврейских организаций, предупредивших [так в тексте] русскую революцию чуть ли не за 10 лет до ее начала. Настоящие недорезанные буржуи». По м е т к а ц е н з о р а : «В СОЧ»⁵⁵.

2. Апрель 1925 г. Из Белоруссии — в Ленинград.

«Дорогая сестра, сегодня получили твое письмо, из которого узнали невеселые новости про тебя. А теперь я тебе напишу, что было у нас. Здесь был массовый арест. Из нашего местечка забрали 10 чел. Это было 5 фев. утром. Мы просидели в Тинковичах три недели. 6 чел. выпустили, а 4 еще сидят и неизвестно, что с ними будет. Это Израиль Кантор, Ара Менделевич, Бер Котонич и М. Майзель. Публика не выдержала и созналась (кроме меня), и после этого более слабых выпустили, а актив оставили под арестом. Всю вину мы сложили на Шлему. Про тебя также сказали, что ты участвовала, но бросила работу и уехала. У многих про тебя спрашивали. У выпущенных взяли подписку, что они больше работать не будут, так же и у меня, хотя почти не виновен. Арестованные сидят уже 8-ю неделю. На нас арест почти не отразился, выглядим [так] хорошо, что все удивляются. После этого ты должна уметь ориентироваться и знать, что делать. Мне кажется, что не было бы глупостью, если бы ты явилась к следователю и рассказала ему, что верно, ты состояла в «Гехолуце», но не была активной, а затем ты сознательно порвала с ними и уехала учиться. При этом, конечно, может возникнуть вопрос, кто тебя вовлек в организацию. Ты можешь также указывать на Шлему. Главное, не затрагивай других организаций, кроме «Гехолуца». Ибо если дойдет до техникума, что ты работала, не признавалась, то могут тебя исключить. А если ты признаешься, что когда-то состояла, а затем порвала, то тебе ничего не сделают. Домой не советую тебе приезжать на каникулы, ибо если этим 4 еще придется сидеть, то и тебя потребуют, ибо зависть к тебе большая. Так что не надо показываться на глаза. Смотри не теряйся, ориентируйся хорошо. Аресты были во многих местечках, но всех через 2 недели выпустили. Визновские были арестованы по доносу хороших людей, которым вручили судьбу своих

жизней... Твой брат Мойше». Пометка цензора: «В СОЧ»⁵⁶.

3. Апрель 1925 г. Из Москвы — в Ленинград.

«В публичные места не хожу, так же избегаю бродить по улицам из-за неприятности видеть жидовские хари и читать жидовские вывески. Скоро в Москве, или, вернее сказать, в Новом Бердичеве, русская вывеска будет редкостью. Это госнация все заполнила, газет умышленно не читаю, литературы хамской тоже». Пометка цензора: «В СОЧ»⁵⁷.

4. Апрель 1925 г. Из Москвы — в Ленинград.

«Пересылается выдержка из нью-йоркской газеты «Форвертс» о колонизации евреев в Крыму и на Украине. Так, напр[имер], лидер сионистов д-р Х. Вейцман сказал: «Я считал бы величайшим несчастьем для русских евреев, если бы [они] дали вовлечь себя в подобного рода колонизации». Вейцман считает колонизацию евреев в Крыму и на Украине большевистской провокацией. Дальше отправитель просит высказать мнение по следующим вопросам: 1) Как вы смотрите на колонизацию евреев в Совет[ской] России с принципиальной точки зрения; 2) Считаете ли вы доводы, выдвинутые противниками колонизации, имеющими основание». Пометка цензора: «В СОЧ»⁵⁸.

5. Июнь 1925 г. Из Ленинграда — в Киевскую губ.

«Вообще церкви пустуют, жида делают свое дело, а русские дураки подчиняются им без всякого сознания... Они желают буквально уничтожить все христианство... а самим стать властителями. Вот вся их задача... Раскол церкви устроили тоже жида». Пометка цензора: «В СОЧ»⁵⁹.

6. Июнь 1925 г. Из Ленинграда — в Тамбовскую губ.

«Сегодня я разговаривал с зав. мастерской... через месяц будет расширение, он возьмет меня и Борю к себе. Он говорит, потому нас берет, что мы знаем машины, а я знаю двигатели. За это он нас принимает, во-первых, а во-вторых, мы евреи и он еврей». Пометка цензора: «В СОЧ»⁶⁰.

7. Июнь 1925 г. Из Ленинграда — в Кострому.

«Вся пресса в руках евреев... Словом, СССР (три Сруля и один русский)». Пометка цензора: «В СОЧ»⁶¹.

8. Август 1925 г. Из Калуги — в Ленинград.

«Узнали, что тебя не допустили до экзамена. Наплюй на эту консерваторию жидовскую. Очевидно, теперь только им дорога открыта. Конечно, предпочтение отдали жидовину, чем тебе. Теперь их царство». По метка цензора: «В СОЧ»⁶².

9. Август 1925 г. Из Ленинграда — в Ленинград.

«Студент 2-го курса Химического отделения Марголин Давид числится членом Союза строителей... Все эти документы фальшивые... гр[ажданин] Марголин выходец из буржуазной реакционной семьи, отец его в дореволюционное время владел имением, теперь он крупный лесной коммерсант. Брат Марголина Давида, Марголин Борис, основатель сионистской организации в Речице... ухитрился окончить университет, юридический факультет в текущем году. Советская школа должна каленым утюгом выжигать таких, как Марголин». По метка цензора: «В СОЧ»⁶³.

10. Сентябрь 1925 г. Из Подольской губ. — в Ленинград.

«Вчера вечером на демонстрации молодежи (канун МЮД [Международного юношеского дня], 6 сентября) Гимер Фукс выкрикивал лозунги и между ними один: «Долой коммунизм в Палестине». Как вам нравится? Вот к этому-то коммунизму, которого так не хочет Фукс, мы стремимся». По метка цензора: «В СОЧ»⁶⁴.

11. Сентябрь 1925 г. Из Псковской губ. — в Ленинград.

«У нас брали 6 лет, от 1899 года [рождения] до 1905 г., молодых ребят учиться, пока они ехали в уездный город, много везде сделали погрому, везде почти били евреев и грабили». По метка цензора: «В Псковское ГПУ»⁶⁵.

12. Сентябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Оршу.

«Все жидовье, которое здесь — оршанцы, — так и тянут своих братьев и сестер сюда и устраивают здесь в школе учиться». По метка цензора: «В СОЧ»⁶⁶.

13. Сентябрь 1925 г. Из Ростова — в Ленинград.

«Вообще Ростов, если бы ты знала, какой контрреволюционный город ...Иногда идешь и думаешь, где и когда ты живешь,

при Деникине или Советской власти. А в Университете еще хуже... А антисемитизм какой, к этому я никак не могу привыкнуть». Пометка цензора: «В СОЧ»⁶⁷.

14. Сентябрь 1925 г. Из Одессы — в Ленинград.

«Ты не заподозри меня в чем-нибудь, но 99 1/2% евреев с их самыми отрицательными чертами... История города иная, чем на севере, здесь еще много белой сволочи попрыталось». Пометка цензора: «В Одесское ГПУ»⁶⁸.

15. 25/IX—25 г. Из Радомысла — в Ленинград.

«У нас были волнения в городе. Утром увидели наклейки — явиться в Житомир на мобилизацию — десять лет [призывных возрастов?]. Молодежь уехала, а оставшийся народ волновался, ходили как помешанные, говорили, что настоящая война. Все боятся, а тут еще приятно слушать такие слова: «бей жидов, спасай Россию» ... Потом говорят, что это простая пробная мобилизация». Из сведений, не вошедших в меморандум⁶⁹.

16. Октябрь 1925 г. Из Киргизии — в Ленинград.

«Моя соседка, идеалистка-партийка, начинает пропитываться моими юдофобскими идеями. Обидно в таких углах нашей родины видеть на ответственных должностях лишь евреев. Даже в таких глухих городишках, где их обычно очень мало. Ведут толпу, они же и руководят. Меня до сих пор все это коробит и злит». Пометка цензора: «В СОЧ»⁷⁰.

17. Октябрь 1925 г. Из Белоруссии — в Ленинград.

«Земли нам не дают. Каськовцы говорят, что жида нам не нужны, а там, где наш огород и сарай, отбили другим. Нам оставили только клинок в 1 1/2 десятины. Это они сделали с целью выжить нас. Жаловаться некому, округ от нас далеко, чем кончится, неизвестно». Пометка цензора: «В ГПУ г. Минска»⁷¹.

18. 10/XI—25 г. Из Могилева — в Ленинград.

«Дела кошмарные, город населен нищими. Пограничный город лишен всякой промышленности, и вся торговля заключается в том, что несколько евреев торгуют селедкой, которую режут на маленькие кусочки и таковую продают на местном рынке. В общем, жуть». Из сведений, не вошедших в меморандум⁷².

19. Ноябрь 1925 г. Из Москвы.

«Проклятый квартирный вопрос так и не могут разрешить, строят дома, а жить негде. Все переполнено евреями. Для нас помещения нет, а для них моментально готова комната»⁷³.

20. Декабрь 1925 г. Из Москвы.

«Я еще не устроился. Райком ничего не может сделать, только знакомство и больше никаких гвоздей, да плюс к тому иметь нахальство «жида» да быть хорошим карьеристом, тогда что-нибудь выйдет. Походил я по всей Москве, и что же ты думаешь, на каждом шагу еврей да жид, у, проклятые. Ты скажешь — комсомолец, а так смотрит на нацию, да приходится так смотреть»⁷⁴.

III. Красноармейская переписка

1. 15/VII—24 г. Из Минской губ., Холуйское ЕПО [единое потребительское общество], Давыдович И.К. — в Ленинградскую школу подводного плавания, Стельмашенку Гр.

«Есть сионистская организация, хотя сионисты уже были арестованы и посидели в допре [доме предварительного заключения], но все-таки еще не перестают работать. Я эту ночь ходил в конспиративный караул для раскрытия сионистской организации». Пометка цензора: «В ОО»⁷⁵.

2. Ноябрь 1924 г. Из Новочеркаска, 8-го радиобатальона, 2-я рота. Т.Петрусевич — в Ленинград, 1-я Ленинградская военно-инженерная школа, П.Казекину.

«Есть студенты харьковские, а тоже ни к черту не годятся. А сколько жидов у нас теперь в батальоне! Куда ни посмотришь, всюду рожу этакую увидишь, что поневоле досадно станет. А ходят-то, как ходят, а между прочим, какие они все заносливые. Выше всех себя ставят, за ничто всех ставят». Пометка цензора: «В ОО»⁷⁶.

3. Февраль 1925 г. Из Ленинграда, Военно-морское училище, Горбачевский — в Можайск Московской губ., Можайский уком [ВЛКСМ], А.Тютину.

«Да. Неладно у вас в Можайске. Это блядство ведется давно. Левик по нации хитрый парень и проводит свою политику.

Главное то, что ребята в Гор[одской] ячейке не дружные, как попадут в бюро, треплют совсем другое». П о м е т к а ц е н з о р а : «В ОО»⁷⁷.

4. Март 1925 г. Из Киевской губ. — в Кронштадт.

«Это люди, которые хотят улучшить жизнь своему родному люду — украинцам. Они хотят, чтобы у нас не было дармоедов-жидов. Они хотят, чтобы жид с нашей крови не наживался, т. к. теперь живут жиды, как в Евангелии написано: «Как птицы небесные, не сеют, не жнут, а лучше вас живут». А через что так жиды хорошо живут? А через то, что ... осенью хлеб очень дешевый, а крестьянина заставляют продавать, а кому продает? Известно, жиду. А потом, как станет хлеб дорогой, то жид сколько хочет, столько и возьмет с бедного крестьянина». П о м е т к а ц е н з о р а : «В ОО»⁷⁸.

5. Апрель 1925 г. Из Полтавы — в Ленинград.

«На службу попасть не могу, т. к. дочь НЭПА [нэпмана?]. Я мечтала и мечтаю о медицине, но это напрасно. У нас принимают членов союза и членов комсомола, а себя не могу продавать за чечевичную похлебку. Ты, наверно, слыхал, что мы — ярые сионисты. Да, я ярая сионистка. До 2-го сентября я работала, но идеологически была не очень укреплена. Но с того момента, в день крестовых походов, т. е. арестов в СССР, куда и я попала, хотя сидела не в допре [доме предварительного заключения], а в ГПУ как несовершеннолетняя, я задавала себе вопрос: за что я сижу, за что томятся мои братья в советских тюрьмах? За то, что мы евреи и хотим улучшить их положение, так они страдают экономически, духовно и морально, т. е. создать правоохранение, [правоохранное] убежище, в П-не [Палестине]. Я дала себе клятву, и перед бело-голубым знаменем, быть верной дочерью своего народа и буду всегда этим [так в тексте], но знай, сколько нас ни преследуют, арестовывают хороших работников, но им смена есть. Я лично сейчас работаю в детском движении и готовлю будущих борцов за П-ну. Есть пословица: сколько ни коси траву, но скоро вырастет другая. Так и с нами. Нас хотят Евсекция и ГПУ своими репрессиями уничтожить и забирают кадры хороших работников, но наши дети нас заменяют. Эмиграция теперь в Палестину колоссально большая. Даже на время приостановили визы выдавать. Я, наверное, скоро уеду в П-ну.

Виза, можно сказать, у меня есть». По метка цензора: «В ОО»⁷⁹.

6. Июль 1925 г. Из Ленинграда — в Красное Село.

«Я изучил как деревню, так и город и вижу, что теперь у нас власть не Советская, а еврейская, и если я не поступлю на место, а буду жить на воле, то тогда уже комсомольцем больше не буду, потому что я ненавижу, как партия наша работает, хотя я и был сам секретарем ячейки». По метка цензора: «В ОО»⁸⁰.

7. Сентябрь 1925 г. Из Ленинграда — в Харьков.

«На второй день праздника были в хоральной синагоге, где слышали замечательного кантора и прекрасный хор, было много молодежи. Синагога была битком набита. Был почти на всех торжествах Академии наук». По метка цензора: «В ОО»⁸¹.

8. Сентябрь 1925 г. Штампа нет — в Ленинград.

«Хлопochу на курсы, но ничего не двигается. В одно время улыбнулось счастье, и место занял, а когда поехал назад за документами... то место мое занято, хотя не имели права. Но пока еще существуют взятки и евреи, то наш русский бедняк всегда будет картошку чистить». По метка цензора: «В ОО»⁸².

9. Декабрь 1925 г. Из г. Любар Волынской губ.

«Наша ячейка перешла на еврейский язык, потому что в Любаре организовалась довольно сильная сионистская организация, которая привлекла большую часть рабочей еврейской молодежи. Борьба с этой организацией пришлось недолго. Мы в короткое время успели завоевать почти всю молодежь»⁸³.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), ф. 16, оп. 5, д. 5905, л. 57; д. 5907, л. 77.

² Там же, лл. 71, 104, 115.

³ Там же, дд. 5911—5916, оп. 6, дд. 6934—6947.

⁴ Подсчитано по: ЦГАИПД СПб., ф. 16, оп. 6, дд. 6942, 6943.

⁵ Там же, дд. 6937, 6938, 6941, 6942, 6943, 6946, 6947.

⁶ Там же, оп. 5, д. 5911. В мае—июне 1924 г. проходила так называемая «чистка вузов», отчисление неуспевающих студентов под предлогом недостатка бюджетных средств. На деле, особенно на младших курсах, эта кампания была

нацелена на «улучшение социально-политического состава студенчества» и, по словам начальника Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибаса, «фактически проводилась нами». По вузам Ленинграда было исключено из общего числа студентов (около 30 тыс.) 7368 чел., из которых 1380 было восстановлено к следующему учебному году (ЦГАИПД СПб., ф. 16, оп. 6, д. 6930, л. 4).

⁷ Там же, д. 5911, лл. 139—140.

⁸ Там же, оп. 5, д. 5912, л. 129.

⁹ Там же, л. 200.

¹⁰ Там же, д. 5913, л. 97.

¹¹ Там же, л. 135.

¹² Там же, д. 5915, л. 96.

¹³ Там же, л. 101.

¹⁴ Там же, л. 132.

¹⁵ Там же, л. 176.

¹⁶ Там же, л. 259. Х. Вейцман (1874—1952) — президент Всемирной сионистской организации в 1920—1931 и 1935—1946 гг., президент Израиля с 1948 г.

¹⁷ Там же, л. 257.

¹⁸ Там же, л. 261.

¹⁹ Там же, оп. 6, д. 6938, л. 3.

²⁰ Там же. ОГПУ вело постоянное наблюдение за сионистскими организациями. По данным начальника Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибаса, за 1924 г. имелось «12 агентурных групповых разработок» сионистских организаций, «по коим проходит 372 чел.», «одиночных агентурных дел за 1924 г. — 986. На учете... на 1.01.24 г. — 750 чел. Взято вновь на учет по данным 1924 г. — 1520 чел.». Репрессии продолжались и дальше. В справке от 29 мая 1925 г. за подписью Дерибаса и начальника IV отделения СО ОГПУ Генкина указывалось, что по СССР «сидят арестованными 34 сиониста», в том числе в Москве — 1, Минске — 32, Ростове — 1. Сослано — 132 человека. «Высланы преимущественно в Киркрай [современный Казахстан], Сибирь и Урал», «в концлагерь заключено всего 15 чел. сроком на три года каждый. За границу выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел.».

²¹ Там же, л. 30.

²² Там же, л. 42.

²³ Там же, л. 71.

²⁴ Там же, д. 6940, л. 41.

²⁵ Там же, л. 53.

²⁶ Там же, л. 58.

²⁷ Там же, д. 6941, л. 7.

²⁸ Там же, л. 9.

²⁹ Там же, д. 6942, л. 10.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 27.

³² Там же, л. 42.

³³ Там же, д. 6938, л. 58.

- ³⁴ Там же, д. 6943, л. 4.
- ³⁵ Там же, л. 13.
- ³⁶ Там же, л. 18.
- ³⁷ Там же, л. 22.
- ³⁸ Там же, л. 30.
- ³⁹ Там же, л. 35.
- ⁴⁰ Там же, д. 6944, л. 22.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, л. 29.
- ⁴³ Там же, л. 133.
- ⁴⁴ Там же, л. 201. ОЗЕТ — Общество по земельному устройству трудящихся евреев.
- ⁴⁵ Там же, л. 203.
- ⁴⁶ Там же, д. 6945, л. 77.
- ⁴⁷ Там же, л. 9.
- ⁴⁸ Там же, л. 137. «Мологалес» — лесопромышленное акционерное общество, концессия немецкого капитала в СССР, существовавшая в 1923—1927 гг.
- ⁴⁹ Там же, л. 147.
- ⁵⁰ Там же, лл. 147—148.
- ⁵¹ Там же, л. 156.
- ⁵² Там же, д. 6947, лл. 143—144. Указаний, куда направлен меморандум, нет.
- ⁵³ Там же, л. 151.
- ⁵⁴ Там же, л. 156.
- ⁵⁵ Там же, оп. 5, д. 5911, л. 129.
- ⁵⁶ Там же, оп. 6, д. 6938, лл. 85—86. Всероссийская трудовая организация «Гехалуц» занималась организацией сельскохозяйственных коммун и производственно-технических артелей в районах компактного проживания евреев. С конца 1922 г. еврейские коммунистические секции неоднократно ставили вопрос о ее закрытии, как «разновидности сионизма». Была ликвидирована постановлением НКВД СССР от 25 января 1928 г.
- ⁵⁷ Там же, л. 97.
- ⁵⁸ Там же, л. 111.
- ⁵⁹ Там же, д. 6940, л. 91.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же, л. 118.
- ⁶² Там же, д. 6942, л. 140.
- ⁶³ Там же, л. 142.
- ⁶⁴ Там же, д. 6943, лл. 127—128.
- ⁶⁵ Там же, л. 131.
- ⁶⁶ Там же, л. 145.
- ⁶⁷ Там же, л. 180.

- ⁶⁸ Там же, л. 215.
- ⁶⁹ Там же, л. 234.
- ⁷⁰ Там же, д. 6944, л. 226.
- ⁷¹ Там же, л. 250.
- ⁷² Там же, д. 6945, л. 181.
- ⁷³ Там же, д. 6946, л. 80.
- ⁷⁴ Там же, д. 6947, л. 182.
- ⁷⁵ Там же, оп. 5, д. 5913, л. 69.
- ⁷⁶ Там же, д. 5915, л. 283.
- ⁷⁷ Там же, оп. 6, д. 6936, л. 35.
- ⁷⁸ Там же, д. 6937, л. 166. В данном письме речь идет об Украинской коммунистической партии, стоявшей на платформе «украинского коммунизма» и действовавшей легально в январе 1919 — марте 1925 гг.
- ⁷⁹ Там же, д. 6938, л. 167.
- ⁸⁰ Там же, д. 6941, л. 191.
- ⁸¹ Там же, д. 6943, л. 259. В сентябре 1925 г. в Ленинграде и Москве отмечался 200-летний юбилей Академии наук.
- ⁸² Там же, л. 287.
- ⁸³ Там же, д. 6947, л. 323.

Вступительная статья, публикация и комментарии В. ИЗМОЗИКА.

ГРИГОРИЙ АДОЛЬФОВИЧ ЛАНДАУ: НЕОБХОДИМЫЕ УТОЧНЕНИЯ

В публикации мемуаров известного публициста Г. А. Ландау, осуществленной В. Кельнером и Е. Голлербахом, отмечено, что их автор в 1940 г. во время массовых арестов, проводившихся НКВД, был арестован. «На этом обрываются наши сведения об этом незаурядном человеке. Был ли он расстрелян в Рижской тюрьме в июле 1941 г. перед сдачей города немецким войскам или погиб где-либо во владениях ГУЛАГа — еще предстоит выяснить»¹. Как читатель увидит из дальнейшего изложения, последнее предположение публикаторов является верным.

Работая над биографией И. В. Гессена, видного деятеля партии кадетов, чьим ближайшим сотрудником в 20-е гг. уже в эмиграции был Г. А. Ландау, в августе 1991 г. я послал запрос о его судьбе в КГБ СССР. Из-за отсутствия там необходимых сведений мой запрос был переправлен в Главный информационный центр МВД СССР. Оттуда было получено письмо № 35/3/4-6100ж от 16 октября 1991 г.: «На Ваше заявление, поступившее из КГБ СССР, сообщаем, что Ландау Грегор Адольфович, 1877 года рождения, умер 16 ноября 1941 г. в местах лишения свободы Пермской области (Усольяге). По всем вопросам, связанным со смертью Ландау Г. А., рекомендуем обратиться в УВД Пермского облисполкома. Ваше заявление по вопросу ознакомления с архивным уголовным делом в отношении Ландау Г. А. направлено на рассмотрение в МВД Латвии, откуда Вы получите ответ».

И действительно, вскоре было получено письмо из Риги от заместителя начальника Управления информационного обеспечения МВД № 2/3-851 от 23 октября 1991 г., в котором сообщалось о направлении нашего запроса начальнику специального отдела МВД Латвийской республики по реабилитации для ответа. В полученном от него письме №7/6731 от 16 декабря 1991 г. было сказано: «Согласно Вашего письма от 28 августа 1991 г., высылаем ксерокопии документов из архивного дела по обвинению Ландау Г. А., которые могут представлять для Вас интерес, а также документы о реабилитации его и его жены. Приложение: материалы на 12 листах».

Первым из документов является «Постановление на арест» от 9 июня 1941 г., утвержденное наркомом НКВД Латвийской ССР капитаном госбезопасности Шустиньм. Полагающаяся в таких случаях подпись

прокурора, для чего предусмотрено на бланке специальное место в правом верхнем углу, отсутствует. Текст документа следующий: «Ст[арший] уполномоченный 2 отдела СПО НКВД Латвийской ССР лейтенант госбезопасности Протопопов, рассмотрев поступившие в НКВД материалы о преступной деятельности Ландау Грегора, 1877 года рождения, уроженца г. Ленинграда, еврея, гражданина СССР, беспартийного, образование высшее, по профессии журналист, в настоящее время работает в качестве переводчика, проживает г. Рига, Виландес ул., 11, кв. 15, нашел, что Ландау Г. А. до 1933—1935 гг. состоял корреспондентом белогвардейской газеты «Сегодня» в Берлине, одновременно сотрудничал в белоэмигрантской газете «Руль», после чего вернулся в Ригу. Человек буржуазной установки, слышавший в кругах знающих его лиц как единственный из евреев «русский монархист». Ландау Г. А. в своих статьях и репортажах проводил антисоветскую линию. Уже после установления Советской власти, будучи враждебно настроенным, клеветнически отзывался о советской действительности. Постановил: Ландау Грегора подвергнуть аресту и обыску. Подпись: Протопопов. Согласен: начальник следственной части НКГБ Латвийской ССР Гавар».

К «Постановлению на арест» приложена «Справка», в которой приведены указанные выше сведения об антисоветской деятельности Г. А. Ландау по доносам осведомителей НКВД, имевших клички «Сидоров» и «Васильева», с точными датами их получения: первый донос был от Сидорова 21 октября 1940 г. и последний от Васильевой 7 июня 1941 г. Отмечено в этом документе, что Г. А. Ландау во время слежки за ним проходил «по литературному учету 2 отделения СПО НКГБ Латвийской ССР».

Имеется также «Постановление о высылении», датированное, как и «Постановление на арест», 9 июня 1941 г., утвержденное также Шустинным. В нем сказано, что Г. А. Ландау арестован за «контрреволюционные преступления», что он должен быть выслан за пределы Латвийской ССР. Высылке подлежала и его жена Ландау Людмила, 1877 г. рождения, родившаяся в Ленинграде, домохозяйка.

Из «Протокола обыска», произведенного 14 июня 1941 г., следует, что «согласно ордера задержан гражданин Ландау Грегор с женой для выселения из Риги. Взято для доставления в УГБ НКВД ЛССР следующее: 13 серебряных чайных ложек, 1 лорнетка, 5 золотых колец, 1 медальон, пишущая машинка «Триумф», радиоаппарат «Телефункен», 8 серебряных ножей, 10 серебряных вилок, 6 столовых ложек». Указано, что квартира «остаётся на хранении у гражданина Каминка Аугуста»². На этом документе имеются подписи его и Г. А. Ландау.

К «Протоколу обыска» приложена «Доверенность», в которой сказано, что Грегор Ландау доверяет своему соседу Каминке Аугусту, живущему по ул. Виландес, 8, кв. 7, «оставленное мною имущество — мебель с 2-х комнат и кухни — реализовать в 10-дневный срок по существующим в данном городе ценам. Вырученные от продажи иму-

щества деньги переслать по адресу, указанному органами государственной безопасности». На этой «Доверенности» также есть подпись арестованного — последний дошедший до нас его автограф.

Прислана была из Риги и копия «Акта»: «1941 года ноября 15 дня мы, нижеподписавшиеся заместитель начальника Отдельного лагерного пункта ... (*нзрб*), заместитель начальника по режиму [подпись отсутствует], начальник санчасти Ревуженко, начальник УРЧ ... (*нзрб*), составили настоящий в том, что сегодня умер з/к Ландау Григорий Адольфович, л/н 60721, год рождения 1877, осужден по статье [не указано] сроком [не указано], конец срока [не указано]. Приметы: рост средний, телосложение нормальное, цвет волос седой, глаза карие, нос прямой, особых примет нет». Затем следуют неразборчивые подписи начальника Особого лагерного пункта и начальника УРЧ, а также начальника санчасти Ревуженко. На акте есть отпечаток, вероятно, большого пальца правой руки умершего. Судя по нему, кисть руки была крупная, возможно, успевшая познать лагерную кирку и лопату.

Имеется такой документ, как «Постановление», утвержденное начальником Усольлага НКВД капитаном государственной безопасности Вепринским 9 декабря 1941 г. В нем сказано: «1941 года декабря месяца 8 дня я — оперативный сотрудник НКВД Латвийской ССР Швякин, рассмотрев следственное дело № 5363 на обвиняемого Ландау Григора Адольфовича, 1877 года рождения, еврея, беспартийного, журналиста, проживавшего в г. Риге по ул. Виландес, 11—15, арестованного НКВД Латвийской ССР 14 июня 1941 г. по обвинению в том, что Г. А. Ландау является белогвардейцем, нашел, что обвиняемый Ландау Г. А. 15 ноября 1941 г. умер, что свидетельствуется актом Сурмогского отдельного лагерного пункта Усольлага НКВД, и посему, руководствуясь ст. 4 УПК РСФСР, постановил: следственное производство со смертью обвиняемого прекратить и следственное дело № 5363 сдать в архив НКВД СССР». Подписал документ Швякин, согласовал начальник следственной части НКВД Латвийской ССР лейтенант госбезопасности Тарасов.

Г. А. Ландау был реабилитирован прокуратурой Латвийской республики после нашего запроса 29 ноября 1991 г. Одновременно была реабилитирована и его жена с указанием, что данных о ее судьбе не имеется. На всех полученных из Риги документах отмечено, что их оригиналы находятся в архивном следственном деле № 13725, хранящемся в МВД республики.

На запрос, посланный в Информационный центр Управления внутренних дел Пермской области, пришел ответ об отсутствии у них сведений о Г. А. Ландау и о пересылке нашего письма в г. Соликамск. Оттуда из Учреждения А. М.-244, то есть из действующего исправительно-трудового лагеря, пришел следующий ответ при письме №5/3-4552 от 25 декабря 1991 г.: «На Ваше заявление сообщаем, что Ландау Григорий Адольфович, 1877 года рождения, умер 15 ноября 1941 г. от миокардита. Похоронен на кладбище поселка Сурмог Соликамского

района Пермской области. Точное место захоронения установить невозможно за давностью лет. Извещение для регистрации смерти направлено в загс Кировского района г. Риги 25 декабря 1991 г. за № 5/3-4552, куда и нужно Вам обратиться за получением свидетельства о смерти».

Вот и все, что сегодня известно о последнем периоде жизни Г. А. Ландау.

¹ Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 152.

² Каминка Август Исаакович в 1890-х гг. поселился в Санкт-Петербурге. Помощник И. В. Гессена по выпуску еженедельника «Право», газет «Речь» и «Руль». В 1914 г. был присяжным поверенным и присяжным стряпчим, профессором Высших женских курсов и Петроградского института высших коммерческих знаний, членом совета Азовского-Донского коммерческого банка.

Публикация и комментарии В. ГЕССЕНА.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ СМОЛЕНЩИНЫ И БРЯНЩИНЫ В 1941—1943 годах

Согласно переписи 1926 г., в тогдашней Смоленской губернии¹ проживали 38 285 евреев; они составляли 1,5% населения. По уездам евреи распределялись следующим образом²:

г. Смоленск	12 887
Смоленский уезд	8 709
Вяземский уезд	634
Гжатский уезд	284
Демидовский уезд	561
Дорогобужский уезд	360
Ельнинский уезд	781
Рославльский уезд	9 470
Сычевский уезд	352
Ярцевский уезд	777
Велижский уезд ³	3 470 ⁴ .

Кроме Смоленска сравнительно много евреев проживало в Велиже (3274), Рославле (3254), Рудне (2235), Хиславичах (2102), Шумячах (1394), Монастырщине (1370), Татарске (864), Ельне (567), Починке (528), Ярцево (515), Вязьме (506); в волостях Любавичской (1069), Петровичской (925), Хиславичской (759).

Согласно переписи 1937 г., в Смоленской области проживали 31 946 евреев⁵, а согласно переписи 1939 г.— 33 020 евреев⁶. Уменьшение (по сравнению с 1926 г.) было связано, очевидно, с переселением евреев в другие районы России.

Область была оккупирована в июле—октябре 1941 г. Первые убийства евреев были совершены подразделениями оперативной группы Б полиции безопасности и СД — передовой командой «Москва» (ФКМ), которая с конца июля 1941 г. находилась в Смоленске, штабом группы, который с августа 1941 г. также находился в Смоленске, и зондеркомандой 7а. Так, уже в середине августа штаб группы «ликвидировал» в Монастырщине 26 евреев, «которые были связаны с партизанами, терроризировали лояльное население и саботировали предписанные фельдкомендатурой Смоленска хозяйственные мероприятия»⁷. Тогда же ФКМ подвергла обыскам несколько кварталов Смоленска «в поисках

7 Вестник Еврейского университета № 3(7)

функционеров и агентов, уголовных преступников, евреев-интеллигентов и пр.» и при этом схватила и ликвидировала 74 человека⁸. В ходе новой акции команда «казнила еще 46 человек, в том числе 38 евреев-интеллигентов, которые пытались вызвать беспорядки и недовольство во вновь созданном гетто в Смоленске»⁹. Наконец, отряд зондеркоманды 7а расстрелял в Велиже за саботаж одну еврейку и 8 евреев в колхозе им. Ворошилова в 17 км от Велижа; этот же отряд создал в Велиже еврейский совет, который произвел метку и регистрацию евреев¹⁰.

В конце августа — начале сентября ФКМ «за наглое и вызывающее» поведение евреев в Монастырщине и Хиславичах также в этих населенных пунктах произвела метку, регистрацию, переселение евреев в гетто и расстреляла «прежний еврейский совет и 20 других евреев»¹¹. В августе 1941 г. гетто также были созданы в Смоленске (5 августа), Красном (27 августа), Рудне, причем в последнем населенном пункте при этом были расстреляны 15—20 евреев-мужчин¹². Группа евреев 5—6 августа была убита и в Рославле¹³.

В совокупности в августе 1941 г. в области было уничтожено около 150 евреев.

В сентябре полиция безопасности создала гетто в Татарске и Любавичах и расстреляла в Хиславичах еще 114 евреев¹⁴, в Велиже около 150 евреев-мужчин¹⁵, в Рудне 100 евреев¹⁶, в Любавичах 17 евреев-мужчин¹⁷, группу евреев в Демидове, всех евреев-мужчин и 3 евреек в Татарске за самовольное оставление гетто¹⁸. В совокупности в сентябре в области было убито около 500 евреев.

В октябре в области были проведены расстрелы: 21-го числа в Рудне отряд оперативной команды 9, прибыв из Витебска, расстрелял 835 евреев¹⁹. В конце месяца эта же команда расстреляла в Вязьме 6 евреев²⁰.

В ноябре оперативная команда 8 провела расстрелы по крайней мере еще в четырех населенных пунктах: в Любавичах 4 ноября были расстреляны 492 еврея²¹, в Монастырщине 8 ноября — 1008 евреев²², в Рославле и Шумячах 14 ноября — 510 евреев²³, всего 2010 евреев. В Велиже 7 ноября было создано гетто, в которое было помещено свыше 500 евреев²⁴.

После временного перерыва, вызванного сильными морозами, в конце февраля 1942 г. еврейские акции в области возобновились: 24 февраля были расстреляны около 500 евреев в Рудне²⁵, 20 марта — 797 евреев в Хиславичах²⁶, в этом же месяце — 230 в Ельне²⁷, в начале апреля — все евреи в Красном²⁸. 15—16 июля 1942 г. было ликвидировано гетто в Смоленске (свыше 1860 жертв)²⁹, в сентябре расстреляны 306 евреев-рабочих в Остре близ Рославля³⁰ и в конце года — 1000 польских евреев-рабочих в Смоленске³¹.

Кроме этих крупных акций, команды оперативной группы Б, действовавшие на территории области, регулярно производили расстрелы евреев небольшими группами. Так, 6—30 марта 1942 г. зондеркоманда «Москва» (Рославль) и отдельный отряд «Смоленск» расстреляли соответственно 7 и 18 евреев³², 1 июля группа евреев была расстреляна в Каспле³³, 16—31 августа зондеркоманда 7а (Сычевка), зондеркоманда 7ц

(Рославль) и отряд «Смоленск» расстреляли соответственно 57, 3 и 16 евреев³⁴, а с 15 ноября по 15 декабря 1942 г.— соответственно 14, 17 и 19 евреев³⁵.

В совокупности в 1942 г. в области было истреблено около 5,5 тыс. евреев.

В 1943 г. имели место по крайней мере два массовых расстрела: 7 января в Сычевке были убиты около 100 евреев³⁶ и в апреле в Починке около 200 евреев³⁷.

Таким образом, в 1941—1943 гг. на территории области было истреблено примерно 10 тыс. евреев, в том числе 1 тыс. иностранных.

¹ Исключая: Бельский уезд, позднее вошедший в состав Калининской области; Корсиковскую, Сещенскую и Тюнинскую волости Рославльского уезда, позднее вошедшие в состав Брянской области. Включая Велижский уезд тогдашней Псковской губернии (без Усвятской и Усмынской волостей, которые остались в составе Псковской области, и Ильинской волости, которая позднее вошла в состав Калининской области).

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 2. С. 44—46.

³ См. сноску 1.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 1. С. 200.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М., 1991. С. 87.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 65.

⁷ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 67 от 29.8.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233).

⁸ Там же.

⁹ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 73 от 4.9.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233).

¹⁰ См. сноску 7.

¹¹ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 92 от 23.9.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233).

¹² Центральный государственный архив Российской Федерации (далее ЦГАРФ), ф. 7021, оп. 44, д. 630, л. 285.

¹³ Там же, лл. 125—127.

¹⁴ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 108 от 9.10.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233).

¹⁵ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Док. М., 1942. Вып. 5. С. 62. Расстрел был произведен 21.9.1941 г.

¹⁶ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 630, л. 213 с об. Расстрел был произведен 27.9.1941 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 124 от 25.10.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

¹⁹ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 148 от 19.12.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик

234). По другим данным, в Рудне 21.10.41 было расстреляно 1016 евреев; в живых осталось около 200 специалистов (ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 630, лл. 285, 319 об).

²⁰ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 147 от 17.12.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

²¹ См. сноску 19.

²² Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. Киев, 1991. С. 266. Возможно, среди убитых были и евреи из Татарска.

²³ См. сноску 19.

²⁴ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Док. М., 1942. Вып. 5. С. 62. 30 января 1942 г., отступая, немцы подожгли свинарник, где находились евреи; около 100 евреев сумели выбраться наружу, по ним был открыт огонь.

²⁵ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 630, л. 319 об. Среди убитых были также евреи из Микулино (около 200) и других окрестных населенных пунктов, которых пригнали в Рудню 22 февраля 1942 г.

²⁶ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 634, л. 23.

²⁷ Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сб. док. и материалов. М., 1977. С. 301.

²⁸ Черная книга... С. 265—266.

²⁹ Смоленск социалистический: Очерки. Смоленск, 1958. С. 163.

³⁰ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Док. М., 1944. Вып. 12. С. 52. Эти евреи весной 1942 г. были привезены из поселка Петровичи для добычи торфа.

³¹ Смоленск: Пугеводитель. М., 1974. С. 183. Эти евреи в конце июля 1942 г. были привезены из Варшавы для строительства штаб-квартиры оперативной группы Б.

³² Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 194 от 21.4.1942 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

³³ Сахнин А. Тюльпаны палача // Сахнин А. Одиночество. М., 1972. С. 54—55.

³⁴ Архив Института современной истории в Мюнхене, Fb 101/35.

³⁵ Т а м ж е, Fa 259.

³⁶ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Док. М., 1943. Вып. 10. С. 5.

³⁷ Курбатова П. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине. Смоленск, 1944. С. 24.

Из записки книжки за 1941 год бургомистра Смоленска Меньшагина

<...>

4. Весь город, кроме еврейского квартала, должен быть до 16 часов 5.8 освобожден евреями.
5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.
6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.
7. Район евр. поселения должен быть огражден проволокой, и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.
8. Квартиры, освобожденные евреями, поступают в распоряжение начальника города для заселения.

<...>

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет.
12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшей НКВД) для расстрела.

Источник:

Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 34.

Шеф полиции безопасности и СД
— Б. № IV A I — 1B/41 гРс —

Берлин, 19 декабря 1941

Донесение о событиях в СССР № 148

<...>

Оперативная группа Б.

Местонахождение: С м о л е н с к .

<...>

Зондеракции.

<...>

Возникла необходимость провести акцию и в Рудне близ Смоленска. Евреи оказывали значительную помощь партизанам, занимались провакационной деятельностью, некоторые из них отказывались работать и не носили отличительный знак. 835 евреев обоего пола были расстреляны.

<...>

По тем же причинам была проведена акция в населенном пункте Любавичи, в ходе которой были расстреляны 492 еврея обоего пола.

<...>

По тем же причинам были проведены зондеракции в Рославле и Шумячах близ Рославля. В совокупности были расстреляны 510 евреев обоого пола.

В Шумячах были расстреляны 16 психобольных еврейских и русских детей. Они находились в детдоме, который советские власти оставили в совершенно запущенном состоянии. Дети лежали несколько недель в своих экскрементах и сплошь были покрыты глубокими язвами. Привлеченный для консультации оберштабсаргт военного госпиталя в Шумячах заявил, что детдом с его обитателями представляет опасный очаг эпидемии и что поэтому их необходимо расстрелять.

<...>

Источник:

Национальный архив США, микрокопия T-175, ролик 234.

Из акта от 11.10.1943 г. о массовых расстрелах жителей Смоленска летом и осенью 1942 г.

<...>

Опросом местных жителей-очевидцев установлено, что в 1-й половине июля 1942 г. в дер. Могаленщина прибыла команда военнопленных и полицейских, всего свыше 200 человек, которые приступили к рытью указанной выше пятидесятиметровой траншеи.

15 июля в 2 часа ночи из Смоленска начали прибывать машины с еврейским населением города, которое на основании приказа немецкого командования было еще в начале года согнано на жительство в поселок «Садки», расположенный в черте города. Всю ночь и первую половину дня 15 июля 1942 г. из «Садков» были слышны вопли и крики женщин, насильно загоняемых в машины. Из «Садков» евреи, в том числе женщины, дети, старики, свозились на грузовых машинах к вырытой траншее <...> Около 10 таких машин ходили до 4 часов дня, а затем все свезенные к траншее евреи были расстреляны и захоронены. В этот день одновременно было умерщвлено около 2000 человек еврейского населения города, которое заполнило примерно 2/3 могильника. Остальная часть была не зарыта и некоторое время пустовала. На дне незаполненной части траншеи стояла просочившаяся кровь расстрелянных, уровень которой доходил до колена <...>

Источник:

ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 1092, лл. 4. 5.

**Из заявления под присягой бывшего штурмбаннфюрера СС
Вальдемара Клингельхефера от 2.7.1947 г.**

<...>

3. После того как Небе возложил на меня руководство передовой командой «Москва», он поручил мне поехать из Смоленска в Татарск и Мстиславль, чтобы собрать там шубы для немецких войск и ликвидировать часть евреев. Евреи уже были арестованы гауптштурмфюрером СС Эгоном Ноаком. Что касается собственно казни, то ее провел Ноак под моим контролем. Предназначенные для казни евреи были поставлены на край заранее вырытой ямы и убиты выстрелом в затылок. Врача на казни не было. Пораженные пулями люди, которые стояли на краю ямы, обычно падали в свою могилу. Если кто-либо в яме еще подавал признаки жизни, его добивали. В ходе этих двух казней, на которых я присутствовал, было убито примерно 50 евреев.
4. Примерно месяц спустя, в конце сентября или начале октября, Небе приказал мне поехать в Татарск, чтобы провести там новую антиеврейскую акцию в связи с тем, что евреи якобы без разрешения покинули гетто Татарска. Небе приказал мне преподать им урок. Когда я прибыл в Татарск, я установил, что его сообщение соответствует действительности. Тогда я приказал расстрелять всех еще имевшихся евреев мужского пола. Их было примерно 30. Я сделал это, чтобы не дать этим лицам присоединиться к партизанам. Что касается предписанной казни женщин и детей, то я отказался выполнить эту часть приказа.

<...>

Согласно переписи 1926 г., в тогдашней Брянской губернии¹ проживали 36 751 еврей, они составляли 1,8% населения. По уездам евреи распределялись следующим образом²:

г. Брянск ³	3660
Бежицкий уезд	3554
Карачевский уезд	524
Клинцовский уезд	11412
Новозыбковский уезд	7013
Почепский уезд	4960
Севский уезд	600
Стародубский уезд	4720.

Еще 308 евреев имелось в Корсиковской и Сещенской волостях Рославльского уезда тогдашней Смоленской губернии.

Кроме Брянска сравнительно много евреев проживало в Клинцах

(5248), Новозыбкове (4828), Почепе (3616), Стародубе (3317), Сураже (2190), Унече (1409), Мглине (1244), Бежице (768), Погаре (628), Жуковке (674), Злынке (586), Святске (588), Дубровке (542), Карачеве (522).

Согласно переписи 1937 г., в Орловской области, в состав которой тогда входила бывшая Брянская губерния, насчитывалось 34 648 евреев⁴, а согласно переписи 1939 г. — 35 500⁵. Поскольку подавляющее большинство евреев проживало в западной части области, из которой в 1944 г. была образована Брянская область, то можно предположить, что в нынешней Брянской области накануне войны имелось примерно 30 тыс. евреев. Уменьшение количества евреев (по сравнению с 1926 г.) было связано, очевидно, с миграцией в крупные города центра России.

Область была оккупирована в августе — октябре 1941 г. Первые казни евреев были произведены зондеркомандой 76, которая в конце августа — начале сентября 1941 г. из Гомеля проверила Новозыбков, Злынку и Климов и при этом расстреляла в Новозыбкове одного еврея за связь с партизанами, в Злынке 27 «еврейских террористов» и в Климове также 27 «еврейско-большевистских агентов и террористов»⁶. 9 сентября команда убыла в Черниговскую область, а в конце месяца передислоцировалась в Клинцы и Мглин. В Клинцах в ходе двух акций она расстреляла 165 «еврейских террористов»⁷ и в Стародубе за отказ переселиться в гетто — 272 еврея⁸. Наконец, 12 октября в Святске (Новозыбковский район), вероятно, эта же команда расстреляла 23 еврея⁹ и в конце октября в Орджоникидзеграде (Бежице) — 7 евреев как партизан¹⁰.

В ноябре 1941 г., по всей видимости, подразделения 10-го пехотного полка СС 1-й мотопехотной бригады СС произвели расстрелы в Трубчевске и Погаре: в первом городе 20 ноября были расстреляны 12 евреев¹¹, а во втором 22 ноября — 217 евреев¹². Вероятно, в этом же месяце отряд оперативной команды 8 расстрелял 800(?) евреев в Брянске. В декабре 12 евреев были убиты в Дубровке¹³. Предположительно в конце года были уничтожены и евреи в Сечевке (самое меньшее 25 человек)¹⁴.

Зимой 1941/42 гг. находившийся в Гомеле отряд оперативной команды 8 произвел расстрелы в Клинцах, Новозыбкове, Святске и Злынке. В Клинцах 6—7 декабря были расстреляны 3 тыс. евреев¹⁵, в Новозыбкове 18 января — 950 евреев¹⁶, в Святске 25—26 января — 125 евреев¹⁷ и в Злынке 15 февраля — 202 еврея¹⁸.

С конца февраля 1942 г. чисткой области от евреев занялась зондеркоманда 7а, которая 21 февраля прибыла в Клинцы, где находилась до 20 апреля 1942 г.

За время дислокации в Клинцах команда расстреляла в разных населенных пунктах области свыше 4 тыс. евреев. Так, в конце февраля — начале марта еврейские акции были проведены в Климове, Стародубе, Мглине и, вероятно, в Почепе; были расстреляны соответственно 280¹⁹, свыше 800²⁰, 500²¹ и свыше 1000(?)²² евреев. С 6 по 30 марта команда подвергла «особому обращению» еще 1585 евреев²³, в том числе 342 в Унече 18 марта²⁴ и 560 в Сураже 27 марта²⁵. В этот же период были

расстреляны евреи в Клетне и в Клинцах²⁶. Наконец, в апреле в Клинцах были убиты еще самое меньшее 50 евреев²⁶.

В последующие месяцы отряд оперативной команды 8 в Клинцах и отряды зондеркоманды 7б в Брянске и Карачеве убили еще некоторое количество евреев. Так, в Навле в августе 1942 г. были расстреляны 39 евреев.

В совокупности в 1941—1942 гг. в области было истреблено примерно 10 тыс. евреев, или 33 % их довоенной численности.

¹ Исключая: Жиздринский уезд, позднее вошедший в состав Калужской области; Шаблыкинскую и Хотынецкую волости Карачевского уезда, позднее вошедшие в состав Орловской области; населенные пункты Сукремль и Людиново Бежицкого уезда, позднее вошедшие в состав Калужской области.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 2. С. 40—42.

³ Включая поселки Володарско-Толстовский (902 еврея) и Фокинский (258 евреев).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М. 1991. С. 87.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. 1992. С. 64.

⁶ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 92 от 23.9.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233). В Климове расстрел был произведен 29 августа 1941 г. (Центральный государственный архив Российской Федерации (далее ЦГАРФ), ф. 7021, оп. 19, д. 5, л. 147).

⁷ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 108 от 9.10.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233).

⁸ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 124 от 25.10.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

⁹ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 19, д. 2, л. 146.

¹⁰ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 146 от 15.12.1941 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

¹¹ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 19, д. 6, л. 3.

¹² Там же, д. 4, л. 227.

¹³ Там же, л. 290.

¹⁴ Там же, д. 2, л. 103.

¹⁵ Там же, д. 5, лл. 9—10, 21.

¹⁶ Там же, д. 2, л. 142.

¹⁷ Там же, л. 146.

¹⁸ Там же, д. 4, лл. 1, 3.

¹⁹ Там же, д. 5, лл. 171, 173. Среди убитых были также евреи из окрестностей (Чуровичи, Н. Ропск).

²⁰ Там же, д. 3, л. 188. Кроме того, с октября 1941 г. до марта 1942 г. в гетто умерли 153 еврея.

²¹ Там же, д. 2, лл. 225, 227, 239, 241. Кроме того, в тюрьме, где находились арестованные евреи, в январе—феврале 1942 г. умерли 60 человек.

²² Согласно материалам Почепского краеведческого музея, в овраге близ консервного завода были расстреляны 1876 евреев. Согласно архивным данным, в Почепе в январе—марте 1942 г. было убито 1854 человека (Там же, д. 4, л. 278).

²³ Шеф полиции безопасности и СД. «Донесение о событиях в СССР» № 194 от 21.4.1942 г. (Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234).

²⁴ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 19, д. 4, л. 238; Партизаны Брянщины. Тула, 1970. С. 96.

²⁵ ЦГАРФ, ф. 7021, оп. 19, д. 6, л. 342.

²⁶ См. приложение — приговор суда присяжных в Эссене от 29.3. 1965 г. по делу Альберта Раппа.

Шеф полиции безопасности и СД
— IV A I — B. 1 B/41 гРс. —

Берлин, 23 сентября 1941
Секретное дело империи!
48 экземпляров

Донесение о событиях в СССР № 92

<...>

Оперативная группа Б.

Местонахождение: С м о л е н с к.

<...>

Акции против функционеров, агентов, саботажников и евреев.

<...>

В Новозыбкове с одним старым евреем и одним бывшим милиционером НКВД, которые были уличены в постоянной связи и передаче сведений партизанам, поступили согласно приказу. Мог быть внезапно арестован и ликвидирован один случайно вернувшийся в город тайный агент НКВД <...>

В Злынке могли быть арестованы и казнены 27 еврейских террористов.

В Климове были схвачены и подвергнуты особому обращению 27 еврейско-большевистских агентов и террористов, а также один местный руководящий функционер.

<...>

Источник:

Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233.

Объявление в «Клинцовской газете» № 1 от 26 сентября 1941 г.

Все евреи и еврейки, которые находятся в занятой русской области и которым минуло 10 лет, обязаны немедленно носить желтый лоскут сукна размером 10 см. Лоскут сукна они должны сами себе приобрести. Кланяться со стороны евреев и евреек запрещается.

Источник:

Балаев А. С. и др. Клинцам 250 лет. Брянск, 1959. С. 38.

Шеф полиции безопасности и СД
— Б. № IV A I — 1 Б/41 — гРс —

Берлин, 9 окт. 1941
Секретное дело империи
50 экземпляров

Донесение о событиях в СССР № 108

<...>

Оперативная группа Б.

Местонахождение: С м о л е н с к.

<...>

Акции против функционеров, агентов, саботажников и евреев.

<...>

ЗК 76 в Городне казнила одного местного руководящего большевистского функционера и 21 еврейского грабителя и террориста. Равным образом в Клинцах были ликвидированы 83 еврейских террориста и 3 руководящих партийных функционера. В ходе новой проверки были подвергнуты особому обращению 3 коммунистических функционера, 1 политрук и 82 еврейских террориста.

<...>

Источник:

Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 233.

Шеф полиции безопасности и СД
— № IV A I — Б. № 1 Б/41 гРс —

Берлин, 25 окт. 1941

Донесение о событиях в СССР № 124

<...>

Оперативная группа Б.

Местонахождение: С м о л е н с к.

<...>

В ходе превращения деревни Беловщина в гетто для евреев Стародуба некоторые из них оказали пассивное сопротивление. Поэтому были ликвидированы 272 еврея и еврейки, некоторое количество членов коммунистической партии как плохих элементов и политических агитаторов. Среди них находился политический комиссар, который подстрекал евреев держаться такой же, как и он, враждебной позиции.

<...>

Источник:

Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234.

Шеф полиции безопасности и СД
— IV A I — I B/41 гРС —

Берлин, 21 апреля 1942

Донесение о событиях в СССР № 194

<...>

Оперативная группа Б.

Местонахождение: С м о л е н с к.

<...>

Полицейская деятельность:

<...>

За время с 6 по 30.3.42 в районе деятельности оперативной группы были подвергнуты *особому обращению*

ЗК 7а

1657 человек, в том числе:

27 за принадлежность к партизанским группам и членство в бывш. КП,
45 цыган,
1585 евреев;

ЗК 7б

82 человека, в том числе:

19 за сотрудничество с партизанами,
22 за коммунистическую пропагандистскую деятельность и принадлежность к КП,
14 за подстрекательские высказывания,
27 евреев.

<...>

Источник:

Национальный архив США, микрокопия Т-175, ролик 234.

**Приговор суда присяжных при земельном суде в Эссене
от 29.3.1965 г. по делу Альберта Раппа,
бывш. штандартенфюрера СС**

<...>

3. Маршрут и деятельность зондеркоманды 7а до оперативного района Клиңцы.

После начала войны оперативная группа Б направилась через Познань в Варшаву и достигла ее 23 июня 1941 г. Оттуда, как видно из ЕМ № 17 от 9 июля 1941 г., ЗК 7а была направлена к АОК 9. Огньне тыл 9-й армии был оперативным районом ЗК 7а <...> Через Восточную Пруссию — Сувалки на Вильнюс, Вилейку, Минск, Полоцк, Витебск ЗК 7а достигла Городка <...> Здесь ЗК 7а была усилена взводом 2-й роты 14-го пехотного полка войск СС под руководством унтерштурмфюрера СС Темпфера. Примерно в начале сентября д-р Бл. был смнен оберштурмбаннфюрером СС Шт. Путь ЗК 7а проходил в дальнейшем через Невель на Велиж. Оттуда подкоманда под руководством оберштурмфюрера СС Мейера направилась в Великие Луки. Там Мейер был смнен вновь прибывшим в команду унтерштурмфюрером СС Шпенглером. Позднее подкоманда из Вел. Лук направилась во Ржев. Основная часть команды через Вязьму, Сычевку, Ржев, который в ЕМ № 126 от 29 октября 1941 г. назван местом расположения команды на 21 октября 1941 г., достигла Калинина. В Калинине основная часть команды оставалась до середины декабря 1941 г. Из Калинина Шт. уехал в отпуск по болезни, из которого он в команду больше не вернулся. В руководстве командой его замещал вновь прибывший в команду гауптштурмфюрер СС Мачке. Как под руководством д-ра Бл., так и под руководством Шт. ЗК 7а провела большое число массовых расстрелов так называемых потенциальных врагов, особенно евреев. В Вильнюсе было расстреляно неустановленное число евреев-мужчин. Тогда расстрел производился еще из карабинов и экзекуционной командой, а во время последующих расстрелов людей убивали из пистолета выстрелом в затылок. В Вилейке состоялась очередной крупный расстрел евреев. Как видно из ЕМ № 50 от 12 августа 1941 г., были ликвидированы все евреи-мужчины. В Минске ЗК 7а также расстреляла большое число евреев-мужчин, которые будто бы были поджигателями. В Витебске состоялись новые расстрелы евреев. ЕМ № 34 от 24 июля 1941 г. воспроизводит сообщение ЗК 7а. В нем говорится, что назначенный еврейский совет зарегистрировал 3000 евреев. Проведена метка евреев. Для устрашения 27 евреев, которые уклонялись от работы, были публично расстреляны на улицах <...> В ЕМ № 50 оперативная группа сообщила, что в Витебске были казнены 332 еврея.

В Городке под руководством д-р Бл. состоялся новый крупный расстрел евреев. Не исключено, что уже тогда первый раз были расстреляны также женщины и дети.

Расстрел евреев имел место и в Невеле. В ЕМ № 73 от 4 сентября 1941 г. говорится, что в качестве возмездия за поджог были расстреляны 73 еврея. В этом сообщении приводится и общая цифра ликвидаций, проведенных до того времени ЗК 7а,— 996.

Другие крупные расстрелы евреев состоялись в Велиже и Демидове. По крайней мере в Велиже были также расстреляны женщины и дети.

Подкоманда Мейера произвела расстрел евреев в Великих Луках, в ходе которого также были убиты женщины и дети.

Во Ржеве и Калинине имели место расстрелы отдельных лиц или небольших групп так называемых потенциальных врагов.

Данные об общем числе расстрелянных ЗК 7а имеются также в следующих донесениях о событиях:

Донесение о событиях № 92 от 23 сентября 1941 г. упоминает 1011 жертв; ЕМ № 108 от 9 октября 1941 г. сообщает, что до 28 сентября 1941 г. в совокупности ликвидировано 1252 человека. В ЕМ № 125 от 26 октября 1941 г. говорится о 1344 «ликвидациях». ЕМ № 133 от 14 ноября 1941 г., которое упоминает Калинин и Ржев как места расположения ЗК 7а, сообщает, что ЗК 7а в совокупности «ликвидовала» 1570 человек.

Молодые солдаты взвода войск СС Темпфера, которым тогда было 19—20 лет, во время расстрелов стрелками не назначались. Однако они участвовали в уничтожении евреев путем поимки и транспортировки жертв, а также как часовые оцепления <...>

Во второй половине декабря 1941 г. ЗК 7а, обязанности руководителя которой выполнял Мачке, вследствие русского зимнего наступления поспешно покинула Калинин. Долгое время для нее существовала опасность быть настигнутой русскими. Члены команды страдали от сильного мороза и лишений отступления. Бегство затруднялось тем, что машины из-за мороза и плохих дорог отчасти вышли из строя, а отчасти заводились с большим трудом. Из Калинина команда через Старицу, Ржев, Сычевку, Гжатск отступила в Вязьму, которая в ЕМ № 152 от 7 января 1942 г. впервые названа местом расположения ЗК 7а. Через Велиж, Демидов, который в ЕМ № 161 от 28 января 1942 г. обозначен как место расположения ЗК 7а, команда добралась до Смоленска, штаба оперативной группы Б. В Смоленск ЗК 7а прибыла в первой трети февраля 1942 г. <...>

В Смоленске шеф оперативной группы Б оберфюрер СС Науман, который тем временем сменил Небе, решил дать ЗК 7а отдохнуть от лишений отступления. В качестве места расположения он определил находящийся в тылу группы армий неразрушенный среднерусский город Клинцы <...> Науман распорядился, чтобы люди отдохали, и приказал Мачке позаботиться о том, чтобы команда весной вновь была готова к деятельности. Он заявил Мачке далее, что если на него дополнительно будут возложены задачи полиции безопасности, он должен их мимохо-

дом выполнить. Из Смоленска ЗК 7а через Оршу, Могилев <...> направилась в Гомель, куда прибыла во второй неделе февраля 1942 г. Оттуда Мачке послал членов команды Ре., Ра. и Ам. в Клинцы для подготовки квартиры.

Во время перехода из Калинина в Гомель происходили только отдельные небольшие казни.

В Гомеле ЗК 7а возглавил обвиняемый.

<...> В январе или феврале 1942 г. обвиняемый был призван в качестве руководителя ЗК 7а. Со своим шофером из лейтабшнитта СД Мюнхен, Мау., который был призван одновременно с ним, он поехал в Берлин. Там он явился в РСХА. Он был обмундирован. С Мау. он продолжил поездку в Россию. В Смоленске обвиняемый вновь встретился со своим бывшим начальником Науманом как шефом оперативной группы <...> Науман познакомил его с задачами оперативных групп и сообщил об истребительных приказах, особенно в отношении всех евреев, включая женщин и детей. Науман информировал далее обвиняемого о тогдашнем положении ЗК 7а, особенно о том, что в Клинцах она должна отдыхать. Когда обвиняемый прибыл в Гомель, он упрекнул Мачке в том, что он там пребывает в бездействии, и распорядился немедленно перевести команду в Клинцы. Ехали по железной дороге, так как для автомашин дороги в Клинцы были непроезжими. Большая часть автопарка с шоферами, которых обвиняемый подчинил Мау., осталась. Они должны были ремонтировать там автомашины.

В Клинцы обвиняемый с основной командой прибыл 21 февраля 1942 г. и оставался там до 20 апреля 1942 г. <...>

После того как основной состав ЗК 7а с обвиняемым отправился из Клинцов вновь в район АОК 9, в Сычевку, по распоряжению Наумана в Клинцах еще несколько месяцев находился арьергард. Им руководил Мачке. В качестве руководителя он был избран потому, что не представлялось возможным вновь использовать его в районе АОК 9, так как в Калинине он потерял совершенно секретный документ. Арьергард составляли примерно 10 человек, в том числе Зо., Рё., Офф. и Ди.

4. Обстановка в Клинцах в момент прибытия ЗК 7а.

<...> Город попал в руки немцев 20 августа 1941 г. в целости и сохранности, что на центральном участке фронта было редким исключением <...> Клинцы <...> были местом расположения точно не установленной фельдкомендатуры. В октябре 1941 г. она была сменена фельдкомендатурой 528. Фельдкомендатурой 528 сначала руководил майор Марло. Когда он в ноябре 1941 г. убыл в отпуск и затем, не возвращаясь в Клинцы, был освобожден от должности, обязанности фельдкоменданта до начала марта 1942 г. исполнял свидетель д-р Э., тогда гауптман. Он покинул Клинцы <...> 4 марта 1942 г. За несколько дней до этого в Клинцы прибыл новый фельдкомендант — полковник фон Заннов-Беттхер. В августе 1942 г. он был сменен полковником

Шульцем. На подведомственной ФК Клиницы территории из окрестных крупных населенных пунктов находились Стародуб, Погар, Почеп, Сураж и Мглин.

Дела ортскомендатуры сначала исполнялись ФК 528. Свидетель Го., тогда секретарь военной администрации, занимался делами ортскомендатуры в гражданском секторе. Примерно 5 марта 1942 г. Клиницы получили немецкую ортскомендатуру и притом прибывшую из Франции ортскомендатуру 1/888. Ею сначала с комиссарскими полномочиями руководил свидетель К., тогда гауптман.

Из прочих немецких частей в Клиницах находились в момент прибытия ЗК 7а хозяйственная команда 210 <...> подразделение ополчения и с сентября/октября 1941 г. — группа 729 тайной полевой полиции (ГФП) под руководством комиссара полевой полиции Зон. с многочисленными отделениями в окрестностях города. Задачей ГФП была разведка и борьба с партизанами. В Клиницах также находились несколько сельскохозяйственных руководителей. Гебитсландвиртом был ландвирт-шафсфюрер Хеншель, крейсландвиртом — свидетель Шм. Они подчинялись сельскохозяйственной группе Бобруйск, которой руководил свидетель Хю. В Клиницах имела русская гражданская администрация. Бургомистром был русский Грецки, который пользовался большим почетом среди населения. Его влиянию приписывается то, что город был очищен русскими неразрушенным.

Как ГФП, так и ФК 528 обнаружили в Клиницах вооруженную русскую вспомогательную полицию, так называемую службу порядка (ОД). Они также нашли в Клиницах сконцентрированных евреев. В качестве гетто служил находящийся на окраине города обособленный поселок, в котором евреи жили под охраной русской службы порядка.

Все говорит за то, что ОД и гетто были созданы зондеркомандой 7б. В донесении о событиях № 90 от 21 сентября 1941 г. сообщается, что ЗК 7а до 8 сентября 1941 г. дислоцировалась в Гомеле и с помощью отрядов проверила между прочим Клиницы и Стародуб. В ЕМ № 106 от 6 октября 1941 г. говорится, что ЗК 7б перенесла свое место расположения из Чернигова в Клиницы и Мглин. Из ЕМ № 108 от 9 октября 1941 г. видно, что ЗК 7б казнила в Клиницах 83 еврейских террористов и 3 руководящих партийных деятелей; во время новой проверки согласно приказу поступили с 3 коммунистическими деятелями, 1 политруком и 82 еврейскими террористами.

<...>

Сконцентрированные в Клиницах евреи в ноябре или декабре 1941 г. были убиты возглавлявшимся свидетелем Шульцем, тогда оберштурмфюрером СС, гомельским отрядом ЕК 8, которая после убийства ЗК 7б в расположенный восточнее район Брянск — Орел была компетентна также для Клиницовского района. Перед расстрелом Шульц по телефону попросил свидетеля д-ра Э. о поддержке. Д-р Э. внутренне отвергал рас-

стрел евреев. Он поехал в Брянск к своему начальнику, генералу охранной дивизии, и получил там приказ предоставить СД место для расположения и продовольствие, но в остальном ее не поддерживать <...> Этот приказ д-р Э. немедленно передал по телефону в Клинцы. Все ли части вермахта соблюдали его в его отсутствие, не установлено. Возможно, Шульда поддержала ГФП. Когда д-р Э. вернулся в Клинцы, он уже застал там Шульцас его отрядом. В тот день Шульц уже расстрелял часть евреев. Ночью д-р Э. провел совещание с Шульцем, командиром ополченной части и бургомистром Грецки, на котором он изложил свою точку зрения. По просьбе Грецки Шульц не расстрелял нескольких еврейских ремесленников, которые были крайне необходимы. На следующий день Шульц продолжил расстрел. Жертвы были расстреляны в трех, глубиной примерно 0,80 м, квадратных ямах с длиной каждой стороны примерно 6 м. Евреи должны были ложиться в ямы плашмя слоями, где они, лежа, кроме самого нижнего слоя, на трупах расстрелянных раньше, были убиты одиночными выстрелами из автомата в затылок. После расстрела две ямы были заполнены трупами до краев, а одна яма — частично. Число жертв составляет самое меньшее несколько сот человек <...>

5. Руководство обвиняемым командой в Клинцах и его отношение к уничтожению евреев, цыган и психобольных.

Когда обвиняемый расположился с ЗК 7а в Клинцах, она насчитывала 100—120 человек. Она состояла из членов СД, уголовной полиции и тайной государственной полиции, резервистов войск СС, кадрового взвода войск СС под руководством Темпфера, административного персонала, переводчиков и шоферов. Из офицеров в распоряжении обвиняемого находились: гауптштурмфюрер СС Мачке, криминал-комиссар гестапо, в марте 1942 г. он ушел в отпуск и затем руководил арьергардом; оберштурмфюрер СС Торман, криминал-комиссар гестапо, он прибыл в ЗК 7а примерно тогда, когда она передислоцировалась в Клинцы, в марте 1942 г. он был переведен в штаб группы в Смоленск; унтерштурмфюрер СС Шпенглер, криминал-комиссар уголовной полиции; унтерштурмфюрер СС Ште., криминал-комиссар уголовной полиции; оберштурмфюрер СС Фрой., руководитель административного персонала, раньше административный инспектор во втором управлении (администрация и бюджет) Главного имперского управления безопасности; унтерштурмфюрер СС Глют, который в начале марта 1942 г. вместе с членами команды Зо. и Шта. был откомандирован в ЕК 8 для борьбы с партизанами в припятских болотах (операция «Бамберг»); унтерштурмфюрер СС Темпфер, командир взвода войск СС; оберштурмфюрер СС Борг, прибалтийский немец, самый старший по званию переводчик.

Большая часть унтер-офицеров и рядовых команды известна. Кроме шоферов и переводчиков из их числа из СД приплыли Ше. и Рё. Из гестапо пришли Эй., Зо., Т., Штю. и В., который был доверенным лицом

обвиняемого и использовался им в качестве так называемого штабсшарфюрера. Из уголовной полиции рекрутировались Ам., Ра., Ре., Штё., Ва. и Шв. Включенными в ЗК 7а резервистами войск СС были Глокман и Зим., которые проходили обучение еще в Прецше, далее А., Дю., Эс., Й., Ле., Пап., Па., Ри., Ф., Ви., Эйс., Лейдиг и Ифковиц. Во взвод войск СС Темпфера в качестве командиров отделений входили унтер-офицеры Ба. и Фоглер. Из рядовых взвода войск СС известны: К., Альвин Ди., Обе., Рих., Ро., Венгельник, Дерр, Аллерт, Ридерер, Йеррес, Краузе, Чурак, Мерцбах, Отто Шульц; Петерман и Пирольт. К административному персоналу принадлежали Крюк. и Мюллер. Шписсом был некий Аппельман <...> Из переводчиков <...> кроме Борка известны Офф., Николаус Шу., Шта. и Нойферт.

Обвиняемый твердо держал в своих руках руководство командой. В Клинцах он не делил команду на особые отряды или децернаты, которые бы самостоятельно оперировали в определенной территориальной или деловой сфере. Отдельные команды, особенно экзекуционные отряды, создавались по распоряжению обвиняемого от случая к случаю. Обвиняемый не давал другим офицерам свободы действий для собственной инициативы в проведении массовых расстрелов по их усмотрению в соответствии с общими приказами. Внешние команды <...> в Клетне, Трубчевске и Почепе играли незначительную роль. В Клетне и Трубчевске они <...> были созданы лишь после расстрелов <...> В Почепе имелось только 3 члена команды; исключено, что только они провели массовый расстрел евреев в Почепе.

В отношении офицеров и прочих членов команды обвиняемый вел себя с не знающей снисхождения суровостью. Он был чрезвычайно строгим, держал расстояние и был недоступен для человеческих контактов. Он не терпел возражений, которых, в общем, ему никто не осмеливался делать.

Обвиняемый немедленно развил в Клинцах активную деятельность. В первую очередь он позаботился о новых квартирах, так как квартиры, которые нашел Ре., ему не понравились. Новые квартиры были заняты и оборудованы в течение нескольких дней. В тюрьме для своего подразделения обвиняемый занял несколько помещений. Он установил в Клинцах тесный контакт с ОД и использовал ее для разведки и вспомогательной службы, особенно для выслеживания и ареста «потенциальных врагов».

<...>

11. Преступления.

1. Расстрел 40 психобольных в Трубчевске.

Через несколько дней после прибытия ЗК 7а в Клинцы обвиняемый выступил с сильной командой численностью примерно 50 человек, возможно, до 80 человек. В качестве участников во время судебного

разбирательства были установлены: Мачке, Борк, Штю., Ам., Ра., Ре., Шв., а также Темпфер и 8—10 солдат взвода войск СС, в том числе Обе. Целью операции был Трубчевск <...> В Трубчевске, до которого можно было добраться только на санях, не было никаких немецких частей <...> Неограниченную власть в Трубчевске в то время имел некий Павлов. Павлов, украинец, по профессии был инженером. Раньше он был офицером царской армии. Он ненавидел большевизм и сотрудничал с немцами. Павлов обладал большой энергией и организаторским талантом. Он позаботился о том, чтобы иметь в Трубчевске собственную газету, врачей, больницы и продовольственные карточки. Павлову подчинялось русское подразделение ротной численности <...> Павлов также самостоятельно проводил казни. В Трубчевске имелась психобольница. Были ли в Трубчевске евреи, не известно. Обвиняемый показал, что Павлов велел доставить еврейских жителей из Трубчевска в Погар.

По убеждению суда присяжных, цель предпринятой обвиняемым экспедиции состояла в том, чтобы разведать клинцовские окрестности, особенно положение в Трубчевске, причем как в политическом отношении, так и в отношении партизан, а также в отношении наличия так называемых потенциальных врагов.

Уже в начале экспедиции обвиняемый решил убивать таких людей, если они попадутся ему в руки <...>

На санях команда <...> в первый день добралась до Стародуба <...> Там она переночевала. У немецкого ортскоменданта в Стародубе Мачке навел справки относительно достижимости Трубчевска. Комендант сообщил ему, что из-за партизан требуется танковая охрана. Об этом Мачке сообщил обвиняемому и заявил ему, что он не для того вывел людей из калининского ада, чтобы их здесь потерять. Однако обвиняемый с 10—15 добровольцами, среди них Борк, Темпфер, Шв. и Обе., все же поехал на санях в Трубчевск. Мачке с большей частью команды он оставил. Перед отъездом он приказал Мачке <...> убить имеющихся в Стародубе евреев — самое меньшее 200 человек. Через Погар обвиняемый добрался до Трубчевска. Там он связался с Павловым. В Трубчевске обвиняемый отдал приказ о расстреле психобольных <...>

Расстрел произошел днем в окруженном стеной дворе больницы. Стрелками были члены команды, в том числе Шв. Русская служба порядка (ОД) оказывала помощь. Во дворе на поверхность выходил подземный поток воды шириной 1—1,20 м <...> Поток круто устремлялся под уклон 70—80 градусов и затем вновь исчезал под землей. Жертвы поодиночке выводились ОД из больницы и подводились к потоку. Путь до него равнялся примерно 20 м. Психобольных расстреливали поодиночке. Орудием убийства служил полицейский пистолет «курц» калибра 7,65 мм (ППК). Жертвам <...>стреляли в затылок <...> Выстрелив в затылок, стрелки толкали психобольных, так что они падали в поток и уносились течением. Их тела исчезали в подземном потоке <...> Стрелки менялись. Каждый стрелок должен был расстрелять нескольких психобольных. Число жертв составляло самое меньшее 40 человек. Это были

взрослые психобольные <...> Во время всего расстрела обвиняемый с Павловым стоял во дворе больницы. Оба наблюдали за расстрелом.

Затем обвиняемый с командой вернулся в Клиницы. Во время возвращения он в Погаре или Стародубе узнал, что член команды Глокман <...> погиб <...> при расстреле евреев в Мглине 2 марта 1942 г. После похорон Глокмана обвиняемый послал внешнюю команду под руководством Ште. в Трубчевск. В состав этой внешней команды входили, насколько известно, Рё., Нойферт и позднее Офф.

<...>

2, а. Расстрел 200 евреев в Стародубе.

Как уже упоминалось, во время экспедиции обвиняемый обнаружил в Стародубе евреев. Они содержались в лагере и охранялись местной ОД. Речь шла о людях всех возрастов, мужчинах, женщинах и детях. Из-за голода и холода евреи были в очень плохом физическом состоянии. Они помещались в нескольких огороженных проволокой хижинах на окраине города. Некоторое число трупов-скелетов уже умерших евреев лежало в сарае, который находился близ хижин. Число еще живых жертв составляло самое меньшее 200 человек.

<...>

В Стародубе обвиняемый перед своей дальнейшей поездкой приказал Мачке, оставшемуся в Стародубе с остальной частью команды, убить обитателей еврейского лагеря <...> Когда обвиняемый уехал, Мачке велел приготовить яму в качестве массовой могилы. Он разыскал арт. техника вермахта, который с помощью арт. боеприпасов сделал в замерзшей земле углубление. Русские превратили его в большую прямоугольную яму. Она была длиной 10 м, несколько метров шириной и глубиной в рост человека. Изготовление ямы длилось 2—3 дня. Яма находилась примерно в 500 м от еврейского лагеря в небольшом лесу. После изготовления ямы произошел расстрел. Руководил им Мачке. В нем участвовали оставшиеся в Стародубе члены команды и русской ОД. Из членов команды кроме Мачке как участника разысканы Ам., Ре., Штю. и Ра. Евреев из лагеря пригнали к яме. Они должны были взять с собой и бросить в яму трупы своих родственников. Затем они должны были отойти от ямы примерно на 50 м. Русская служба порядка окружила их. У отдельных евреев русская ОД забрала верхнюю одежду. У обращенной к группе жертв стороны ямы стояли примерно 5 членов команды, которых Мачке назначил стрелками. Мачке распорядился, что стрелять должен каждый член команды <...> Другие члены команды, если была не их очередь стрелять, подводили евреев к яме или стояли в оцеплении. Мачке находился на краю ямы. Он осуществлял контроль. Он также вставлял патроны в пустые магазины.

Евреи поодиночке подводились к яме двумя членами команды или ОД; если они упирались, их тащили. У ямы жертву принимал стрелок.

Стрелки ставили евреев на краю ямы лицом к ней. Затем уже описанным способом они производили из ППК выстрел в затылок. Сразу после выстрела стрелок толкал жертву, так что ее тело падало в яму. Одна мать подошла к яме с грудным ребенком. Стрелок вырвал его из ее рук и намеревался застрелить его на глазах у матери. Мачке приказал сначала застрелить мать. Когда это было сделано, стрелок схватил ребенка одной рукой за ручки и высоко поднял. Другой рукой он произвел выстрел в затылок. Затем он бросил тело в яму <...> Из-за возбуждения и спешки стрелкам не всегда удавалось производить выстрел в затылок предусмотренным наиболее действенным способом. Вследствие этого отдельные жертвы в яме были еще живы и двигались. Если кто-либо в яме подавал признаки жизни, по тому Мачке стрелял из своего длинноствольного пистолета «маузер».

Ре., который был назначен стрелком, вскоре после начала расстрела стало плохо. Его сменил Штю. Расстрел длился несколько часов.

<...>

*б. Прекращение дела на основании § 154
ШтПО в отношении еще одного расстрела
в Старобуде.*

В Старобуде в той же яме под руководством Мачке позднее произошел еще один расстрел.

Обвинение вменяет обвиняемому в вину, что он приказал Мачке расстрелять 120 коммунистов или подозреваемых в партизанской деятельности красноармейцев, которые были доставлены из Погара или Понуровки <...>

После этого расстрела Мачке со своей командой вернулся в Клинцы, куда он прибыл после похорон Глокмана <...>

3. Расстрел 200 евреев в Мглине.

Вскоре после прибытия ЗК 7а в Клинцы, но еще до отъезда в Трубчевск обвиняемый решил убить евреев в Мглине <...>

Для подготовки расстрела обвиняемый послал в Мглин передовую команду в составе нескольких человек. Он приказал Торману <...> по телефонному сообщению передовой команды выехать в Мглин и там убить евреев <...>

Передовая команда загнала евреев <...> в неотопливаемый сарай на окраине города. Число жертв составляло самое меньшее 200 человек <...> Далее, передовая команда позаботилась о том, чтобы за городом на краю леса примерно в 500 м от сарая, в котором содержались евреи, была вырыта большая прямоугольная яма. Яма была длиной 5–10 м, несколько метров шириной и глубиной по крайней мере в рост человека. Та ее сторона, у которой жертвы позднее были расстреляны, была

освобождена от вынудтой земли. Изготовление ямы длилось 2—4 дня. Назначенные на работу русские должны были долбать глубоко промерзшую землю ломами и кирками. После того как все приготовления были сделаны, 1 марта 1942 г. по телефонной сети вермахта была информирована находившаяся в Клинцах экзекуционная команда. Торман выступил с 10—20 членами команды. До Унечи команда ехала по железной дороге, а из Унечи в Мглин — на санях. Там переночевали. Расстрел произошел утром следующего дня, 2 марта 1942 г.

В сарае или сразу после того, как евреи покинули сарай, ОД отобрала у них ценности, деньги и по крайней мере обувь и верхнюю одежду. Некоторые были совершенно голыми. Евреи должны были лечь на землю, чтобы затруднить им попытку к бегству. Члены ОД отводили евреев <...> группами по 20 человек к яме <...> У ямы в качестве стрелков находились 5—10 членов команды. В течение расстрела в нем в качестве стрелков участвовали, очевидно после смены, все члены команды, особенно установленные как участники члены команды Глокман, Й., Зо., Шу. и Ше. Во время расстрела вперед пробрался один русский (судя по его зеленой одежде, он был лесником) и принял участие в расстреле в качестве стрелка. Как орудие убийства он применял короткоствольную винтовку.

Торман на краю ямы осуществлял контроль. Расстрел происходил так: каждый стрелок брал жертву, ставил ее на край ямы лицом к ней, производил из ППК известным способом выстрел в затылок и сразу после этого толкал жертву или пинал. Детей расстреливали на глазах у матерей, так как это облегчало стрелкам убийство детей <...>

Во время расстрела Глокман* упал на землю. Пистолетная пуля попала ему в сердце, и он сразу умер. Очевидно, пуля попала в обледеневшую кучу вынудтой земли и отскочила. Тело Глокмана Зо. оттащил от ямы. Расстрел продолжался. Он длился свыше двух часов. Торман велел ОД зарыть массовую могилу. О смерти Глокмана по телефону сообщили в Клинцы. Родственникам Глокмана и по крайней мере «чужим» ведомствам дело было представлено так, будто Глокман погиб во время операции против партизан <...>

4. Расстрел 300 евреев и цыган в Клинцах.

После прибытия ЗК 7а в Клинцы обвиняемый приказал с помощью русской ОД схватить в Клинцах евреев с целью их убийства. В руки обвиняемого также попали 30 цыган <...> Жертвы, по крайней мере часть их, находились в тюрьме в Клинцах и там охранялись ОД. Число схваченных евреев и цыган составляло самое меньшее 300 человек. Речь шла о мужчинах, женщинах и детях до грудных младенцев включительно <...> После того как арт. техник вермахта с помощью взрыва сделал в

* Имеется в виду обершарфюрер СС крим. ассистент из гестапо Берлина Герман Глокман (сб. приказов шефа ЗПиСД № 32 от 25.7.42).

земле на окраине города углубление, была вырыта большая прямоугольная яма. Она была 10 м длиной, самое меньшее 2 м шириной и примерно 2 м глубиной.

Вечером накануне расстрела, после похорон Глокмана, но до экспедиции в Клетню, примерно в середине марта, обвиняемый объявил собранной в столовой команде, что на следующий день состоится большой расстрел, в котором будет участвовать вся команда, включая взвод войск СС. На следующее утро состоялся сбор, на котором обвиняемый произнес речь <...> Затем почти вся команда, включая занятых на кухне и тех, кто ночью нес караул, отправилась в путь, и притом частично пешком, а частично на легковой или грузовой машине. Остались лишь единицы, в том числе шпикс Аппельман и административный персонал. Все находившиеся в Клинцах офицеры, исключая Фрой., также приняли участие в расстреле, и притом Торман, Шпенглер, Борк и Темпфер.

Жертвы на грузовиках были доставлены к месту казни и примерно в 50 м от массовой могилы должны были ждать расстрела. Их окружали солдаты войск СС и члены ОД. Кроме того, имелось внешнее оцепление, к которому, возможно, были привлечены военнослужащие вермахта, очевидно, члены ГФП. У ямы также стояли 5—10 членов команды, которые были стрелками, в том числе Ба. В ходе расстрела стрелки частично были сменены. На каждой стороне массовой могилы стоял ящик с патронами, из которого заполнялись пустые магазины и передавались стрелкам. У ямы также стояло несколько офицеров, которые должны были из автоматов добивать жертвы. Обвиняемый стоял у ямы и руководил и наблюдал за расстрелом. Ему помогал Торман, который находился вблизи.

Перед расстрелом жертвы, несмотря на сильный мороз, должны были снять по крайней мере верхнюю одежду; деньги и ценности у них также были отобраны и собраны. Одежда позднее была передана русскому населению. Затем жертвы поодиночке подводились ОД к яме. Большинство жертв вело себя спокойно. Некоторые умоляли сохранить им жизнь. У ямы каждый стрелок брал по одной жертве, ставил ее известным способом на край ямы, стрелял жертве из ППК в затылок и толкал ее в яму <...>

На некотором удалении казнь наблюдала группа старых офицеров вермахта; это были военнослужащие находящегося в Клинцах батальона ополчения, сельскохозяйственный руководитель и, возможно, отдельные служащие оргкомендатуры. Среди них находились Шпенглер, Темпфер и Борк. Офицеры вермахта выразили им свое неудовольствие расстрелом. Началась дискуссия, в ходе которой фюреры СС защищались от скрытых упреков в том, будто они палачи, и ссылались на то, что они только выполняют приказ.

Когда обвиняемый увидел, что между наблюдающими офицерами вермахта и его подчиненными начался диспут, его волнение и спешка возросли. Во время расстрела он послал к офицерам вермахта Тормана,

чтобы он позаботился о них. Также Торману, который пытался их успокоить, они выразили свое неодобрение. Обвиняемый позвал Шпенглера, Темпфера и Борка к массовой могиле, где они также должны были добывать жертвы.

<...>

5. Расстрел 100 евреев в Клетне.

Спустя примерно неделю после похорон Глокмана обвиняемый для подготовки запланированной им экспедиции в Клетню послал в Мглин команду в составе 6—10 человек. Старшим был Ва. Из других участников могли быть установлены Шу., Дю. и Обе. Обвиняемый поручил команде разведать, можно ли и как добраться до Клетни. С этой целью команда в Мглине в основном использовала русского разведчика, который бродил по лесам в районе Клетни и выяснял, безопасна ли туда дорога.

Клетня—это деревня в 50 км северо-восточнее Мглина <...> Для защиты от партизан <...> в Клетне была подкоманда группы ГФП 729 под руководством секретаря полевой полиции Хе. в составе 10—12 человек, в том числе свидетеля Шее., Об. и, возможно, Ха.; Хе. со своим отрядом под собственную ответственность производил казни партизан. Для охраны лесопильного завода и вывозки дров в Клетне, кроме того, находилось несколько ополченцев <...>

Перед поездкой в Клетню обвиняемому было уже известно, что там имеется самое меньшее 100 евреев—мужчин, женщин и детей. В ходе экспедиции в Клетню обвиняемый намеревался убить этих людей <...> После того как передовая команда примерно неделю уже находилась в Мглине, после большого расстрела в Клинцах, во второй половине марта 1942 г. обвиняемый предпринял экспедицию в Клетню. Для этой экспедиции он взял из Клинцов самое меньшее 20 человек <...> По железной дороге обвиняемый доехал со своей командой до Унечи. Оттуда поездка продолжалась на санях <...> Был сильный мороз и метель. Вечером первого дня добрались до Мглина <...> На следующее утро поездка в Клетню продолжалась. Передовой отряд в полном составе присоединился к экспедиции в Клетню и после возвращения из Клетни в Мглине больше не остался. Из Мглина в Клетню поехали также 20—30 русских полицейских. В тот же день экспедиция достигла Клетни. В Клетне евреи были собраны в нескольких домах. Они охранялись русскими полицейскими. Кто распорядился о концентрации, не установлено. Занятые евреями дома были окружены членами команды. Евреи, самое меньшее 100 мужчин, женщин и детей, были выгнаны русскими полицейскими из домов. Несколько больных их родственники вынесли на носилках. Затем евреи были загнаны в сарай или амбар на окраине деревни. В 100—150 м от сарая в лесу на окраине деревни русские вырыли большую

прямоугольную яму длиной 5—10 м, несколько метров шириной и глубиной в рост человека <...>

Через несколько дней состоялся расстрел. Обвиняемый руководил расстрелом и наблюдал за ним; он присутствовал на расстреле с начала до конца и находился близ ямы. Так как Клетня была партизанским районом, обвиняемый особенно тщательно произвел оцепление. Солдаты войск СС, в том числе Обе., установили один или несколько пулеметов; кроме того, место расстрела было окружено цепью солдат войск СС, среди них Ро. и Ди. При расстреле помогали русские полицейские. Евреи из сарая были приведены к самому краю ямы, где они должны были ждать расстрела. Здесь они должны были снять свою верхнюю одежду и сложить ее в кучу. Члены команды стреляли жертвам из ППК в затылок на краю ямы и толкали сразу после выстрела в яму <...> Если в яме кто-либо подавал признаки жизни, один или два стоявших у ямы офицера добивали его из автоматов <...>

Когда после расстрела обвиняемый с командой покинул Клетню, он оставил там несколько человек, в том числе Шу. Позднее он послал в Клетню еще несколько солдат войск СС, в том числе Рих. В Клетне были также Ро. и Ди. <...> Эта внешняя команда, состоявшая примерно из 5 человек, помогала находящимся в Клетне ополченцам охранять транспорты дров. Через несколько недель члены этой команды вернулись в Клинцы к главной команде*.

б. Расстрел 20 евреев в деревне близ города Клинцы.

Русская ОД арестовала в точно не установленной деревне близ Клинцов, возможно, в находящейся в 7 км северо-западнее Клинцов Воловке, 20—30 евреев <...> Когда обвиняемый об этом узнал, он решил их расстрелять. После большого расстрела в Клинцах, не еще до экспедиции в Клетню, обвиняемый вызвал к себе в канцелярию Шпенглера. В присутствии В. он приказал Шпенглеру убить евреев в деревне. Он показал ему на карте деревню и потребовал связаться с местной ОД, которая в курсе. Шпенглер отобрал для этой операции 7—8 человек. На следующий день он поехал с ними и несколькими членами ОД на санях в деревню <...> Шпенглер застал в деревне сельскохозяйственного фюрера, при котором находился немецкий унтер-офицер в качестве переводчика. Сельскохозяйственный фюрер сообщил Шпенглеру, что ОД в курсе.

Расстрел состоялся сразу после прибытия. Шпенглер осуществлял контроль. ОД передала команде евреев, которые были заперты в двух

* Свидетель Эс., который с запасом продовольствия остался в деревне у Клетни и должен был приготовить еду, показал, что вернувшиеся в тот же вечер из Клетни члены команды рассказали ему о расстреле в Клетне 500—600 человек.

домах. Члены команды убивали евреев в яме известным способом — выстрелом в затылок из ППК.

В тот же день Шпенглер с командой вернулся в Клинцы. Поскольку он после возвращения не доложил немедленно об исполнении, обвиняемый в столовой объявил ему строгий выговор.

<...>

7. Расстрел 70 евреев в Добруше.

За 4—5 дней до пасхи, которая приходилась на 5 апреля 1942 г., после экспедиции в Клетню обвиняемый в канцелярии приказал Шпенглеру расстрелять в Добруше самое меньшее 70 евреев, а также семью из 7—8 евреев в небольшой деревне близ Добруша. Обвиняемый выделил 10 человек, которые должны были участвовать в экспедиции под руководством Шпенглера. Кроме того, обвиняемый распорядился, чтобы с ними поехал и Борк. Он в Добруше должен был найти русскую энциклопедию. На грузовике экзекуционная команда со всем имуществом доехала до расположенной в нескольких километрах южнее города железнодорожной станции Клинцы. Оттуда в Добруш экзекуционная команда поехала по железной дороге.

<...> Находившийся в Гомеле и руководимый свидетелем Вильгельмом Шульцем отряд ЕК 8 в 1941 г. уже произвел в Добруше расстрел евреев.

Шпенглер явился в ортскомендатуру Добруша и попросил выделить помещение для ночевки. Ортскомендант, обер-лейтенант, знал обвиняемого. Он спросил Шпенглера, почему требуется еще один расстрел, так как он уже был проведен ЕК 8. Ортскомендант показал команде помещение. Он заявил, что готов уполномочить местную ОД подготовить расстрел. На следующий день ортскомендант предоставил в распоряжение команды несколько саней. Он также выделил в качестве вспомогательной силы для расстрела 2—3 своих полевых жандармов. Шпенглер поехал со своей командой, фельджандармами и ОД на санях в лес севернее города. На краю леса уже были евреи, самое меньшее 70 человек, мужчины, женщины и дети; они находились в 3—5 домах и охранялись ОД. Близ домов уже была готова яма для расстрела. 4—5 членов команды Шпенглер назначил стрелками. Оцепление составляли члены ОД и полевые жандармы. Евреи были убиты в яме обычным способом — выстрелом в затылок. Ортскоменданта в Добруше Шпенглер спросил, можно ли и как добраться до деревни, где по распоряжению обвиняемого должна быть убита еврейская семья. Ортскомендант предостерег от поездки, так как местность была заражена партизанами. Шпенглер решил, что риск слишком велик. Он предложил Борку просто сообщить обвиняемому, что еврейская семья расстреляна. Борк предостерег от этого. Поэтому после возвращения команды Шпенглер составил для обвиняемого правдивый отчет. Обвиняемый осудил Шпенглера и отчитал его <...>

8. Расстрел 100 евреев в населенном пункте в районе Клинцы.

В конце своего пребывания в Клинцах, в апреле 1942 г., обвиняемый с небольшой командой выступил из города для расстрела евреев. Кроме обвиняемого участие в расстреле приняли еще примерно 10 человек, которые в основном входили в состав взвода войск СС, в том числе Темпфер, Ба., Мерцбах, Рих. и, очевидно, резервист войск СС Дю. К расстрелу обвиняемый также привлек ОД. Команда ехала на нескольких машинах <...> Поездка длилась несколько часов и закончилась у населенного пункта в районе Клинцы, чье название и точное положение не установлены. Сомнительно, идет ли речь о Сураже, городке в 30 км севернее Клинцов, как считает обвинение.

По приказу обвиняемого населенный пункт или его часть были окружены. Рих. и Мерцбах заняли с пулеметом позицию у выезда из населенного пункта. Была также установлена цепь часовых. Затем дома населенного пункта или его части (возможно, речь идет о лагере-гетто, где евреи находились уже долгое время) были прочесаны ОД и членами ЗК 7а в поисках евреев. Евреев группами по 5—10 человек гнали в лес на окраине населенного пункта. Там уже находилось искусственное углубление в земле — то ли специально для расстрела вырытая яма, то ли противотанковый ров или что-то вроде этого. Там евреи были убиты выстрелом в затылок; их тела были брошены в яму, или могилу. Обвиняемый во время расстрела был возле ямы и осуществлял контроль. Число расстрелянных составляет самое меньшее 100 человек. Речь шла о еврейских мужчинах, женщинах и детях. После расстрела солдаты войск СС прочесали в поисках евреев населенный пункт еще раз. Все дело заняло несколько часов. В тот же день обвиняемый с командой вернулся в Клинцы.

<...>

9. Расстрел 50 евреев на окраине города Клинцы.

В конце своего пребывания в Клинцах обвиняемый произвел там еще один расстрел евреев. Жертвами были самое меньшее 50 евреев <...> Расстрел произошел на окраине города. Обвиняемый лично руководил этим расстрелом и все время присутствовал на нем <...>

До расстрела евреи находились в длинном одноэтажном каменном здании в нескольких километрах от города. Оттуда их пешком или на грузовиках доставили к месту казни, которое находилось не очень далеко.

<...> Перед расстрелом евреи должны были снять верхнюю одежду и обувь. Затем их заставили лечь на землю. Небольшими группами их вели в лес к месту казни. Там они были убиты обычным способом—выстрелом в затылок. Во время расстрела один еврей бежал в направлении

небольшого населенного пункта из 4—5 домов. Его преследовали, но вновь схватить не удалось <...>

10. Расстрел 100 евреев в Почепе.

Почеп, небольшой город, находится примерно в 90 км восточнее Клинцов на железной дороге Гомель — Брянск. Почеп входил в сферу ФК Клинцы. Там имелась немецкая ортскомендатура. В Почепе также располагался отряд группы ГФП 729 под руководством секретаря полевой полиции Зиме. Ему подчинялись примерно 10 членов ГФП, в том числе свидетели Шл., Айн. и Ке. В Почепе была и русская ОД.

Во время своего пребывания в Клинцах обвиняемый послал в точно не установленное время членов команды Ле. и Т. в Почеп. Они занимались сбором информации и выполняли полицейские задачи. Позднее он послал в Почеп А. <...> Участвовали ли Ле., Т. и А. в подготовке и проведении расстрела, не установлено.

Не исключено, что при прибытии ЗК 7а в Клинцы в Почепе евреи уже были сконцентрированы <...>

Обвиняемый решил произвести в Почепе расстрел евреев. Для этого из города Клинцы в Почеп он направил большую экзекуционную команду, в состав которой входили самое меньшее 10 человек. Члены этой экзекуционной команды поименно не установлены.

Расстрел произошел весной 1942 г., очевидно, в марте или апреле. До расстрела евреи, и притом самое меньшее 100 мужчин, женщин и детей, под охраной ОД находились в лагере вне города, который состоял из нескольких бараков на территории фабрики. Возможно, во время подготовки расстрела они были загнаны в один или два сарая, которые находились близ лагеря. Недалеко от последнего места заключения евреев <...> находилось большое искусственное углубление в земле. Возможно, это был вырытый русскими противотанковый ров. В этом углублении в земле и произошел расстрел. Зиме, по крайней мере с частью своих людей <...> а также несколько полевых жандармов, выделенных ортскомендатурой, и русская ОД составляли оцепление. Члены ОД подводили евреев к яме. Там находились в качестве стрелков 5—6 членов ЗК 7а. Они расстреливали евреев обычным способом <...>

Источник:

Justiz und NS-Verbrechen. Amsterdam, 1979. Bd. 20. S. 726—786.

Вступление, публикация и комментарии А. КРУГЛОВА.

ВОСПОМИНАНИЯ

О. Грузенберг

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Судьба российского еврейства во второй половине XIX в. складывалась так, что не единицы, как прежде, а сотни и тысячи евреев отрывались от общины, от основ национальной и религиозной жизни. Под давлением целого комплекса обстоятельств, в стремлении разорвать пути антиеврейских законов они уходили в российскую экономику, культуру, науку, общественную борьбу. Многие из них оказались навсегда потерянными для еврейства: быстро ассимилировались, стремились забыть о своем происхождении. Но были и те, кто в своей «русской» жизни находили пути для выполнения национального долга.

Одним из самых ярких представителей этого поколения был знаменитый адвокат Оскар Грузенберг (1866—1940). В силу семейных обстоятельств он рано лишился возможности иметь полноценную национальную жизнь. Однако осознание своего еврейства не покидало его. Он не только не отрекся от него во имя карьеры, но всегда искал и находил разнообразные формы служения высшим национальным ценностям еврейства.

Жизнь и деятельность О. Грузенберга до 1917 г. в некоторой степени известна. Основным источником для ее изучения по сей день остаются его мемуары «Вчера» (Париж, 1938) и сборник произведений «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944), а также опубликованная переписка с В. Г. Короленко, М. Горьким¹ и др.

Но вот его деятельность после Февраля 1917 г., как на родине, так и в дальнейшем в эмиграции в Германии, Латвии и во Франции, и тем более деятельность национальная, еврейская, до сих пор не нашла своего исследователя. Во многом это объясняется крайне ограниченным количеством источников. Только в последнее время появились новые публикации, дающие возможность приступить к изучению этих аспектов политической биографии О. Грузенберга².

В 1945 г. один из бывших лидеров партии социалистов-революционеров, давний знакомый и почитатель О. Грузенберга В. Зензинов писал в рецензии на издание его трудов: «Где-то во Франции, вероятнее всего в Ницце, хранятся в рукописи два тома воспоминаний покойного О. О. Грузенберга. Там же имеются и другие материалы, собранные из литературного наследия покойного (письма и пр.), которые должны были составить еще два тома»³.

В. Зензинов хорошо знал, что после кончины О. Грузенберга его вдова поручила обработать архив мужа известному общественному деятелю, журналисту и историку С. Познеру. В годы, предшествовавшие революции. С. Познер и О.

Грузенберг были знакомы и встречались в Петербурге. С. Познер, также юрист по образованию, был в ту пору ключевой фигурой среди петербургского еврейства. Он возглавлял издательство «Разум», был секретарем «Русского общества изучения еврейской жизни», тесно общался с М. Горьким и Л. Андреевым, осуществлял связь между еврейской интеллигенцией и евреями — депутатами Государственной думы. Эмигрировав в 1921 г., С. Познер жил во Франции, где до середины 30-х гг. занимал пост секретаря «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции», руководил деятельностью «Объединения русско-еврейской интеллигенции во Франции». Как историк он получил известность еще в России, после выхода в свет его книги «Еврей в общей школе» (СПб., 1914). В годы эмиграции С. Познер опубликовал серию статей по истории российского еврейства и подготовил к печати исследование по истории евреев Франции. После оккупации Франции немецкими войсками он скрывался на юге Франции, продолжая научную работу⁴. Так что обращение к С. Познеру в деле подготовки к изданию воспоминаний и трудов О. Грузенберга не было случайным. Значительная часть обработанного им материала из архива О. Грузенберга была переправлена в США, где и составила изданный в 1944 г. том «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944). Смерть в 1942 г. Р. Грузенберг и условия военного времени не позволили С. Познеру продолжить эту работу. Большое число материалов из архива О. Грузенберга, письма к нему ряда общественных деятелей остались в архиве С. Познера. Сам С. Познер умер в 1946 г., и его архив, вместе с бумагами О. Грузенберга, составляет сейчас часть семейного архива Познеров⁵.

Публикуемые мною фрагменты мемуаров О. Грузенберга освещают два принципиально важных отрезка его жизни. В первом он вспоминает о своем детстве. Здесь дается необыкновенно тонкий, полный лиризма и вместе с тем трагический портрет ребенка, волею обстоятельств оторванного от привычного образа жизни, домашнего быта и лишённого национального воспитания. Во второй главе О. Грузенберг рассказывает о событиях гражданской войны. Ценность этих воспоминаний не в деталях, а в том, что автор делится своими переживаниями, теми чувствами, которые испытывали в ту пору многие представители российского еврейства. Сторонник демократического развития России, О. Грузенберг резко отрицательно воспринял приход к власти большевиков. Все его помыслы были на стороне борющейся с ними российской демократии. И в то же время Грузенберг — как еврей и известный еврейский общественный деятель — решительно отторгался значительной частью белого движения, антисемитизм которого был важной частью идеологии. В нашей литературе до сих пор совсем не много мемуаров, в которых бы не только описывались события тех лет, но и была бы столь полно и точно воспроизведена психологическая атмосфера эпохи, духовная трагедия целого поколения еврейской интеллигенции в России⁶.

¹ Переписка с О. О. Грузенбергом // Лит. наследство. Т. 95. М., 1988.

² *Грузенберг О.* Письма И. А. Найдичу / Комментар. Ш. Маркиша // Еврейский журнал. Мюнхен, 1991; *Жаботинский В.* Письма О. Грузенбергу / Подготовка текста и комментарий. Х. Фирина. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2(6).

³ Новый журнал. Нью-Йорк, 1945. Т. 10. С. 398—399.

⁴ *Тихонова Н. А.* Девушка в синем. М., 1992. С. 300.

⁵ Семейный архив Познеров находится во Франции. Он включает в себя переписку членов семьи, рукописи С. Познера, документы «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции» и «Объединения русских евреев во Франции», а также документы из архива О. Грузенберга.

⁶ *Иоктон К.* История юного военного инвалида-еврея в Русской армии. Париж, 1938; *Марголин А.* Украина и политика Антанты: Записки еврея и гражданина. Берлин, 1922; *Маргулис В.* Огненные годы. Берлин, 1923; *Маргулис М.* Годы интервенции. Берлин, 1923; *Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

... Помню себя с 4-летнего возраста. Отец — вечно в хлопотах, разъездах; мало видал его; уходил рано, возвращался поздно; ассимилятор, хотя сын известного своими обширными познаниями в евр[ейской] религиозной письменности духовного раввина в Новомосковске (Екатериносл. губ.). — Помню, как отец повез меня к нему. — Застал его за громадным евр[ейским] фолиантом. — Он слабо улыбнулся (красивый высокий старик с длинной седой бородою), погладил по голове и снова уткнулся в книгу. Он славился своей памятью. Когда я подрос, то слышал об его памяти нечто легендарное. — Прокололи булавкою несколько страниц Талмуда — и он безошибочно назвал слова, по которым прошел прокол.

Дед произвел на меня впечатление чужого, страшного и вряд ли доброго. Я расплакался — в памяти моей не сохранилось, видел ли я его еще когда-нибудь.

Отца видал я мало: вечно в разъездах и хлопотах. — На 8-м году моей жизни мы переехали всей семьей в Киев. Несколько месяцев прожили у деда. Затем взяли квартиру на Крещатике, в д. Широкова. Начали переезжать в пятницу на Страстной. Стояли холода, хотя по-весеннему ярко светило солнце. Переезд был почему-то медлителен. В субботу перевозка вещей не была еще окончена. Мать, сестры и братья мал мала меньше остались у деда. Оставлять на ночь новую квартиру без присмотра отец не захотел — и вечером в субботу, забрав меня, отправился туда. Зажег стеариновую свечу. Наскоро постлал две постели: приказал мне не раздеваться и сам лег спать в шубе. Мне не спалось, — охватила какая-то тревога. В комнату падал свет от уличных фонарей. Вдруг вижу — отец поднялся, сошел с постели, накрыл голову шапкою — стал молиться. До того я никогда не видел его молящимся. Молился непонятными мне словами. В голосе его звучали тоска и страх. Затем слышу — отец плачет. — «Папа, папа!

Что с тобою?» — Он затих. Потом быстро подошел к моей постели, погладил меня по волосам, по лицу и крепко поцеловал. На щеку мою упала его слеза. — «Папа! — вскричал я. — Папа, скажи, кто тебя обидел?» Я тогда не знал, что главный обидчик — сама жизнь. Отец не ответил. Отошел на прежнее место (у стены) и продолжал молиться, но уже шепотом. — «Боже мой, боже, папа несчастен, так несчастен, что и сказать не может!» Я уткнулся лицом в подушку, стал ее кусать, чтобы заглушить свой плач. Разбудил меня церковный перезвон. Он был торжественный, и в то же время тревожный <...> разве медь может радоваться <...> словно хотел оглушить и заглушить хоть на короткое время человеческое горе. С тех пор, когда слышу церковный звон, сердце сжимается от предчувствия беды. Через короткое время заговор колокола присоединились и звонки пожарного обоза: загорелся наискосок от нас большой дом. В комнате стало светло, как в погожий день. Я увидел бледное с воспаленными глазами лицо отца: должно быть, он не спал всю ночь. Пожар разгорался все сильнее — и комната наполнилась красным светом.

СУДОРОГИ

Глава первая

Апрель 1918 года — испуганный и зябкий.

Ветер треплет измотанные за год красные флаги и насмешливо свищет: за это ль умирали?

Революцию все углубляли и углубляли, — да так углубили, что все остались чуть ли не в одних портах.

Светские дамы обиженно щебетали:

«Снесли Дом Романовых, — это мы понимаем и даже сочувствуем: приезд ко двору при последней царице был смертельно скукою, но при чем тут наши особняки? Жгут, вселяют. Даже Карл Маркс и Энгельс этого не велели».

А солдаты, обалдевшие за трехлетние бои и сидение в промерзлых окопах, хмуро отругивались: «Подите с вашим Карлюю, — да нешто мы нехристи какие, — мы не воры, не разбойники, атамана Разина мы работники, — наше дело маленькое: одному по горлу чик-чирик, другому, сотому, а потом — всенародное покаяние и монашеский клобук».

Пришлось побывать у податного инспектора. Им оказался гимназист пятнадцати лет. Я не удержался:

— Как же так... На два вершка от горшка, а уже инспектор.

Он ответил без гнева: «Что ж поделать, если вы и вам подобные покинули народ в те дни, когда интеллигенция ему особенно нужна».

Однако более, чем безусый инспектор, оцарапал мне сердце рваный рабочий.

На Моховой, против гимназии Тенишевой, стоял пулемет, вдоль которого маршировал с обнаженной шашкою рабочий. Угрюмое, все в оспинках лицо — глядеть не на что. Но глаза удивительные — гордые, повелевающие, и в них ни искорки заносчивости.

— Своротить! Тут не прохода! — кинул он мне.

Я взгляделся еще раз в его глаза, и у меня, «недобитого буржуя», зажглася радость.

Припомнилось Чеховское:

«Мы идем, мы идем, мы идем... Вы в тепле. Вам светло, вам мягко, а мы идем в мороз, в метель, по глубокому снегу... Мы не знаем радостей... Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... Мы идем, мы идем, мы идем».

И вот когда они пришли, когда и для них мелькнула, пусть призрачно, своя жизнь — жизнь хозяев построенного на их крови государства, — ты убегаешь.

Терпел же ты с детства издевку, жестокость, повседневную ложь, прикрытую ханжеством. — А теперь негодуешь, что революция свершается не в белых перчатках: как будто для землетрясения существует мера и вес.

Что на это я мог ответить? Разве только то, что устал смертельно, что мне не до драки, что хочу, хоть несколько лет, пожить своей жизнью.

Правду сказать, моя жизнь, как и жизнь подавляющего большинства интеллигенции, была не моею. Сначала — жизнь гимназическая: учеба вперемишку с кружками саморазвития. Потом — университет с его маргаринowymi науками и деспотическими партиями: скачи, враже, як пан каже! Потом адвокатура — борьба изо дня в день со всякими беззакониями, большая затрата душевных сил и наивные радости по поводу мнимых одолений, — мнимых потому, что общий уклад жизни отметал их, как перекаати-поле.

Своего, личного было немного, но это, как и все личное, не для публики.

Итак, бежать из родной страны... Разве можно, как сказал Дантон¹ своим друзьям, обеспечившим ему побег, — разве можно унести на подошвах своей обуви родину? Но все бегут, все (проклятый незнакомец «все» — какой он цепкий и въедливый бродяга, кичащийся своей беспаспортностью). Значит, бежать должен и я, хотя не от кого и не от чего мне бежать — никто меня не трогает.

Сел я с женой и сыном в скотский вагон для восьми лошадей и сорока человек — и покатили.

Гомель. Там так же голодно, как и в Петербурге, такие же комиссары, то же лусканье семечек солдатнею. Новы были в пути лишь таможенные досмотры в чистом поле, обнаружившие постыдную непригодность мою для контрабандного промысла: все, что я запрятал, было отобрано, — притом не силою, а одним лишь звоном трехэтажной брани.

Добрались до Могилева. Там властвовали польские отряды: вчерашние гонимые пасынки, они непостижимо быстро усвоили обидный словарь, испускавшей дух администрации нашей.

Из Могилева в Киев. Через несколько станций замелькали на вокзалах кучки немецких солдат, прусские офицеры с моноклем в глазу и *rollendes pt** в голосе, более почему-то обидным, чем наше российское поминовение мамы.

Киев. — Здесь, ряженный под гетмана, свитский генерал Скоропадский², удовольствовавшийся ролью чистильщика сапог у немецкого командования, свел свое служение стране к обер-интендантству по отобранию для немцев у крестьянства последней горсти зерна.

Народная совесть притаилась, — понадобился, чтобы расшевелить ее, приезд из Кронштадта матроса Донского³. В два счета уложил он пулею главного генерала немецкого командования и заплатил за это, также в два счета, своей молодой жизнью. Жалко его, да и не стоило: всех немецких генералов не перебить, а одним жертвенно-мужественным человеком стало меньше.

Народную совесть он, положим, разбудил, но она спросонья только потягивалась да позевывала: чего, мол, торопиться, все придет в свой час.

* раскатистое «ррр».

Не ошиблись. Вскоре этот час пробил: немцы бегом бежали, прихватив в собою на всякий случай (авось еще пригодится) гетмана. Чтобы спасти от народной любви и признательности, пришлось принарядить его под раненого германского офицера и в таком маскарадном виде погрузить в вагон. А крестьяне осмелели — сердито стреляли в бегущих немцев.

Банкиры быстро и легко перекрасились: ихняя вера — биржевой бюллетень, а он на всех языках одинаков.

Пришли сечевики⁴ из право- и левобережной Украины. Падали и убивали с присущей военному времени жестокостью. Арестовали генерала Штакельберга⁵ — того самого, который и на войне возил с собою в отдельном вагоне корову, молоком которой питал свой малодетельный желудок. Сечевик вел его на допрос к судебному следователю, но, не дойдя несколько шагов до судебных мест, решил, что не стоит утруждать суд, когда можно самому постановить приговор и тут же привести в исполнение. Он уложил генерала пулею вблизи памятника Богдана Хмельницкого.

Разве стремление к «самостийности» нуждалось в уголовщине?

В Киеве жилось мне неплохо. Украинцы помнили мою усердную защиту их национальной гордости — «Кобзаря» Шевченко⁶ — и с присущей им признательностью оказывали мне поддержку где можно. Евреи не забыли ритуального процесса Бейлиса, — да и трудно было забыть, так как во многих училищах были учреждены стипендии моего имени, а по Днепру плавал садившийся часто на мель пароход, носивший мое имя.

Однако, по семейным побуждениям, пришлось переехать в Одессу.

Одесса под французским командованием. Поваяло вольным воздухом: где французы, там легче дышится.

Правда, между населением и властью стали всероссийские ловчили штатского и военного образца, но не им задушить «Марсельезу» и подменить ее пошленьким «Mein lieber Augustin»*. Достоевский, с вещей прозорливостью, описал борьбу этих звуков. И сейчас она не закончена, но в исходе ее не должно быть сомнения: гимн освобождения непобедим.

* «Мой милый Аугустин» — немецкая народная песня.

В Одессе кучка молодежи, побывавшей на войне и получившей вкус к разрешению всего путаного с оружием в руках, стала меня подбивать к образованию еврейской Боевой Дружины.

Неверно, что евреи — трусы: они лишь чрезмерные калькуляторы, старающиеся точно подсчитать, стоит ли заманчивая идея расплаты за нее жизнью. Но, раз решившись, они прут, как осатанелые.

Штатский из штатских, я принял избрание меня председателем Дружины: только трусы умирают, не попытавшись перегрызть горло насильникам.

Военное командование принял на себя студент Я.⁷, прирожденный вояка, в крови которого оказалось несколько капель крови Маккавеев.

Вооружиться разрешил нам генерал Шварц⁸ — истинный, бесшумный герой Порт-Артура.

Помню дворец, в котором он жил в Одессе в качестве главноначальствующего, в особенности запомнилась будка для часового: исполосованная белой и черной краской, она стояла сиротливая и как будто обиженная: все менялось, власть переходила из рук в руки по воле революционной бури, а ей суждено было оставаться неизменно на одном и том же месте.

Собрали банкиров и промышленников. Я обратился к ним с кратким словом:

— Вы, милые счетчики, знающие базарную цену на все товары, в том числе и на человеческое достоинство, стремились к равноправию, — вы получили его с придачею погромов; попробуем зашить себя на время в шкуру драчунов, самое большое, что нам грозит, — сохранение в неприкосновенности наших жен и дочерей от спускаемых с цепи озверелых самцов; изберите финансовый комитет, который позаботился бы о приобретении оружия, о хороших казармах для Дружины.

Я вышел на полчаса из собрания, чтобы дать участникам его возможность столкнуться без моего давления. Когда вернулся, мне объявили, что финансовый комитет образовался и что я избран его председателем. От предоставленной мне чести я категорически отказался. — Из всей бурной и трудной жизни Герцена самым обидным представляется мне эпизод, когда он волею некоего жертвователя стал распорядителем среди политических эмигрантов пожертвованных денег: дошло до такой низости, что неудовлетворенные стали обвинять Герцена в присвоении.

При мнительном характере мне пришлось бы вместо дела ловить на улице всякого встречного и поперечного и, держа его по европейскому обыкновению за пуговицу (не то убежит!), уверять, что к моим рукам не прилипло ни одной копейки. Нет, от общественных денег лучше держаться за сто верст.

Дружина составилась отличная: в нее вступило около полтора человека, — все как на подбор.

Кроме них, удалось сговориться с отставными солдатами, работавшими в порту в качестве чернорабочих или занимавшимися мелкой разносной торговлей. Они представляли наш резерв, обязавшийся явиться по первому зову. — Невозможно было при наших скудных средствах содержать в казармах такую громаду.

Действующее наше воинство удалось устроить неплохо. — Подыскали чистые, светлые казармы, ввели строгую дисциплину, внушили дружинникам максимуму Санхо-Панчо: оружие дано рыцарям для защиты, а не угнетения слабых.

Свершилось то, что всегда свершает сила: винтовка с достаточным запасом патронов действует на мораль насильников гораздо внушительнее, нежели богобоязненный толстовский Акимыч с его косноязычным «тае-тае».

Дружина со своей закономерностью вызвала уважение даже со стороны тех, кому чужда была идея самообороны. Так, например, старорежимный, но всегда стоявший на почве законности и правдивости прокурор Одесской судебной палаты отозвался о нашей Дружине как о «надежной охране мирного населения».

Стали все реже проявляться веселые забавы белых контрразведчиков. Раньше, бывало, подойдут к стоявшим в очередях перед лавками гражданам, выловят несколько молодых «жидков», отведут на бульвар — и там расстреляют.

За что? — На том свете разберут.

Дружине пришлось раза два пустить в ход оружие — и шалуны присмирели.

Помню, пришли раз контрразведчики за какою-то надобностью во двор еврея и нашли, что 13—14-летний сын его разговаривает с ними недостаточно почтительно. Забрали мальчика и — кстати, не умевшего воспитать его в белом страхе отца и увели в одно из своих узилищ.

Ко мне обратился за помощью председатель городской думы доктор Ш., практикующий ныне в Лондоне.

Я позвонил к градоправителю — бывшему жандармскому офицеру Моделю⁹, сменившему в начале войны отцовскую фа-

милию на чисто русскую: Марков. Модель градоначальствовал одно время в Москве, где приобрел нелестную известность в связи с разгромом немецких лавок.

Я сообщил ему по телефону о противозаконном аресте и просил озаботиться об освобождении.

Модель стал говорить мне о вызывающем поведении евреев. Мне эти погудки надоели еще в юности, я оборвал его и сказал: «Нравятся вам или не нравятся евреи, вы должны озаботиться об освобождении разбойно уведенных, иначе мне придется обратиться с жалобой на вас к французскому командованию».

Модель ответил мне кисло, что мнение его об евреях не помешает исполнить служебный долг и на этот раз.

Однако, не доверяя ему, я отправился к председателю военного суда Корейво¹⁰, дотоле мне незнакомому. Жил он в глухой окраине, и, пока я к нему добрался, наступили сумерки.

Он отнесся к моей просьбе сердечно и решил переговорить с кем следует по телефону,— у него, председателя суда, телефона не было (военные судьи, как и гражданские, личными средствами редко обладали и жили на скромное жалованье). Отправились в аптеку. Когда стали подходить к ней, Корейво остановился в раздумьи.

— Из телефонного разговора выйдет мало толку. Надо добиться освобождения заключенных при мне. Пойду в город.

— В такую темень и даль? Не отложить ли на завтра?

— Нет, откладывать не годится: время теперь дикое,— Бог знает, что могут за ночь натворить.

На другой день утром ко мне явились арестованные отец и сын и рассказали, что заступничество председателя военного суда произвело такое действие, что их не только немедленно освободили, но и проводили заботливо домой.

Случай этот с виду рядовой, но в свете гражданской войны весьма ценный. Я и сейчас вижу согбенные плечи старика Корейво, марширующего в темноте с окраины в центр города и не ухватившегося за мое предложение отложить хлопоты до утра.

Жил я в жестокое время, доживаю в бездушное; тем сильнее тяга к гражданским святцам — к поминовению сердечных людей, которых я встречал на своем веку, равно как необходимо вспоминать и о злых, но не для того, чтобы будить против них неприязнь (все мы в эмиграции несчастны), а только для того, чтобы оградить наше завтра от недоброго вчера.

Глава вторая

Была ли нужда в особой Дружине? Не сказала ли в ее образовании романтика участников длительной войны? Не увлекли ли они меня своим молодым задором?

Отвечу на этот вопрос не рассуждениями, а фактами.

Российские контрразведчики, принятые в небольшом числе на службу французским командованием, проявляли себя, как я вскользь заметил, жестоко.

Подъехали раз на казенном грузовике к еврейскому дому, захватили сидевших на лавочке старуху, двух ее дочерей и сына, лет 23—25.

Произошло это ранним утром. Надо думать, что ночь контрразведчики провели пьяно и, не протрезвившись, носились без всякого плана по городу. Взвалили попавшихся на глаза «жидов» на грузовик, там прикончили, а тела раскидали для остратки на улицах. Тяжелораненый сын прикинулся мертвым. Каким-то, как принято в таких случаях выражаться, чудом он уцелел. В больнице его отходили. Он там про все рассказал, но делу, несмотря на сообщение врачей, ходу не дали: в местной администрации сидели виды видевшие полицейские.

Недобитый еврей затаил обиду, и когда французы, а вместе с ними и многие из российских служилых покинули Одессу, он стал лютым чекистом в кожаной куртке и расстреливал первых попавшихся, не исследуя их вины. Знали же его раньше говорили, что от пережитого ужаса он рехнулся.— Не думаю, чтобы они были правы.— Скорее всего: «Мне отмщение и аз воздам».

Глава третья

На Одессу кто-то наступал, кто-то отступал. Мстительные потирали радостно руки: «Скоро сочтемся, выпустим из либералишек юшку!»

Ожидания этих господ не оправдались.— Пришли большевики и завели свои жестокие порядки.

Я вскоре почувствовал себя чужим, лишним.

Вокруг меня кипела новая жизнь, а я ее не понимал и не воспринимал. Смотрел на нее, как смотрят с улицы зеваки в чужие окна на пляску. Через двойные зимние рамы к ним не доходит музыка и все движения пляшущих представляются нелепыми.

Вскоре получил вызов в Чека.

Пришел в назначенный час. Меня принял заведующий судебным отделом молодой человек, с виду изнервленный интеллигент.

Он начал допрос бесхитростно, напрямик: «Вероятно, недоумеваете — зачем я вас вызвал? Это сделано в вашем интересе. К нам поступил донос от доктора философии Тумима, рисующего вас опасным контрреволюционером. Чем вы можете объяснить этот донос?»

Я пожал плечами: ума не приложу. Вдруг утомленная бесконечными скитаниями память зажглась ярким воспоминанием.

— Погодите минуту. Дайте собраться с мыслями, чтобы не напутать в своем показании. Сейчас припоминаю, что около месяца тому назад я получил письменное приглашение за подписью неизвестного мне Тумима, «пожаловать к нему (туда-то) на заседание Красного Креста по неотложным вопросам». Сидевший у меня в это время молодой коллега предостерег меня: «Не вздумайте ходить, — тут, вероятно, ловушка, на кой черт вы этому Тумиму дались». Я послушался его совета — не пошел. А дня через два узнал, что приглашенные Тумимом общественные деятели и офицеры, оказавшиеся более доверчивыми, нежели я, были у него на квартире арестованы. Одного не пойму — к чему весь этот сложный водевиль: не проще ли было арестовать всех приглашенных у них на дому, а не звать на заседание Красного Креста.

— Нам с вами не понять хода мыслей плохонького философа: по-видимому, хотел выслужиться перед нами. Мы распорядились арестовать его за самозванство, хотя он грозил нам дружбою с нашим видным товарищем — доктором Раковским¹¹. Хотите, я распоряжусь о доставлении сюда Тумима: прелюбопытная фигура — прирожденный кляузник и лжедоносчик.

Я отказался, так как счел Тумима по его необъяснимой ненависти ко мне душевнобольным: неявка по его вызову — недостаточная причина для ложного доноса.

По окончании допроса заведующий судебной частью заговорил о себе, о том, что тяготится своей службою, хотя на ней полезен, смягчая ужасы революционного террора.

— Я примкнул к большевикам не из корысти, не для делания карьеры. В России все так застоялось, что реформами не помочь, — нужна сильная встряска, хотя бы и жестокая; несколько лет тому назад бросил университет и стал бродяжить по глухим местам, по заброшенным монастырям, чтобы разгадать народную

душу, но не постиг ее: всюду страх, безнадежность и рабская покорность.

Я принялся за изложение на письме своего показания.

Допрашивающий прошелся по комнате, остановился у окна, выходящего во двор, и поманил меня пальцем.

— Видите, вон большие желтые ворота? Прежде они служили каретному сараю, а теперь сарай этот превращен в усыпальницу: там расстреливают. Заведут мотор автомобиля, чтобы не было слышно криков, и приканчивают пулею в затылок. Третьего дня было так страшно, что не могу опомниться. Расстреляли свыше десятка: не позаботились даже о том, чтобы произвести расстрел в глубине сарая, — нет, как только войдет — пуля! Не идет из памяти один: когда он увидел кучу нагроможденных, одно на другое, тел, закричал детским, жалобным криком: «Ма-ма!» — Вот так, как я в детстве звал в испуге мать. На службе своей я сделался пьяницею: раньше питал к алкоголю отвращение, а теперь по ночам хлещу водку, — иначе от страха и тоски не уснуть.

— Послушайте, зачем вам прибегать к алкоголю, глушить совесть? Вы — убежденный большевик, и я не стану касаться вашей веры. Неужели вы не можете быть полезным своей партии на каком-нибудь культурном посту? Ту работу, которую вы делаете теперь, может выполнить любой чекист.

— Ну вот, сказался в вас буржуй. Взять работу почище, быть не пахотником, а бархатником! У нас не привередничают — делают ту работу, к которой тебя приставят: я стараюсь делать ее справедливо, без излишней жестокости. Легко ли мне это дается или трудно — вопрос личный, но революции без террора не бывает. Думаю, что и вы, после опыта Временного правительства управлять мерами убеждения, а не принуждения, применяли бы террор.

— Ну нет, я не постановил бы ни одного смертного приговора. — Для меня одинаково нестерпимы красная стрельба в затылок и белое вешание тел с тем равнодушием, с каким прачки развешивают белье. Но говорить об этом бесцельно. Ваше доброе отношение ко мне — другой на вашем месте угробил бы меня по доносу Тумима без всякого расследования...

Он перебил меня: — Ошибаетесь, — мы знаем, что вы — наш противник, но мы не Иваны Непомнящие, мы не забываем, что вы — защитник Совета рабочих депутатов, защитник Максима Горького, Короленко и многих других достойных борцов.

— Тем лучше... Устройте мне разрешение на выезд за границу. Вам я ни к чему, а мне здесь тяжело.

— Это зависит не от меня, а от нашего товарища Алехина¹². Хотя председателем комиссии по даче таких разрешений состоит другой, но фактически все зависит от усмотрения Алехина.

— А[лехин]? Шахматист? Он бывал в Петербурге у моей дочери. Он кичится своим черносотенством. Его переход к вам, да еще на начальственный пост, противоестествен. Тяжело идти на поклон к маскарадному интригану.

— Тем более чести А[лехину], что он сумел разобраться в историческом явлении, к чему оказались неспособными вы, левые. Но какво бы ни было ваше мнение об А[лехине], без него, если хотите уехать, не обойтись.

Я явился в комиссию. Председателем ее оказался знакомый петербургский студент, протянувший мне приветливо руку и благодушно заявивший, что я несколько раз давал ему деньги для взноса платы за право учения. Я шутливо ответил, что мы, буржуи, таких пустяков не помним, и пожал протянутую руку. Но протянуть руку А[лехину] и другому члену комиссии, хорошо упитанному молодому человеку купеческой складки, в шикарных рейтузах, вдруг стало противно.

В результате мне одному за тот, по крайней мере, день было отказано в разрешении на выезд.

Вскоре была распущена большевистскими властями и наша Дружина.

Большевики поставили мне напрямик вопрос: могут ли они рассчитывать, в случае надобности, на нашу Дружину? Я ответил, что Дружина наша аполитична, имеет свою специальную задачу — защиту от погромов, что, давая нам разрешение на образование ее и приобретение оружия, белые никаких требований к нам не предъявляли, поэтому мы не можем принять никаких обязательств и в отношении большевистских властей. Тогда нам было объявлено, что при большевиках нападение одной части населения на другую немыслимо, а допустить существование вооруженной силы, не стоящей на их платформе, они не могут.

Я распорядился оружием не сдавать, так как, при чехарде быстро сменявшихся властей, оно могло нам понадобиться. Мы зарыли его в землю, о чем из начальственного состава Дружины знали, кроме меня, лишь двое.

Возвращаясь к рассказу о большевистском заведующем судебной частью. Больше я его не встречал, но он меня заинтриговал

крепкой верою в свое дело. Для меня важно не то, во что человек верует,— важна только та сила души, которую он в свою веру вкладывает.

Участь этого большевика завершилась печально.

Уступая мольбам жены некоего офицера, сильно скомпрометированного в одном из очередных антибольшевистских заговоров, он не только спас ему жизнь, но и предоставил возможность беспрепятственного проживания в Одессе.

Жене этого офицера, несмотря на безумную, по ее уверению, любовь к мужу, захотелось изведать любовь чекиста. — По-моему, большинство так называемых измен происходит из бабьего любопытства и кончаются они запоздалым сознанием, что и в свободном союзе та же, не для всех занятая, обыденность, что и в законном браке.

Когда большевикам пришлось покинуть Одессу и юрисконсулт их был вынужден искать убежища у этой женщины, она безжалостно предала его: он был повешен.

Глава четвертая

От своего стремления уехать за границу, где сын мой закончил бы университетское образование, я не мог отказаться¹³.

Часто отправлялся на набережную и глядел с вождением на крейсировавшие вдалеке французские корабли: как бы попасть на какой-нибудь из них.

Выручил меня заведующий отделом иностранных сношений большевик Ревзин¹⁴ — человек культурный и с добрым сердцем.

— Говорят, что вы ежедневно сидите у моря и ждете не столько погоды, сколько прихода иностранных судов. Никого мы не удерживаем,— чем меньше ртов, тем легче нам управиться. Разрешение на выезд из прибрежного района я вам достану, а вы столкнитесь с капитаном какого-нибудь суденьшка, чтобы доvez до иностранного корабля.

Так я и поступил. Сел я с женою и сыном в трюм парусного «дубка», с двумя десятками таких же вольноотпущенных, как и мы.

Плавали недолго. С французского корабля была спущена шлюпка с русскими контрразведчиками. Они прошли в капитанскую рубку знакомиться со списком пассажиров, а мы все, в ожидании вызова, сгрудились у двери.

Дошла очередь до меня. В рубке заседали три офицера. Опрос производил морской лейтенант с глазами-сверлами и со странно

принюхивавшимся носом. Мой поклон он оставил без ответа и не пригласил сесть. Я сел без приглашения и подумал: вот как встречают вырвавшихся из большевистского плена,— хрен редьки не слаще!

— По нашим сведениям, вы состояли председателем коммунистической боевой Дружины.

— Позвольте внести поправку: я был председателем не коммунистической, а еврейской боевой Дружины.

— Ну, это одно и то же.

— Для меня, по крайней мере, это не одно и то же.

Я кратко рассказал историю Дружины, подчеркнув, что она действовала с разрешения главноначальствующего Шварца.

Двое других контрразведчиков — гвардейский офицер и прапорщик — посмотрели на усердствовавшего лейтенанта неодобрительно.

Гвардейский офицер сконфуженно заметил:

— Все ясно,— нам дали ошибочные сведения.

Лейтенант не сдавался:

— Не правда ли, сенатор, перед законом все равны?

— Перед законом — безусловно, но не перед подозрением.

Тот, чья жизнь была на виду у всех, вправе рассчитывать по меньшей мере на обоснованное обвинение, а не на высказывание вслух подозрений.

Прапорщик приветливо протянул мне руку:

— Вы меня не узнали? Я — Палеолог.

Я вспомнил, что года за полтора-два до того секретарь Петербургской судебной палаты Зиберт, перешедший в нотариусы, предложил, если мне придется быть в Симферополе, свое гостеприимство. Вскоре я попал туда. В то время владели Крымом, как и Одессою, белые. Поезд пришел в Симферополь с большим опозданием, ночью. Сунулся в одну, другую гостиницу — все переполнено. Вспомнил о любезном приглашении Зиберта. Отправился к нему. Я послал визитную карточку и стал дожидаться внизу. Ждать пришлось недолго. — На верхней площадке показался штатский. С приветливой улыбкой он сказал мне: «Рад бы оказать гостеприимство, но не могу — у меня в доме тяжело-больная тифом».

Оказалось, что Зиберт сдал свою квартиру, переехав в другой город. Так вот кто он, один из той троицы, от которой зависит теперь моя участь.

Они стали шептаться с лейтенантом и предложили мне подождать на палубе.

Через минут двадцать меня снова позвали в капитанскую рубку. Председательствовавший лейтенант сказал мне:

— Мы вашего «дела» (!) сами не вправе разрешить. Пусть решает начальник нашего отряда. Не поедете ли к нему в шлюпке?

Я ответил:

— Если я свободен, то не вижу надобности беспокоить начальника отряда; если я арестован, то не мне принадлежит право распоряжения собою.

Прапорщик поспешил мне на выручку:

— К начальнику отряда поеду я.

На положении полуарестованного я остался дожидаться вблизи капитанской рубки возвращения Палеолога.

Вернувшись, он сказал мне:

— Начальник отряда недоволен отношением, которое вы встретили. Он поручил мне перевести вас на пароход, на буксире которого пойдет дубок.

Жену, меня и сына поместили в отдельной каюте.

Шли мы долго, с частыми остановками: подъезжали военные — одни садились, другие сходили. Весь этот рейс, как известно, идет почти что вдоль берега.

В дороге оказалось, что сын заболел горлом, с большим повышением температуры. Когда пароход пришел в Севастополь, я оставил жену с еле бредшим сыном на бульваре, а сам кинулся по гостиницам.— Ни одного свободного номера! Наведался на бульвар: сына застал лежащим на скамейке, а жену в слезах. Кинулся снова на поиски. Посчастливилось: встретил Федотову, жену военного врача, которую знал еще подростком как племянницу М. В. Ватсон¹⁵. Она пошла со мною на бульвар, настояла на отвозе сына, как морского летчика, в морской госпиталь, что на Малаховом кургане. Сели в лодку, больного уложили. Переезд показался мне долгим. С помощью знакомых Федотовой понесли сына в госпиталь. Врач оказался милым. Он распорядился поставить дополнительную койку, уложил сына, снял пинцетом в горле пленку на лакмусовую бумагу,— для бактериологического исследования потребовалось бы не менее суток. Оказался дифтерит.

Вдруг в кабинет доктора донесся хохот, шум. Я вышел с ним: весь трясясь, плетется мой сын.

— Не могу здесь оставаться ни минуты, ругают жидом,

дезертиром, прикидывающимся больным, а над тобою издеваются — кричат мне: у твоего «тателе» поэтическая голова; хоть в море, но только не здесь.

Доктор увел сына к себе в кабинет. Я бросился в палату. Все, что накопело на душе, наболело, я швырнул им в лицо.

— Вы осмелились оскорбить больного товарища, — ни минуты не верю, что вы — настоящие армейцы; вы — грязное барахло, компрометирующее добровольческое движение; если вы не отпетые трусы, то потребуйте либо сами, либо через товарищей своих удовлетворения, — я к вашим услугам; у меня пока нет еще пристанища, но я буду навещать сына каждый день.

Наглецы притихли.

Доктор, схватив меня за руку, увел к себе: — Успокойтесь, — с кем вы считаетесь, — это сплошь дезертиры, лодыри здоревонькие, прикидывающиеся больными.

— Зачем же вы держите их в госпитале? На фронт их.

— Попробуйте, сразу ославят большевиком, а у меня семья.

Сына продержали в госпитале недолго. Чудодейственная сыворотка Ру поставила его быстро на ноги.

Для меня наступило новое испытание. Сын мой принимал всерьез свое звание мичмана военного времени и стремился поступить на военную службу по своей специальности, морским летчиком.

Я возмущался: забыть одесские унижения, забыть попытки допроса меня на дубке, наглость хамов в севастопольском госпитале — это значит утратить память о человеческом достоинстве.

Сын не сдавался: «Я дал присягу, торжественное обещание служить России, — значит, я свою присягу должен соблюсти».

Началось мое хождение по мукам. Сунулся в канцелярию штаба. Нарвался на заведующего личным составом Чирикова. Он принял меня иронически: «В первый раз вижу, чтобы отец гнал сына на убой».

Я обратился к стоявшему, в качестве начальника штаба, во главе ведомства адмиралу Бубнову¹⁶ через его адъютанта Офенбахера.

Адъютант оказался отзывчивым малым, притом бесхитростным.

Бубнов отрезал категорически: «Впредь не возобновляйте со мною таких разговоров, — жидам нет и не будет места во флоте, пока я стою во главе его».

О[фербахер] сообщил мне этот ответ с неподдельным огорчением. Дальше хлопотать было бесцельно: надоел я всем смертельно.

Однако сын не сдавался: «Не приняли, говорит, во флот, я обязан явиться в военную авиацию».

Опять началось мое хождение по мукам.

Наконец севастопольский воинский начальник, прямодушный офицер, сказал мне:

— Бросьте хлопоты! Почитайте-ка эти два циркуляра.

Я прочитал.

— Не могу ли получить от вас удостоверение, чтобы вразумить сына?

Воинский начальник собственноручно, размашистым почерком написал на официальном бланке, с приложением казенной печати:

«Удостоверение (21 сентября 1919 г., № 5221)

Дано сие морскому летчику мичману военного времени Юрию Оскаровичу Грузенбергу в том, что на основании телеграмм дежурного генерала при Главнокомандующем за № 107 и 58320 он увольняется от службы.

Что подписью и приложением печати удостоверяется».

Следуют подписи воинского начальника и делопроизводителя.

Я бережно сложил удостоверение и весело отправился домой.

— Поздравляю тебя, сынок, с увольнением в полную отставку без пенсии и повышения в чине. Вот тебе любовное послание от белой армии, куда ты так стремишься.

Я протянул сыну удостоверение.

Он побледнел и растерянно бормотал:

— Не может быть! Это невозможно!

— Ты плохой стилист: не должно быть не значит не может быть. Теперь, надеюсь, распрощаешься со своей навязчивой идеею.

¹ Дантон Жорж Жак (1759—1794) — деятель Великой французской революции. Осужден якобинским Революционным трибуналом, казнен.

² Скоропалский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант русской армии, с апреля по декабрь 1918 г. гетман Украины. Позднее в эмиграции в Германии. Арестован органами контрразведки Советской Армии и казнен.

³ Донской Борис Дмитриевич (?—1918) — левый эсер, в июне 1918 г. по приказу ЦК партии левых эсеров (ПЛСР) убил в Киеве командующего немецкими оккупационными войсками генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна. Казнен по приговору военного суда.

⁴ Военнослужащие украинских военных формирований, подчинявшихся в 1918 г. Украинской Директории.

⁵ Штакельберг Г. К. (?—1918) — генерал-лейтенант, участник русско-японской и первой мировой войн.

⁶ Речь идет о выступлениях Грузенберга в защиту творчества Т. Шевченко и украинской национальной литературы против русификаторской политики в начале XX в.

⁷ По имеющимся сведениям, отрядом еврейской самообороны в Одессе командовал бывший студент Новороссийского университета Сруевич. Он в качестве вольноопределяющегося участвовал в войне и офицерское звание получил после Февральской революции. В 1920 г. эмигрировал.

⁸ Шварц Алексей Владимирович (1874—1953) — герой обороны Порт-Артура в русско-японской войне 1904—1905 гг. Позднее генерал-лейтенант, начальник Военно-инженерной академии.

⁹ Имеется в виду Модль (Марков) Владимир Францевич — полковник корпуса жандармов, в 1914 г. — помощник градоначальника Москвы.

¹⁰ Корейво Петр Симфорианович (1856—?) — генерал-лейтенант, в 1917—1919 гг. председатель военного суда в Одессе.

¹¹ Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941) — болгарский социал-демократ. После 1917 г. в России, член РКП(б), возглавлял Совнарком Украины. В 20-е гг. участник оппозиции. Репрессирован.

¹² Алехин Александр Александрович (1892—1946) — выдающийся шахматист. Свидетельство О. Грузенберга об антисемитизме Алехина вполне может соответствовать действительности. В 1941 г. он опубликовал в немецкой газете в Париже статью «Арийские и еврейские шахматисты».

¹³ Грузенберг Юрий Оскарович (1892—1950-е гг.) — морской летчик, после эмиграции из России служил в Британской армии. В 30-е гг. ввиду душевного заболевания был уволен в отставку и находился в больнице.

¹⁴ Ревзин — видимо, Рейзер (Ингулов) Сергей Борисович (1893—1937) — один из руководителей большевиков Одессы в 1919—1920 гг. Позднее на партийной работе. Репрессирован.

¹⁵ Ватсон Мария Валентиновна (1848—1932) — поэтесса, переводчица, друг юности супругов Грузенберг, вместе с ними ухаживала за умирающим поэтом С. Я. Надсоном. После 1917 г. жила в Петербурге и состояла в переписке с уехавшим в эмиграцию О. Грузенбергом.

¹⁶ Бубнов Михаил Владимирович (1859—?) — контр-адмирал, с 1910 г. товарищ морского министра.

Вступительная статья, публикация и комментарий В. Е. КЕЛЬНЕРА.

**РЕЦЕНЗИИ
РЕФЕРАТЫ
БИБЛИОГРАФИЯ**

А. Локшин

FRANKEL G. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1862—1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

ФРЕНКЕЛЬ ДЖ. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русские евреи, 1862—1917. Кембридж, 1981.

Монография профессора Еврейского университета в Иерусалиме Джонатана Френкеля состоит из трех частей, введения и заключения. Во введении автор отмечает, что история европейского еврейства за последние двести лет может быть разделена на три периода, или, точнее, включает три отличительных, перекрывающих друг друга типа развития. Еще в начале XVIII в. еврейский народ по всей Европе от Рейна до Днепра представлял собой обособленную общность, опирающуюся на собственные законы и порядки, со своими языками (идиш и иврит) и самоуправляющейся общиной.

Новый исторический этап начался под воздействием Просвещения, известного в еврейском мире как *Гаскала*, а также различных государственных актов, призванных эмансипировать евреев. Уже начиная с XIX в. возникли резкие различия между старым и новым образом жизни. Многие евреи стали считать себя равными гражданами в стране проживания, рассматривать иудаизм как религию, а не как национальность, стремиться приспособиться к новому времени. Ближайшее будущее, казалось, обещало евреям полную эмансипацию. Наступила «либеральная эпоха», характеризующаяся, пишет Френкель, либерализмом в политике, индивидуализмом в философии и образе жизни, свободным предпринимательством в экономике, одним словом, вестернизацией. Но вслед за этой эпохой наступает «постлиберальная» эра, которая и является предметом рассмотрения данной монографии.

Таким образом, замечает историк, его интересует не 1789 г., отметивший начало еврейской эмансипации в Западной Европе, а 1881 г.— год начала еврейских погромов в России. Его интересует не эмансипация евреев в Западной Европе, а провал политики эмансипации в России. Автор пишет, что его книга посвящена изучению политического ответа российского еврейства на кризис в империи в 1881—1917 гг. Этот кризис Френкель видит в значительном росте населения, хронической безработице, бедности, периодической волне погромов, в преследованиях, массовой эмиграции. В отличие от евреев Германии, еврейство России оказалось вообще мало затронутым эмансипацией, которая была полностью прекращена в 1881 г. Таким образом, русские евреи шли прямо от долиберальной стадии к постлиберальному этапу развития, от средневековой общины к националь-

ному возрождению, от религиозного к социальному и светскому мессианству (с. 2).

Именно интеллигенция (в дореволюционном смысле этого слова) играла решающую роль в разработке и проведении «постлиберальной политики». В этой работе автор «концентрирует внимание на роли русско-еврейской интеллигенции как нового руководящего слоя еврейского народа» (там же). Интеллигенция, отмечает исследователь, не заменила существовавшую власть теократии или плутократии, но стала параллельной силой и, как параллельная сила, обладала собственной альтернативной философией, культурой и образом жизни. Эта интеллигенция и была порождена русско-еврейским кризисом, а ее политика и идеология являлись производными от этого кризиса.

Позиция новой интеллигенции, ее новая этика были блестяще выражены Л. Пинскером (1821—1891) в 1882 г. термином «автоэмансипация». Он означал, что еврейский вопрос может быть решен не путем возвращения к традиционному иудаизму, но путем кардинальных изменений, коллективного действия, политического планирования и организации. На смену неудавшемуся либерализму и индивидуализму пришел коллективизм новой эпохи и радикальная идеология в форме национализма и социализма. Еврейская интеллигенция, ставшая новой силой в еврейском мире, развивалась под постоянным воздействием русской оппозиционной интеллигенции.

Наряду с общими чертами у русской и еврейской интеллигенции (аскетизм, самопожертвование, элементы мессианизма и утопизма) были и отличия. После событий 1881 г. еврейской интеллигенции была более доступна еврейская народная масса, чем русской интеллигенции — собственный народ. Напрямую столкнувшись с враждебностью властей и окружения, насильственно изгоняемые из родных мест, российские евреи очень часто готовы были видеть в еврейских социалистах и националистах своих лидеров. Другой важной особенностью еврейской интеллигенции была ее вовлеченность в еврейскую политику, которая не ограничивалась Российской империей, но, напротив, со времен А. Либермана (1845—1880) стала интернациональной. Политическая субкультура в лондонском Ист-Энде, нью-йоркском Ист-Сайде была одна и та же. Ее родина — это Минск, Вильно и Белосток.

Центральная тема монографии — «дилемма интеллигенции, работавшей в еврейском мире». И в этом состояло, по мнению Френкеля, главное отличие русско-еврейской интеллигенции от собственно русской. Перед еврейской интеллигенцией стоял вопрос, как сохранить верность собственному народу, не порывая с ценностями русской культуры, как возвратиться к старому миру, не предавая новый; крайне остро стояла и проблема языка, еврейского будущего в целом. Русско-еврейскую интеллигенцию волновали вопросы о соотношении национализма и интернационализма. Подобные попытки идентификации не являлись уникальными, присущими только еврейской интеллигенции в России. Они, отмечает историк, определяли и жизнь М. Гесса (1812—1875) — немецкого социалиста и все же в конечном счете еврейского националиста. Политически еврейской интеллигенции приходи-

лось делать выбор между двумя различными стратегиями: между революцией и исходом. Но здесь были и иные альтернативы: это и создание еврейской политической организации для борьбы за национальные права и территориалистское решение еврейского вопроса. Автор пишет, что поиски решения этих проблем находят свои параллели в истории негров в США. Но в контексте истории дореволюционной России это были уникальные политические вопросы. Таким образом, в своем исследовании израильский историк анализирует варианты еврейского решения еврейского вопроса, осуществлявшиеся двумя поколениями на трех континентах. Это решение являлось универсальным и одновременно особым.

В первой части своего исследования Френкель рассматривает автономию формировавшейся еврейской идеологии и ее зависимость от социально-политического контекста (с. 5). Автор, в частности, рассматривает деятельность еврейских социалистов — М. Гесса в Германии и А. Либермана в России. Еще в 1862 г. М. Гесс — оппонент и союзник К. Маркса и Ф. Энгельса — предложил создать еврейское социалистическое государство в Палестине. Таким образом, он почти за сорок лет предвосхитил заявление социалистического сионизма, сделанное в 1898 г. Н. Сыркиным (1867—1924). В свою очередь А. Либерман изложил свою теорию еврейского социализма в 1875—1876 гг. в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!». «Их судьбы имеют существенный интерес для историков еврейского социализма» (с. 6). Их биографии дают «тип внутреннего напряжения», что очень характерно для еврейского социализма (там же). В социалистическом движении и Гесс, и Либерман, непрестанно подчеркивавшие свой интернационализм, были еретиками.

Революция в современной еврейской политике, пишет историк, произошла в 1881—1882 гг. (с. 49). Она была связана с волной еврейских погромов, прокатившихся тогда по югу России. В целом еврейская интеллигенция отказалась от преобладавшей в то время надежды на то, что Восточная Европа в ближайшее время направится по стопам Западной и предоставит евреям равноправие. Мотив «нового исхода» из страны угнетения в страну обетованную стал преобладающим. Особенно потрясли погромы еврейскую студенческую молодежь. Под влиянием идей русского народничества еврейская молодежь в 1881—1882 гг. обратилась к собственному народу и свои действия сознательно моделировала по типу «хождения в народ», устроенного русской интеллигенцией в 1873—1874 гг.

В начале 1880-х гг. достаточно широко распространились в народной массе идеи исхода. Период 1881—1882 гг. имел «революционное значение» (с. 50) для развития национальных идей и начала массового исхода. Автор не согласен со взглядами еврейских историков Я. Лещинского и Е. Черикова, считавших, что эмиграция в Америку и внутренняя миграция в России отражали одни и те же процессы и были обусловлены прежде всего социально-экономическими факторами. Френкель отмечает, что события 1881—1882 гг. означали и крутой поворот в сознании народных масс, и особенно интеллигенции. Вместо эмансипации, которую ожидали со стороны русского правительства, наиболее influential лозунгом стала провозглашенная в 1882 г. Л. Пинскером «автоэмансипация».

До 1881 г. еврейская политика носила элитарный характер и концентрировалась на вопросах филантропии и образования. С 1882 г. еврейская политика, националистическая, с одной стороны, и социалистическая — с другой, стала «постоянным аспектом русско-еврейской жизни» (там же). До 1881 г. еврейская политическая активность была сосредоточена в Петербурге, где располагались редакции русско-еврейских печатных изданий, а также основные организации: Общество для распространения просвещения между евреями в России и Общество ремесленного труда. Но после 1882 г. центр притяжения еврейской политики переместился в Киев, Варшаву, Белосток, Вильно, Ковно, Москву, Одессу (которая играла авангардную роль в 1860-х гг.). Вместе с тем наплыв русских евреев в Лондон, Нью-Йорк и в небольшой степени в Палестину создал нечто вроде общин-спутников, в которых идеи, привнесенные из России, помогали бороться за выживание во враждебном окружении. С другой стороны, успешный опыт в любом из русско-еврейских зарубежных центров часто влиял и на политику дома.

В России 1881 г., отмечает историк, впервые в Европе XIX в. евреям пришлось столкнуться с антисемитизмом не просто как с постоянным беспокойством, причиняющим некоторые неудобства, а как с непосредственной угрозой установившемуся образу жизни, как с взрывной динамичной силой. Первый такой погром произошел 15 апреля 1881 г. в Елисаветграде. Двумя неделями позже ареной погрома стал Киев, а в начале мая волна погромов докатилась до Одессы. За 1881 г. более чем в 200 городах и местечках прошли погромы. Десятки евреев были убиты, сотни ранены, сотни женщин изнасилованы. Автор пишет, что знакомство с архивными документами, изданными после революции, подтверждает то обстоятельство, что погромы для властей не были сюрпризом. Симптоматично также, что еврейская молодежь, связанная с русским революционным движением, огнеслась к погромам подчас даже положительно, подчеркивая свою дистанцированность от еврейства. В этом контексте израильский историк задается вопросом, «каково было воздействие этого кризиса на идеологическое развитие еврейской радикальной интеллигенции, на ее отношение к социализму и национализму» (с. 51). Неспособность тогдашних еврейских лидеров соответственно реагировать на начавшуюся массовую эмиграцию не помешала массовому исходу евреев из России. Продолжавшиеся погромы на юге России (особенно кровавый погром имел место в марте 1882 г. в Балте) привели к тому, что страх, дотоле неведомый, стал, как пишет автор, «центральным фактором еврейской жизни» (с. 70).

В результате традиционное еврейское олигархическое руководство потеряло свое влияние. На первые роли стала выходить еврейская литературная интеллигенция, представленная прежде всего периодическими изданиями «Рассвет» и «Русский еврей». Интеллигенция разбилась на два лагеря: «за» и «против» эмиграции. Однако скоро дифференциация стала более сложной. Френкель выделяет «три группы» русско-еврейской интеллигенции (с. 81). Одни увидели в возникшем кризисе возможность предпринять первые шаги по возвращению народа на его древнюю родину. Другие рассматривали погромы как угрозу существованию еврейского населения. Наконец, были

и те, кто считал погромы всего лишь переходным явлением. К первой группе относился, несомненно, П. Смоленский, который уже летом 1881 г. обратился к евреям с призывом вернуться в Палестину. Наиболее влиятельным публицистом 1881—1882 гг. был М. Л. Лилиенблюм (1843—1910), сделавший вывод о возвращении в Европе эпохи средних веков и о необходимости возрождения в Палестине еврейского государства. Однако приверженность Смоленского древней родине являлась исключением.

Более типичной была ориентация на Америку. Л. Заменгоф — молодой варшавский писатель, будущий создатель эсперанто — склонялся к необходимости образования евреями собственной самоуправляющейся территории в США. В этом предложении Френкель видит первое ясное заявление о себе идеологии, которая позже стала известна как «территориализм» (с. 88). Впрочем, уже в 1882 г. позиция Заменгофа, а также Л. Леванды — писателя, известного ранее как сторонника ассимиляции, — склонялась к Палестине. В эмиграционном движении стала активнее участвовать студенческая молодежь, ощущавшая свое отчуждение от еврейского мира. Еврейские студенты и гимназисты пришли в синагоги Киева, Петербурга и других городов в знак солидарности со своими братьями, что явилось, как писал Бен-Ами, еврейским «хождением в народ». Некоторые молодые люди смотрели на эмиграцию не только как на концептуальное решение кризиса, но и воспринимали ее как немедленное личное решение. Так, весной 1882 г. группой харьковских и московских студентов создана организация Билу.

Кризис 1881—1882 гг. поддерживал авторитет социалистических групп, ориентированных на адаптацию евреев к русской жизни. Сыграло свою роль, что некоторые русские революционные партии поддержали погромное движение. Опираясь на идеализацию народа, русские революционеры рассматривали погромы как некий апокалиптический символ. Но среди ведущих революционных лидеров за границей, таких, как Г. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч, П. Кропоткин, П. Лавров, отношение к погромам было резко отрицательным. Однако неудача русских социалистов, не сумевших объявить в печати об их оппозиции погромам, наряду с усилением антиеврейской позиции М. Драгоманова, превращала антисемитские заявления народовольца Г. Романенко в официальную позицию русского революционного движения (с. 113).

Два политических движения, возникших среди евреев в результате кризиса начала 1880-х гг., показали свою жизнеспособность. Это, с одной стороны, было предшествовавшее сионизму движение Ховевей Цион в России, а с другой — рабочее еврейское движение в США, особенно в Нью-Йорке. Эти течения прошли сложный путь от идеализма к реализму. Они стали первыми еврейскими политическими движениями, отличавшимися от различных групп, филантропических организаций, идеологических сект в современной еврейской истории. Возникнув, по сути, на одном поле — эмигрантской идеологии, эти два движения находились в резкой оппозиции друг к другу. Группа Билу и другие колонисты под руководством З. Левонтина, основав в Палестине поселение Ришон-ле-Цион, оказали влияние на изменение позиции западных филантропов и завоевали симпатии

барона Э. Ротшильда. В ноябре 1884 г. в Катовицах была проведена учредительная конференция палестинофильского движения. Хотя конференция была, по сути, чисто русско-еврейским предприятием, ее провели за границей, чтобы продемонстрировать международную значимость начинания, а также избежать затруднений с царскими властями. Своей целью конференция ставила превратить палестинофильские кружки в централизованное и представительное движение. В 1890 г. Одесский комитет Ховевей Цион получил легальный статус и официальную известность как Общество вспомоществования евреям — земледельцам и ремесленникам в Палестине. Отделения Общества в различных регионах России позволили расширить палестинофильское движение, привлечь к нему новых сторонников, однако, замечает автор, «движение не было массовым» (с. 117). Тем не менее оно стало постоянным аспектом русско-еврейской жизни, его первым политическим движением, что может быть объяснено только «мощью национальной идеи в моменты коллективного бедствия» (там же).

Вторая часть монографии Френкеля посвящена еврейским политическим партиям и их идеологиям. Он отмечает, что в годы первой русской революции еврейские партии, сочетавшие в своей деятельности в различной форме революционный социализм и еврейский национализм, добились «беспрецедентной популярности» (с. 133). Из всех синтетических движений наиболее важным был Бунд. В 1905—1906 гг. оформились еврейские партии, которые смогли оттеснить Бунд и развить линию, которая была более националистической, но также более революционной. Приверженцами такой политики были марксист и детерминист Б. Борохов (1881—1917), а также Н. Сыркин и Х. Житловский (1865—1943) с их волюнтаристским и народническим кредо. Политическая и идеологическая борьба, происходившая в годы первой революции, способствовала формированию нового поколения еврейской молодежи. Одним из важных отличий нового поколения от поколения 1881—1882 гг. Френкель считает большую вовлеченность в революционные события в России. С другой стороны, все оппозиционные режиму силы, от либералов до революционеров, связывали антисемитизм с реакцией. В этих условиях у евреев не было выбора. К 1900 г. 30% всех политических арестованных в империи были евреи (с. 140). К 1905 г. этот показатель стал еще выше. Многие евреи, присягнувшие русской революции, вместе с тем не порывали и с еврейским миром. Такие деятели, как С. Ан-ский, Ю. Мартов, Х. Житловский, М. Ратнер, будучи активными членами партий эсеров и социал-демократов, играли ведущую роль и в формировании еврейской политики.

До 1905 г. своеобразным мостом между русским и еврейским революционным движением был Бунд. Однако массовые октябрьские погромы резко снизили революционный пыл еврейских масс. Разочарование в идеях интернационализма способствовало усилению национального фактора. Симптоматично, что в возникших отрядах самообороны центральную роль играли три новых еврейские партии, основанные в годы революции: Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), Еврейская социал-демократическая партия — Поа-

лей Цион (ЕСДРП П-Ц). После Манифеста 18 октября митинги, конференции, съезды и всевозможные дискуссии, приковывавшие внимание студенческих колоний за границей, переместились в Россию, и главным образом в черту оседлости (с. 156).

Автор отмечает, что в сравнении с революционными еврейскими партиями в «эру полуоткрытой политики» (с. 157) сионисты и либералы имели значительно больше возможностей для распространения своих идей в массах. Сионистское движение в форме герцлиевского сионизма имело широкую поддержку среди русского еврейства, но в 1905 г. вступило в состояние смятения из-за угандийского проекта. Однако сионистские лидеры в России решительно выступали за Палестину. Вместе с тем сионисты, подчеркивавшие свое невмешательство в политику, свои эмиграционные и культурные устремления, стали поворачиваться в сторону адаптации к ситуации внутри России. В целом сионистское движение ориентировалось на союз с еврейскими либералами против левых. В. Жаботинский считал, что еврейский народ должен опираться на свою собственную политическую организацию, а в общем революционном движении находиться в арьергарде.

Однако идея Жаботинского о едином еврейском участии в освободительном движении была неприемлемой для большинства политических деятелей и социалистических партий. Обращаясь к идеологии Бунда (глава 4 второй части), историк отмечает, что бундизм оказал громадное влияние на еврейскую политическую мысль. Бунд придал идее автономизма реальный вес. Эта идея была воспринята почти всеми еврейскими партиями в России, а в 1918 г. и лидерами американского еврейства. Еврейский автономизм отрицался большевистским режимом. Но идея Бунда о развитии еврейской нации через язык и светскую идишитскую культуру была воспринята, хотя и временно, официальной советской идеологией.

Касаясь идеологических метаморфоз Бунда, Френкель указывает на быстрое усиление национальных начал в развитии Бунда в 1897—1905 гг. И вместе с тем, несмотря на широкий разлив национальных чувств в бундистских массах, партия очень медленно эволюционировала в подобном направлении, что связано со сверхцентрализованным ее характером. Руководство Бунда, особенно в период между 1892 и 1904 гг., неуклонно освобождало себя от контроля снизу. Однако, несмотря на существование объективных условий для раскола Бунда, в связи с национальными и интернациональными устремлениями, партия оставалась единой до 1919—1921 гг. Это обстоятельство историк объясняет господством в Бунде практиков над теоретиками. Может быть, именно Бунд отражал полнее других еврейских движений духовную противоречивость русско-еврейской интеллигенции. Автор считает, что Бунд не мог игнорировать существование и влияние сионизма, а также дела Дрейфуса. В результате партия отмежевывалась от ассимиляторской традиции в социализме и представила собственное несионистское, но тем не менее национальное решение еврейского вопроса.

В своей работе Френкель анализирует взгляды ведущих идеологов еврейского социализма, и в частности Житловского, которого называет «идеологическим кочевником, находившимся все время в движении» (с. 258).

Несмотря на исповедование различных идейных концепций, Житловский в течение всей своей жизни оставался верным нескольким ключевым теориям: волонтаризму, аграризации и синтезу национализма и социализма.

У Сыркина было немало общего с Житловским. Оба они отдавали предпочтение национальному, а не социально-экономическому фактору. Их деятельность была связана с группой «Возрождение». Оба они в 1904 г. покинули Россию и отправились в США, где издавали социалистические журналы на идише, являлись деятелями Американского еврейского конгресса и Поалей Цион в годы первой мировой войны. Френкель пишет, что значимость Сыркина может быть продемонстрирована с помощью его влияния на какую-нибудь партию или событие. Сыркин был среди первых еврейских социалистов в основанном Герцлем сионистском движении, был он и среди лидеров ССРП в 1905 г. и мирового поалей-ционистского движения с 1909 по 1924 г. Сыркина от деятелей его поколения отличало отношение к опыту 1881—1882 гг. Он выступал сторонником исхода из Европы. Массовая колонизация и революционная борьба в России имели для него одинаковую ценность. Его идеология строилась на опыте погромов 1881 г. После новых погромов в Кишиневе и Гомеле (1903 г.) его мысль, что евреям придется покинуть Европу и одновременно взяться за оружие, «выглядела менее парадоксальной и более реалистичной» (с. 322).

В отличие от Житловского и Сыркина, пишет историк, политический опыт Борохова связан с кризисом 1903—1907 гг. Для Борохова, так же как и для его двойников из ССРП (М. Литваков, Я. и И. Лещинские) и СЕРП (М. Зильберфарб, И. Новаковский), революция означала борьбу не только за социальное равенство и политическую свободу, но также за национальное освобождение. К весне 1906 г. новые еврейские партии стали реальными соперниками Бунда в борьбе за еврейские массы. Эти движения сочетали марксистскую ортодоксию с более широкими национальными формулировками. Касаясь воззрений Борохова, Френкель замечает: «Его марксистско-материалистический монизм был более тотальным и всеобъемлющим, чем у Бунда, его территориализм более конкретным, чем у ССРП, а его схема еврейской национальной автономии в России не менее далека от достижимости, чем у сеймовцев. Но в ряде случаев позиция Борохова была нетипичной» (с. 300).

Названные партии создавались коллективными руководящими группами, в которых представлены различные поколения и различные идейные оттенки. Поалей Цион была в огромной степени личным творением Борохова. Все современники в один голос заявляли, что без Борохова пропалестинские элементы в Поалей Цион были бы полностью дезинтегрированы под воздействием революционеров. Провал различных территориалистских схем, безжалостное уничтожение еврейских социалистических партий, евсекций, идишистских культурных организаций в советской России, уничтожение еврейского народа в Восточной и Центральной Европе нацистами — все это сказалось и на отношении к памяти таких людей, как Зильберфарб, Литваков и Новаковский. Развитие сионизма в Палестине и правление в

Израиле в течение длительного времени социалистических партий придало личности Борохова «определенный героический статус» (с. 330).

Однако историческая реальность в том, что фактически было «два Борохова». Один — «общий сионист периода 1904—1905 гг.», когда он был, по выражению Френкеля, «лейтенантом Усышкина» (с. 331) — известного сионистского деятеля из России. Тогда Борохов выступал за немедленную колонизацию Палестины. Он враждебно воспринял революцию в России, но после возвращения из заграничной поездки и проведения учредительного съезда в начале 1906 г., на котором была создана партия Поалей Цион, положившая в основу своей деятельности программу, составленную Бороховым, последний выступил как революционер-сионист. Борохов видел в классовой войне ключевой фактор еврейской национальной политики. Поиски Борохова отражали сомнения многих русских евреев его поколения. Он разделял желание многих присоединиться к революции, но вместе с тем испытывал подозрение к ней, стремился связать свою судьбу с судьбой собственного народа и вместе с тем проявлял тягу к универсальным схемам марксизма.

Третья часть монографии касается формирования и развития еврейского политического и рабочего движения в Палестине и Америке как продолжения теорий, впервые заявивших о себе еще в России. Взрыв политического творчества в Палестине был, замечает историк, напрямую связан с разрушением еврейской жизни в России в 1903—1908 гг. — периода революции и погромов. Вторая алия (1905—1914) была продуктом глубокого кризиса в русском еврействе, в то время как первую (1881—1904) привели в движение погромы 1881 г. Политическую активность первые поселенцы унаследовали от русской революции, с одной стороны, и от еврейского мессианизма — с другой. Массовая эмиграция в Америку принесла в эту страну и социалистическое движение, сформировавшееся в черте оседлости. Однако и в Палестине, и в Америке еврейская политическая жизнь развивается в новых условиях, в контексте проблем новых обществ.

В заключении израильский историк пишет, что в своей монографии он рассматривает роль еврейского социализма в формировании еврейской политики и особенно концентрирует внимание на конфликте между социалистическим интернационализмом и еврейским национализмом, на попытках примирить один с другим в некой синтетической форме. Еврейский социализм может рассматриваться как субкультура. К 1914 г. эта субкультура существовала в каждом мало-мальски крупном центре русско-еврейской жизни. И не только в «черте», в Галиции, Лондоне и Нью-Йорке, но также, хотя и в меньшей степени, в Париже, Канаде, Южной Америке и Южной Африке. И хотя между социалистическими движениями существовали немалые различия, все они верили в возможность создания нового радикального общества и нового человека. За исключением Палестины, социалисты использовали один и тот же язык — идиш. Обращались к одной и той же страте. Среди факторов, определяющих значение этой субкультуры, автор отмечает то обстоятельство, что еврейский социализм возник на последней стадии модернизации еврейской жизни. Это было постлиберальное движение. Ев-

рейский социализм развивался в тот период, когда социалистический интернационализм и еврейский национализм предстали для «посттрадиционного еврея» (с. 553) как возможные альтернативы. Еврейский социализм выкристаллизовался в пространстве между этими двумя направлениями (то есть между еврейским национализмом и социалистическим интернационализмом). Он находился в различной степени оппозиции к этим течениям и одновременно зависел от них. Еврейский социализм, восходящий к именам Гесса и Либермана, обрел жизнеспособность в условиях кризиса 1881 г.

С возникновением палестинофильства еврейский национализм получил постоянную организационную форму для действия в качестве противовеса социалистическому интернационализму. С другой стороны, именно в 1880-х гг. евреи все активнее участвуют в российском освободительном движении. Такое разделение могло быть только вопросом времени до появления третьей силы — еврейского социализма в различных формах (с. 554).

Внедряясь в пространство между еврейским национализмом и социалистическим интернационализмом, новые движения стали развиваться в одном или другом направлении в зависимости от силы антиподов в каждый данный момент. Однако решающее значение имел тот факт, что интеллигенция, возглавлявшая эти партии в «черте», была относительно изолирована от давления на партийную политику различных институтов (избирательных кампаний, экономических групп и т. д.). Внутри еврейского социалистического движения было также немало различий. Фундаментальные расхождения определялись самой стратегией — революционная борьба или исход. За этим следовал вопрос о территории: Сион или другие, более гостеприимные земли. Следующий вопрос касался общественно-политического строя избранной страны (капиталистический или социалистический). Далее в центре теоретических споров оказывались проблемы, касающиеся гражданских и национальных прав евреев в стране проживания. Одним из важных направлений развития был переход от идеи эмансипации к идее автоэмансипации.

Новая эра в истории еврейского социалистического движения отмечена двумя событиями ноября 1917 г.— большевистской революцией и Декларацией Бальфура (с. 559). Еврейские социалисты оказались в сфере приложения двух полей: Новой Москвы и надежды на Новый Иерусалим. В советской России еврейские партии в 1919—1921 гг. раскололись. Некоммунистические части этих партий были запрещены, а их лидеры вынуждены покинуть страну. В независимых Польше и Литве еврейские социалистические партии продолжали в межвоенный период играть заметную роль, но их возможности оказались сильно ограниченными. Попытки еврейских социалистов охватить целые миры, стремление создать нечто новое были источником политической энергии и политической слабости, подлинной трагедией и несомненным фарсом. Поиски тотального решения проблем, которые могли быть разрешены лишь частично, создавали для еврейского народа в XX столетии определенные сложности.

Г. Эстрайх

КАНАН А. The Impact of Industrialization in Tsarist Russia on the Socioeconomic Conditions of the Jewish Population // *КАНАН А. Essays in Jewish Social and Economic History. Chicago and London, 1986. P. 1—69.*

КАХАН А. Влияние индустриализации царской России на социально-экономические условия жизни еврейского населения // *Очерки еврейской социальной и экономической истории. Чикаго — Лондон, 1986. С. 1—69.*

Для анализа выбраны в основном 1897—1898 гг., что объясняется наличием данных переписи населения Российской империи 1897 г., а также результатов обследования экономического положения евреев в черте оседлости, проведенного в 1898 г. Еврейским колонизационным обществом (ЕКО)¹. Учитывалось также влияние политических, административных и других факторов; иначе, ограничившись лишь чисто экономическими условиями, оказалось бы невозможным, например, выяснить, почему еврейский купец экспортировал лесоматериалы, а не создавал предприятия лесоперерабатывающей промышленности, или почему им использовался речной транспорт, а не железнодорожный. Действия купца становятся понятными, если обратить внимание на закон 1882 г., который запрещал евреям жить в сельской местности в европейской части России (за исключением Польши), где вблизи лесоповалов было экономически целесообразным перерабатывать древесину; а закон 1887 г. вводил для евреев ограничения на использование государственного имущества, поэтому они не могли строить складские помещения рядом с железной дорогой...

Несмотря на относительную бедность еврейского населения и целый ряд законов, ограничивавших его права, начавшаяся в 1860—1870-е гг. индустриализация России заметно расширила возможности участия евреев в экономике страны. Действительно, лишь немногие богатые еврейские предприниматели могли строить железные дороги, но многие смогли получить различные подряды, связанные с таким строительством. Мало кто мог вложить капитал в добычу нефти, но многим удалось заняться переработкой и транспортировкой нефтепродуктов, а также торговлей ими. И хотя основные индустриальные центры страны находились вне черты оседлости, рост промышленности в западных губерниях заметно повлиял на условия жизни евреев.

По разным причинам (прежде всего идеологическим) систематические исследования истории еврейской буржуазии в России не проводились². Известно, однако, что первоначальное накопление капитала

связано с теми несколькими большими состояниями, которые были созданы евреями, занимавшимися экспортной торговлей и производством спиртных напитков. В последующие годы этот капитал вкладывался в строительство железных дорог, производство сахара и др., причем еврейское предпринимательство в большой степени было связано с различными правительственными подрядами. Наиболее привлекательной для еврейских предпринимателей была текстильная промышленность, им принадлежала значительная часть предприятий в Лодзи и Белостоке. В целом евреи владели 1402 предприятиями в Белоруссии и Литве, 1143 — на севере и западе Украины, 539 — на юге Украины и в Бессарабии, 1416 — в Польше. На рубеже столетий на них было занято не менее 110 тыс. промышленных рабочих, а накануне первой мировой войны — около 200 тыс. Большинство рабочих были евреи.

Очень важную роль в экономическом выживании российских евреев играла вертикальная интеграция, сформировавшаяся в их среде. Она заключалась в том, что еврей было экономически целесообразней вступать в деловые отношения именно с евреями. Например, финансовые споры оказывалось намного легче решить в пределах еврейской общины, чем посредством обременительных судебных процедур. Оптовым торговцам было выгодней закупать изделия еврейских рабочих и ремесленников, чей труд обычно оплачивался ниже труда христиан. Вертикальная интеграция не была строго замкнутой, зачастую существовали «отклонения», обусловленные различными причинами, в том числе законами, ограничивавшими выбор евреями места жительства, профессии и т. п.

В тех случаях, когда вертикальная интеграция была невозможной, выход искали, например, в экспортных операциях. Так, еврей-крестьяне практически не поставляли на рынок зерно. Однако торговля зерном в черге оседлости была в основном сконцентрирована в руках евреев. Правда, и в этом случае частично существовала вертикальная интеграция в цепи: закупка зерна — производство муки — утилизация в пищевой промышленности. Аналогичной была ситуация с заготовкой и переработкой древесины.

Было бы, однако, неправильным говорить о вертикальной интеграции, основываясь лишь на факторах экономического характера. Следует учитывать также исторически сложившиеся в еврейской общине систему ценностей и родственных отношений, склонности и вкусы российских евреев³.

Вертикальная интеграция не была придумана или внедрена в угоду чьей-то идее. Она возникла в новых условиях индустриализации страны, когда евреи оказались перед выбором: кооперация или жесткая конкуренция. Интеграция (через кооперацию) позволила евреям максимально использовать преимущества периодов увеличения спроса и смягчила трудности периодов свертывания производства, ибо кооперация подразумевала принцип типа «первым принимается на работу, последним

увольняется». Таким образом, при меньших заработках рабочих и меньших прибылях предпринимателей вертикальная интеграция обеспечивала занятость населения и общий прирост доходов еврейской общины. При этом изобретательность еврейских торговцев побуждала евреев-производителей расширять номенклатуру изделий, широко использовать переработку побочных продуктов. Еврейское производство ориентировалось на широкий рынок, о чем свидетельствует тот факт, что не более 10—12% еврейских рабочих и ремесленников были заняты производством предметов роскоши (ювелирных изделий и т. п.).

Статистические данные свидетельствуют о влиянии индустриализации на социальную и демографическую структуру еврейского населения. Прежде всего в результате внутренних миграций в городах заметно увеличилась доля активной возрастной группы (20—59 лет). В то же время, поскольку доходы этой группы населения не могли обеспечить прожиточный минимум, в сферу производства были вовлечены 25—30% подростков и молодежи в возрасте 10—19 лет.

Процессы миграции не менее 2 млн. евреев России в период между 1880-ми гг. и первой мировой войной наиболее полно изучены в той части эмиграции, которая в 1897—1913 гг. численно примерно соответствовала естественному приросту населения. По данным иммиграционной службы США, куда направлялось около 80% российских евреев, въехавшие в страну евреи отличались самым высоким процентом квалифицированных работников, что подтверждает активное участие евреев в промышленной революции в России⁴.

Внутренняя миграция обычно происходила поэтапно: из местечка — в небольшой город, откуда — в крупный городской центр. В отличие от эмиграции, носившей преимущественно семейный характер, внутри страны миграция была зачастую индивидуальной. В тех городах, о которых имеются статистические сведения, еврейское население за период 1897—1910 гг. выросло на 38,5%. Число населенных пунктов, в которых проживало свыше 5 тыс. евреев, за это же время увеличилось со 130 до 180, а с еврейским населением свыше 10 тыс. человек — с 43 до 76. Ремесленники составляли, по-видимому, пропорциональную часть общего прироста городского еврейского населения, их приток более чем компенсировал потери, связанные с эмиграцией. В больших городах увеличивалось число наемных работников и учеников, работавших у одного хозяина. В ряде сфер занятости (среди ткачей, портных, обувщиков, скорняков, мебельщиков) концентрация еврейских рабочих даже превышала средние показатели. Всего в черте оседлости по найму работало не менее 0,5 млн. евреев. В то же время из-за существовавших ограничений они практически не были заняты на государственной службе, а также, например, на железнодорожном транспорте.

По данным переписи 1897 г. можно определить характер занятости порядка 1,2 млн. евреев черты оседлости: физическим трудом зарабатывали на жизнь 660 тыс. человек; торговлей — 412 тыс.; служащих,

специалистов, лиц свободных профессий, владельцев и управляющих предприятиями — 125 тыс. (из этих оценок исключено население, занятое в сельском хозяйстве и лесоводстве, владельцы финансового капитала и недвижимости). Собранные ЕКО в 1898 г. данные почти совпадают с результатами переписи, хотя обследование охватило только 78% населения. Это свидетельствует, видимо, о неточности результатов переписи, которые можно оценочно скорректировать следующим образом: на самом деле не 1,2, а 1,5 млн. евреев были заняты в различных областях экономики черты оседлости.

Индустриализация не улучшила взаимоотношения между евреями и окружающим населением. Это относилось ко всем слоям общества, хотя и проявлялось в разных формах: от принятых во многих компаниях уставов, не допускавших евреев к приобретению акций, до жесткой национальной борьбы в рабочей среде. Такое противостояние объяснялось как многовековыми сословными традициями, так и конкуренцией.

Важную роль в подготовке квалифицированных работников играло светское образование. Не следует увлекаться мифом о высоком уровне грамотности среди евреев России в XIX в., ибо умение читать текст на древнееврейском языке еще не означало наличия подготовки к профессиональной деятельности в индустриальном обществе. Однако за 30—40 лет, предшествовавших первой мировой войне, светское образование среди российских евреев достигло удивительных успехов и стало одним из существенных завоеваний эпохи индустриализации.

¹ Основан в 1891 г. бароном М. де Гиршем; год спустя было открыто отделение в Петербурге во главе с бароном С. О. Гинцбургом. Общество содействовало созданию земледельческих колоний в Аргентине и Палестине, а также развитию земледелия и ремесел среди евреев России.

² Еврейскому предпринимательству в России посвящено другое эссе А. Кахана — «Notes on Jewish Entrepreneurship in Tsarist Pussia» (с. 82—100), вошедшее в вышеуказанный сборник его работ («Essays in Jewish Social and Economic History»).

³ Интересную характеристику еврейской общине России А. Кахан дает в эссе «Forces for and against Jewish Identity in the USSR» (Т а м ж е. С. 185—190).

⁴ О квалификационном составе евреев-эмигрантов см. эссе А. Кахана «Economic Opportunities and Some Pilgrims' Progress» (Т а м ж е. С. 101—117).

ПЕРЕЖИТОЕ: Сб., посвященный обществ. и культ. истории евреев в России. Т. 1—4. СПб.: Тип. акц. о-ва Брокгауз—Ефрон, 1908—1913: Указ. содержания.

Четыре тома сборников «Пережитое», вышедших по инициативе С. М. Гинзбурга и С. Л. Цинберга в 1908(?)—1913 гг. в Санкт-Петербурге, занимают особое место в источниковедении истории и культуры российского еврейства XIX века. В предисловии к первому тому, написанному скорее всего С. М. Гинзбургом, цели издания и пути их достижения сформулированы следующим образом: «издание ... посвящено собиранию, систематизации и обработке разнообразного материала по истории евреев в России ... заключающегося в архивных, рукописных и старопечатных источниках, преданиях и воспоминаниях, произведениях песенного и иных видов народного творчества и т. д.».

В издании принимали живейшее участие практически все (за исключением, пожалуй, лишь С. М. Дубнова) видные исследователи истории и культуры российского еврейства начала XX в.

История

¹ *Аскенази Ш.* Первый польский «сионист» // Т. 2. С. 78—93.

² *Вайсенберг С.* Миниатюра из еврейского мартиролога // Т. 4. С. 333—335.

³ *Вермель С.* Из недавнего прошлого: К истории Александров. ремесл. училища в Москве // Т. 4. С. 264—269.

⁴ *Вишницер М. Л.* Проекты реформы еврейского быта в Герцогстве Варшавском и Царстве Польском: (По неизд. материалам) // Т. 1. С. 164—221.

⁵ *Гессен Ю.* Борьба правительства с еврейской одеждой в Империи и Царстве Польском // Т. 1. С. 10—18.

⁶ *Гессен Ю.* Государственный герб в кагальных печатях // Т. 1. С. 23.

⁷ *Гессен Ю.* Из летописи минувшего // Т. 2. С. 306—316. — I. Виленская комиссия по устройству быта евреев (1866—1869); II. Первый еврей-юрист в России — Симон Левин Вульф.

⁸ *Гессен Ю.* Из летописи минувшего. I. Вызов заграничных еврейских ученых в Россию // Т. 4. С. 318—352.

⁹ *Гессен Ю.* Из сороковых годов: Граф П. Киселев и Моисей Монтефиоре // Т. 4. С. 149—180.

¹⁰ *Гессен Ю.* Московское гетто: (По неизд. материалам) // Т. 1. С. 1—50.

¹¹ *Гессен Ю.* «Мстиславское буйство»: (По архив. материалам) // Т. 2. С. 54—77.

¹² *Гессен Ю.* Попытка эмансипации евреев в России: (По неизд. материалам) // Т. 1. С. 144—163.

- ¹³ *Гессен Ю.* Смена общественных течений: И. Б. Левинзон и д-р М. Лилиенталь // Т. 3. С. 1—37.
- ¹⁴ *Гессен Ю.* Судьбы Воложинского ешибота // Т. 1. С. 19—22.
- ¹⁵ *Гинзбург С. М.* Виленский самозванец прошлого века // Т. 2. С. 236—247.
- ¹⁶ *Гинзбург С. М.* Из эпохи Отечественной войны // Т. 4. С. 99—118.
- ¹⁷ *Гольдберг Ш.* Присяжный лист еврейского рекрута 1829 г. // Т. 2. С. 285—288.
- ¹⁸ *Иоффе И. Е.* Из жизни первой еврейской общины в Риге: (По архив. материалам) // Т. 2. С. 186—211.
- ¹⁹ *Иоффе И. Е.* Из жизни еврейской общины в Риге сто лет назад // Т. 4. С. 298—310.
- ²⁰ *Каган М.* К истории национального самосознания русско-еврейского общества: (По личным воспоминаниям) // Т. 3. С. 136—157.
- ²¹ *Каменецкий А. С.* Еврейский документ о битве под Слонимом в 1764 г. // Т. 4. С. 311—317.
- ²² *Клейман И. А.* Из люблинской старины // Т. 4. С. 335—336.
- ²³ *Кнорозовский М. Л.* Еще о виленской еврейской комиссии 1869 г. // Т. 3. С. 385—391.
- ²⁴ *Коробков Х. Г.* Из истории Саратовского дела: Памяти мучеников // Т. 4. С. 211—217.
- ²⁵ *Литовский Г.* Участие русских евреев в отправлении правосудия: (По архив. материалам) // Т. 3. С. 159—198.
- ²⁶ *Маггид Д. Г.* Из семейного архива // Т. 2. С. 116—129.— I. К истории борьбы с хасидизмом; II. Виленский гаон и карта Палестины; III. К истории еврейской общины г. Вильны; IV. К истории кагала.
- ²⁷ *Мандельштам М. Е.* Игнатьевская комиссия в Киеве 1881 г. // Т. 4. С. 46—64.
- ²⁸ *Марек П. С.* Борьба двух воспитаний: Из истории просвещения евреев в России (1864—1873 гг.) // Т. 1. С. 105—143.
- ²⁹ *Молоствова Е. В.* Иудействующие в русском сектантстве // Т. 3. С. 231—263.— I. «Ересь жидовствующих». II. «Субботники». III. «Иеговисты».
- ³⁰ *Паперна А. И.* О Якиме Циммермане // Т. 2. С. 319.
- ³¹ *Розенфельд С. Я.* Исроэль Салантер (Липкин), его деятельность и последователи // Т. 1. С. 66—104.
- ³² *Розенфельд С. Я.* Менаше Илиер (бен-Порос) // Т. 4. С. 65—98.
- ³³ *Рывкин М. Д.* Велижское дело в освещении местных преданий и памятников // Т. 3. С. 335—336.
- ³⁴ *Слиозберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинзбург и правовое положение евреев // Т. 2. С. 94—115.
- ³⁵ *Слиозберг Г. Б.* Из ревизии сенатора Половцова по обозрению делопроизводства канцелярии киевского губернатора 1881 г. // Т. 2. С. 304—306.
- ³⁶ *Фейнберг Д. Ф.* К истории Саратовского дела: П. Кремье и освобождение Я. Юшкевича // Т. 4. С. 218—219.

³⁷ *Форнберг К.* Польско-еврейский банкир американской революции // Т. 2. С. 212—225.

³⁸ *Фрумкина Б. М.* Зубатовщина и еврейское рабочее движение // Т. 3. С. 199—230.

³⁹ *Х.* Из истории Варшавского раввинского училища // Т. 1. С. 222—232.

⁴⁰ *Цинберг С. Л.* Исроэль Салантер (Липкин) и его отношение к просвещению // Т. 2. С. 296—298.

Фольклористика, этнография

⁴¹ *Ан-ский С. А.* Еврейское народное творчество // Т. 1. С. 276—314.

⁴² *Ан-ский С. А.* Из легенд о Мстиславском деле // Т. 2. С. 248—257.

⁴³ *Ароновский Ш. М.* Семейное предание // Т. 3. С. 394—395.

⁴⁴ *Бейлин С. Х.* Кое-что о зиминских субботниках // Т. 4. С. 288—297.

⁴⁵ *Вейсман Л.* Романическое предание // Т. 2. С. 317—319.

⁴⁶ *Леванда Л. О.* Старинные еврейские свадебные обычаи // Т. 3. С. 103—135.

⁴⁷ *Марек П. С.* Народный вариант одной драмы // Т. 2. С. 226—235.

⁴⁸ *Ф.* Народная песня о казацкой резне в Баре 1648 г. // Т. 3. С. 379.

Литературоведение

⁴⁹ *Гессен Ю.* Смена общественных течений. II. Первый русско-еврейский орган // Т. 3. С. 37—59.

⁵⁰ *Кантор Л. О.* Абрам Мапу (1808—1867) // Т. 1. С. 315—324.

⁵¹ *Магид Д. Г.* Неизданное стихотворение М. И. Лебенсона // Т. 2. С. 382—385.

⁵² *Станиславский С. М.* Несколько слов об А. М. Дике // Т. 3. С. 396—397.

⁵³ *Цинберг С. Л.* Библиографическая заметка: (О дате написания «Teudo Beissroel» И. Б. Левинзона) // Т. 2. С. 319—320.

⁵⁴ *Цинберг С. Л.* А. Ковнер: (Писаревщина в евр. лит.) // Т. 2. С. 130—159.

⁵⁵ *Цинберг С. Л.* О литературном наследии И. Аксенфельда // Т. 4. С. 326—330.

⁵⁶ *Цинберг С. Л.* Первые социалистические органы в еврейской литературе // Т. 1. С. 233—263.

⁵⁷ *Цинберг С. Л.* Предтечи еврейской журналистики в России // Т. 4. С. 119—148.

Публикации источников

⁵⁸ *Бейлин Ш.* Переписка между бухарскими и шкловскими евреями 1802 г. // Т. 2. С. 274—280.

⁵⁹ *Бурштейн Л.* К истории «Духовно-библейского братства» // Т. 1. С. 38—41.

⁶⁰ *Гессен Ю.* К Саратовскому делу // Т. 4. С. 332—324.

⁶¹ *Гессен Ю.* Переписка между М. Монтефиоре и гр. С. Уваровым // Т. 1. С. 29—34.

⁶² *Гессен Ю.* Письма М. Монтефиоре и Кремье к д-ру Лилиенталю // Т. 1. С. 27—29.

- ⁶³ *Гессен Ю.* Письмо И. Б. Левинзона к адмиралу А. С. Шишкову // Т. 1. С. 23—27.
- ⁶⁴ *Гессен Ю.* Снимок членов-депутатов Виленской комиссии 1869 г. // Т. 4. С. 325.
- ⁶⁵ *Гессен Ю.* Указ Сената 4 августа 1821 года об остановлении распоряжения витебского губернского правления касательно учреждения еврейских школ // Т. 4. С. 321—322.
- ⁶⁶ *Гинзбург С. М.* Из русско-еврейской рукописной литературы: «Ответ славянину» Р. М. Кулишера // Т. 3. С. 365—377.
- ⁶⁷ *Гинзбург С. М.* Обращение виленских ортодоксов к отцу Лилиенталя // Т. 2. С. 293—295.
- ⁶⁸ *Гинзбург С. М.* Письмо И. Б. Левинзона к гр. С. С. Уварову // Т. 1. С. 35.
- ⁶⁹ *Гинзбург С. М.* Письмо И. Б. Левинзона к Р. М. Кулишеру // Т. 2. С. 295—296.
- ⁷⁰ *Гинзбург С. М.* Письмо д-ра Л. С. Пинскера к Л. О. Гордону // Т. 3. С. 392—393.
- ⁷¹ *Гинзбург С. М.* Письмо М. А. Гинцбурга к д-ру Ю. Фюрсту // Т. 4. С. 331.
- ⁷² *Гинзбург С. М.* Письмо Л. О. Леванды // Т. 1. С. 36—37.
- ⁷³ *Гинзбург С. М.* Письмо Л. О. Леванды к Л. О. Гордону // Т. 4. С. 331—333.
- ⁷⁴ *Гинзбург С. М.* Письмо д-ра Лилиенталя к М. А. Гинцбургу // Т. 2. С. 289—293.
- ⁷⁵ *Дубнов С. М.* Из моего архива // Т. 1. С. 1—9.— I. Дело о еврейском самосуде в Подолии (1838—40 г.); II. Запрещение евреям жить на главных улицах города Вильны (1823 г.).
- ⁷⁶ Из делопроизводства кагалов 1822 г. // Т. 3. С. 398—399.
- ⁷⁷ *Коган Д.* Родословная Гурвичей: (По рукописи 1814 г.) // Т. 2. С. 268—274.
- ⁷⁸ *Маггид Д. Г.* Из моего архива // Т. 4. С. 181—210.— I. К истории еврейских депутатов в царствование Александра I; II. Еврейское землевладение в Вильне 30-х годов прошлого века.
- ⁷⁹ *Марек П. С.* Извещение об освобождении р. Шнеура-Залмана (1801 г.) // Т. 2. С. 288—289.
- ⁸⁰ *Маркон И. Ю.* Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его (1738 г.) // Т. 2. Прил. С. 3—48; Т. 3. Прил. С. 49—80; Т. 4. Прил. С. 81—112.
- ⁸¹ Письмо И. С. Тургенева к Н. И. Баксту // Т. 2. С. 298—299.
- ⁸² *Пирожников И. И.* Из писем епископа Филарета к О. Н. Штейнбергу // Т. 2. С. 299—303.
- ⁸³ *Цинберг С. Л.* Письмо д-ра М. Лилиенталя к Г. Кацеленбогену // Т. 3. С. 379—382.

Мемуаристика

- ⁸⁴ *А. Н.* Возникновение «Arbeiterstimme»: (из личных воспоминаний) // Т. 1. С. 264—275.

- ⁸⁵ *Винчевский М.* «Peilescher Jidel»: Воспоминания // Т. 2. С. 160—185.
- ⁸⁶ *Гальперин Я.* Из старых воспоминаний // Т. 4. С. 242—248.
- ⁸⁷ *Гаркави В. О.* Отрывки из воспоминаний // Т. 4. С. 270—287.
- ⁸⁸ *Гинзбург С. М.* Из записок первого еврея-студента в России: (Л. И. Мандельштам, 1839—1840) // Т. 1. С. 1—50.
- ⁸⁹ *Гордон Л. О.* Тюрьма и ссылка: (Эпизод из моей жизни) // Т. 4. С. 1—45.
- ⁹⁰ *Паперна А. И.* Из Николаевской эпохи: Воспоминания // Т. 2. С. 1—53; Т. 3. С. 264—364.
- ⁹¹ *Ш-о С.* Год в Мирском ешиботе // Т. 4. С. 220—241.

Varia

- ⁹² *Г.* По поводу портрета А. Либермана // Т. 2. С. 320.
- ⁹³ *Кантор Л. О.* Певцы гетто // Т. 4. С. 249—263.
- ⁹⁴ *Каплан А. Я.* О потомстве д-ра С. Кушелевского // Т. 3. С. 399.
- ⁹⁵ *Коган Д.* Поправка // Т. 3. С. 399.
- ⁹⁶ *Маггид Д. Г.* Когда родился Антокольский // Т. 2. С. 303.
- ⁹⁷ *Станиславский С. М.* К биографии М. И. Гузикова // Т. 3. С. 397—398.

Рецензии

- ⁹⁸ *Вишницер М. Л.* Из прошлого Львовской общины // Т. 2. С. 258—267. Рец. на кн.: *Balaban M. Zydzi lwowski na rzlomie XVI i XVII wieku.* Lwow, 1910.
- ⁹⁹ *Гинзбург С. М.* К истории еврейских погромов и погромных процессов в России // Т. 1. С. 49—50. Рец. на кн.: *Речи по погромным делам.* Киев, 1908.
- ¹⁰⁰ *Гинзбург С. М.* [Рецензия] // Т. 1. С. 46—49. Рец. на кн.: *Корнилов И.* Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Вилен. учеб. округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд. СПб., 1908. Вып. 1.
- ¹⁰¹ *Гинзбург С. М.* [Рецензия] // Т. 1. С. 42—44. Рец. на кн.: *Wengeroff P.* Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands im 19 Jahrhundert. Berlin, 1908.
- ¹⁰² *Гинзбург С. М.* [Рецензия] // Т. 1. С. 44—46. Рец. на кн.: *Bernstein I.* Jüdische Sprichwörter und Redensarten. Warschau, 1908.
- ¹⁰³ *Гинзбург С. М.* [Рецензия] // Т. 1. С. 50. Рец. на кн.: *Марек П.* Две напасти: Ист. повествование из эпохи Екатерины II. СПб., 1908. На яз. идиш.

Библиография

- ¹⁰⁴ Материалы для исторической библиографии: Кн. на иностр. яз. по истории евреев Восточной Европы в отделе Rossica Публ. б-ки в Санкт-Петербурге // Т. 1. С. 51—59

Составитель **М. КУПОВЕЦКИЙ.**

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА

Международный симпозиум «Уроки Холокоста и современная Россия» состоялся в Москве 6—8 апреля 1994 г. Его организатором выступил Научно-просветительный Центр «Холокост» при содействии правительства Москвы, Министерства культуры РФ, Российской Академии наук, Министерства по делам национальностей и региональной политике РФ, АР «ЦСТЭ-ИНТУР», Российского отделения «ДЖОЙНТ», Израильского Фонда просвещения и культуры в диаспоре, Еврейского агентства «Сохнут», Фонда развития еврейских общин, Мемориального фонда еврейской культуры, Открытого Университета Израиля в СНГ, Ваада России.

Симпозиум открылся мемориальным вечером в Московском Доме ученых, посвященным евреям — жертвам нацизма. На вечере было оглашено обращение Президента России Б. Ельцина участникам симпозиума. Выступившие на вечере депутат Государственной думы, председатель правления Центра «Холокост» А. Гербер, президент Центра «Холокост» М. Гефтер, один из руководителей восстания в Варшавском гетто М. Эдельман, командир дивизии, участвовавшей в освобождении Освенцима, генерал-лейтенант В. Петренко, министр культуры РФ Е. Сидоров, заместитель главы администрации Президента РФ С. Красавченко, спасшаяся от гибели в годы войны 89-летняя С. Глейх говорили о необходимости ежегодно отмечать в России День Катастрофы и героизма, об открытии в Москве музея Холокоста, увековечении памяти погибших евреев на территории России.

7 апреля в рамках симпозиума состоялся «круглый стол» «Россия и Мир конца XX века сквозь призму Холокоста». В свободной дискуссии, посвященной урокам Холокоста, проблемам анализа современного фашизма и антисемитизма, русско-еврейскому диалогу, приняли участие ученые и политики из США, Израиля, Германии, Польши, в том числе один из основателей «Солидарности» А. Михник, заместитель министра по делам национальностей и региональной политике РФ Е. Кожокин, заместитель министра образования РФ А. Асмолов, историки и философы Гамбургского университета, Университета Беркли, Института философии Российской Академии наук, «Горбачев-Фонда», представители «Мемориала», Хельсинкской группы и других организаций.

В историко-архивной и образовательной секциях симпозиума было заслушано около 40 докладов и выступлений ученых из России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Молдовы, Германии и Израиля. Проблемам историографии истории Холокоста на территории СССР и перспективам ее изучения посвятили свои выступления Ю. Ляховицкий (Харьков), И. Левитас (Киев), А. Гольдин и Э. Иоффе (Минск). Большой интерес участников вызвал доклад Г. Куканева (Институт истории России РАН) об общих

потерях еврейского населения в годы Холокоста и количестве эвакуированных евреев. Ценными статистическими материалами по этим проблемам поделились М. Куповецкий (Москва) и А. Круглов (Харьков).

Вопросам замалчивания истории Холокоста, политике КПСС в этом вопросе, современным мифам в этой области посвятили свои выступления Н. Петрова (Москва), А. Лейзеров (Минск), Р. Мирский и М. Шерман (Львов). Деятельность ведущих международных центров «Яд Вашем» (Иерусалим) и Музея Ван-Зее (Берлин) осветили в своих выступлениях Э. Барк и Ф. Тиква (Израиль), Г. Шёнбернер (Германия).

Своими предложениями о методике выявления массовых мест захоронений и создании монументов погибшим поделились А. Гидалевич (Одесса) и И. Цынман (Смоленск). Анализу новых фактов по истории уничтожения евреев Транснистрии, Литвы, России посвятили свои доклады А. Рышкован (Бельцы), И. Лемпертас (Вильнюс), С. Шпагин (Ростов), Ю. Зарецкий (Таганрог).

О методах сбора личных свидетельств, организации исследований по истории Холокоста на местах говорили М. Равкин и А. Шульман (Витебск), Т. Отерштейн (Таганрог), Е. Розенблат (Брест). Проблемам еврейского Сопротивления на Украине и Беларуси посвятили свои выступления Э. Савицкий и К. Казак (Минск), С. Елисаветский (Киев), Ф. Липский (Минск). И. Еленская (Брест) привела интересные факты по истории Пинского гетто. В. Хитерер (Киев) проанализировала психологические аспекты восприятия Холокоста населением Украины.

Обзорам архивных фондов по истории Холокоста посвятили свои выступления Т. Павлова (Москва), А. Карасев (Гомель), С. Кондрашова (Гродно), В. Селеменев (Минск). Сведениями об отражении Холокоста на страницах периодической печати в годы войны и сегодня поделились Д. Зубарев (Москва) и М. Фельдман (Брест).

Методике преподавания, организационным вопросам изучения истории Холокоста, обмену опытом по изучению в высших и средних учебных заведениях этой темы были посвящены доклады москвичей Д. Полторака и Г. Клоковой (Российская Академия образования), А. Рыбакова, И. Альтмана, Ю. Лернера (Волгоград), А. Подольского (Киев), В. Либиной (Открытый Университет Израиля в СНГ). О перспективах преподавания темы Холокоста в школах с использованием электронной почты говорил В. Минухин (Москва).

Своими идеями об осмыслении опыта Холокоста для современной России на симпозиуме поделились известные ученые С. Неретина, А. Огурцов, Г. Померанц, И. Пантин, Б. Капустин, В. Дашевский, правозащитник В. Абрамкин (все — Москва), писатель Л. Коваль (Латвия), журналист А. Найман (Киев).

На пресс-конференции по итогам симпозиума президент Центра М. Гефтер огласил Обращение его участников.

В. Матвеев, В. Хитерер (Киев)

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ И ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНЫ»

1 марта 1994 г. в Киеве, в рамках Дней еврейской культуры Украины, посвященных 135-летию со дня рождения классика еврейской литературы Шолом-Алейхема, в Институте национальных отношений и политологии АН Украины состоялась научная конференция «Шолом-Алейхем и еврейская литература Украины».

Открыл конференцию член-корреспондент АН Украины, директор Института национальных отношений и политологии АН Украины И. Курас. Ученый акцентировал внимание аудитории на значении творческого наследия Шолом-Алейхема. И. Курас отметил, что в произведениях Шолом-Алейхема нашли свое отражение особенности жизни евреев на Украине.

Украинский поэт И. Драч сказал в своем выступлении, что считает себя учеником, последователем тех выдающихся украинских писателей и поэтов, которые находились в самых тесных контактах с еврейской литературой, культурой. Поэт дал высокую оценку творчеству Шолом-Алейхема и отметил необходимость развития еврейской литературы на Украине.

Еврейский писатель Г. Полянкер выступил с докладом «Шолом-Алейхем и еврейская литература», в котором рассказал о любви Шолом-Алейхема к Украине.

Писатель подчеркнул важность изучения языка идиш, на котором писал Шолом-Алейхем и созданы многие шедевры еврейской литературы.

Еврейский поэт А. Кацнельсон показал в своем выступлении, как украинская тематика отразилась в творчестве Шолом-Алейхема, подчеркнув, что в произведениях Шолом-Алейхема часто встречаются описания украинской природы и взаимоотношений украинского и еврейского населения. Поэт также отметил лиризм произведений Шолом-Алейхема, который в сочетании с сатирой и юмором придает его творчеству неповторимое очарование.

Председатель Общества еврейской культуры Украины И. Левитас рассказал о еврейских писателях и поэтах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Докладчик отметил, что из 63 воевавших на фронтах Великой Отечественной войны еврейских писателей, живших на Украине, не вернулись с войны 47. И. Левитас сказал о недопустимости перечеркивания прошлого, высказав мнение о том, что в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. были созданы все условия для развития еврейской культуры. Однако следует отметить одно обстоятельство — в докладе ничего не было сказано о том,

что эта культура носила ярко выраженный идеологический характер, а власти всячески преследовали представителей еврейской интеллигенции, не разделявших их взглядов.

Искусствовед, дочь известного еврейского поэта Матвея Гарцмана, Ш. Гарцман в своем сообщении охарактеризовала особый колорит, юмор в произведениях Шолом-Алейхема, восходящий своими истоками к еврейским народным традициям. Выступающая зачитала фрагменты стихотворений погибшего во время второй мировой войны поэта Матвея Гарцмана, посвященные Шолом-Алейхему.

Заведующая сектором восточных рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского И. Сергеева дала краткую характеристику фонда № 189 отдела рукописей этой библиотеки, в котором представлены рукописи произведений Шолом-Алейхема, личные документы и переписка писателя.

Музыковед из Молдовы З. Столяр выступил с докладом «Музыка в жизни и творчестве Шолом-Алейхема», в котором отметил, что многие произведения Шолом-Алейхема посвящены музыкантам (романы «Йоселе-Соловей», «Степеню», рассказ «Скрипка»). Интерес писателя к этой теме, по мнению докладчика, неслучаен, так как Шолом-Алейхем очень любил еврейскую музыку и в детстве мечтал стать музыкантом.

Профессор Украинского государственного аграрного университета Л. Беренштейн остановился в своем выступлении на характеристике социальных аспектов истории евреев в произведениях Шолом-Алейхема.

Старший научный сотрудник Музея г. Киева А. Подопригора выступила с сообщением: «Празднование юбилеев и мероприятия по увековечению памяти Шолом-Алейхема на Украине», проинформировав участников конференции о том, что в Киеве планируется создание музея Шолом-Алейхема.

Большой интерес вызвало выступление кандидата искусствоведения, пресс-атташе посольства государства Израиль на Украине Ю. Морозова «Шолом-Алейхем и синамограф». Он отметил, что Шолом-Алейхем относился к синамографу очень серьезно, как к виду искусства, и даже написал несколько сценариев, которые, однако, по политическим соображениям в то время не могли быть реализованы. Ю. Морозов подчеркнул, что синамограф был очень важен для еврейского населения черты оседлости, являясь для него чуть ли не единственным источником информации, «окном в мир».

В сообщении младшего научного сотрудника отдела еврейской истории и культуры Института национальных отношений и политологии АН Украины М. Тупайло говорилось об автобиографическом романе Шолом-Алейхема «С ярмарки» в украинском переводе М. Дубинского. Было отмечено, что творчество Шолом-Алейхема принадлежит двум культурам: еврейской и украинской.

Старший научный сотрудник Ассоциации еврейских организаций и общин Украины В. Хитерер рассказала в своем выступлении о хранящихся в киевских архивах документах о Шолом-Алейхеме. Это полицейские донесения о писателе, цензура его произведений, фотографии Шолом-Алейхема и членов его семьи и другие документы. Докладчику впервые удалось

установить один из киевских адресов Шолом-Алейхема — улица Мариинско-Благовещенская, 27 (ныне Саксаганского, 27), квартира 4.

О том, что Шолом-Алейхем писал о необходимости создания евреями своего национального государства, рассказал в своем выступлении стажер-исследователь отдела еврейской истории и культуры Института национальных отношений и политологии АН Украины А. Подольский.

Исследователь еврейского театра из Львова И. Гельстон выступил с докладом «Блуждающие звезды» на львовском небосклоне», в котором рассказал о постановке спектаклей по произведениям Шолом-Алейхема Львовским еврейским театром.

Преподаватель языка идиш Соломонова университета М. Баремдикер выступил с сообщением о публикации фельетонов Шолом-Алейхема в газете «Юдишес Фолксблат».

Научный сотрудник Института истории АН Украины А. Найман выступил с сообщением «Шолом-Алейхем и дело Бейлиса», в котором, однако, были изложены лишь общеизвестные факты.

О влиянии музыки на творчество Шолом-Алейхема и о еврейском фольклоре в творчестве композиторов стран Восточной Европы сделала сообщение старший научный сотрудник отдела современной национальной политики Института национальных отношений и политологии АН Украины Н. Старовойтова.

Подводя итоги, член-корреспондент АН Украины И. Курас акцентировал внимание на необходимости публикации материалов этой научной конференции.

Ю. Ляховицкий (Харьков)

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРОБИЦКИЙ ЯР: ПАМЯТЬ, ВРЕМЯ, ЛЮДИ»

Состоявшаяся в Харькове (январь 1994) III международная научная конференция «Дробицкий Яр: память, время, люди» была приурочена к очередной, 52-й годовщине гибели еврейского гетто Харькова в период фашистской оккупации города. Организаторами конференции были сектор еврейской истории и культуры Северо-Восточного научного центра (СВНЦ) АН Украины, харьковское отделение Республиканского фонда «Память жертв фашизма на Украине» и Мемориальный фонд Холокоста «Дробицкий Яр».

В работе конференции приняли участие исследователи (историки, философы, политологи, юристы, социологи, психологи и др.) из Украины, России и дальнего зарубежья (Израиля, Англии, Франции). Большинство докладов касалось историографии Холокоста на Украине и в Восточной Европе, исторических и современных аспектов национального существования еврейского народа, вопросов взаимовлияния и взаимоотношений с окружающим социумом.

Зав. сектором еврейской истории и культуры СВНЦ АН Украины Ю. Ляховицкий в своем докладе «Холокост в прологемики возрождения еврейского галута и национальная самоидентификация» отметил, что прошедшее после I конференции время ярко высветило эту, еще недавно затемненную (впрочем, как и многие другие) страницу Великой Отечественной войны. Сейчас эта тема из рамок публицистических перешла в разряд исторических проблем, требующих профессионального исследования. Такой подход является характерным также и для еврейского культурного возрождения в современных условиях. Процеируя исторический опыт Холокоста на современную этнополитическую ситуацию на Украине, можно утверждать, что единственно возможной «средой обитания» еврейской диаспоры Украины являются не проекты национально-общинного обустройства еврейской жизни, а полноценное гражданское общество.

Проблемы исследования и освещения в историографии трагических событий осени 1941 — зимы 1942 г. на Украине и развития исследований в этой области были рассмотрены в докладах зав. кафедрой социальных и гуманитарных наук Николаевского кораблестроительного института В. Вашкевича «Историография нацистского оккупационного режима на Украине», ученых того же института — С. Макарчука «Нацистский геноцид еврейского населения Украины в документальных публикациях», В. Мирошниченко «Еврейский вопрос» на Украине в начале XX века» и И. Молодых «Еврейский вопрос» в прошлом и настоящем».

В докладе проф. В. Короля (Киевский гос. университет) «Гитлеровский геноцид еврейского населения и военнопленных на оккупированной территории Украины в отечественной историографии» проанализированы ошибочные стереотипы отражения трагедии Холокоста, унаследованные от идеологизированной и мифологизированной советской историографии, приведены новые свидетельства, касающиеся трагедии Бабьего Яра.

Проблема исследования взаимосвязи антисемитских общественных тенденций с отчуждением личности в тоталитарном обществе — тема доклада Ж. Тростановского (Харьковский политехнический университет) «Философские проблемы антисемитизма».

С большим интересом участники конференции выслушали изложение докладов зарубежных исследователей: профессора из Оксфорда Мартина Гилберта (Англия) «В годы Катастрофы», профессора экономики Ливльского финансово-экономического колледжа Тео Хаддада (Франция) «Импровизация о Виленском гетто», а также сообщение директора московского Научно-просветительного Центра «Холокост» И. Альтмана «Неизвестная Черная книга»

С. Куделко (Харьковский гос. университет) и израильский исследователь С. Тростановский (Безр-Шевский университет) посвятили свой доклад «Историческое время еврейского народа» феномену исторической памяти еврейского народа и специфике его исторического времени.

В докладах директора Львовского регионального центра еврейских исследований при Западном научном центре АН Украины проф. Р. Мирского «Еврейско-украинское сосуществование в контексте противостояния постсоветскому антисемитизму», проф. П. Рабиновича (Львовский гос. университет) «Юридические средства борьбы с антисемитизмом в современной Украине», Л. Поповой (Харьковский политехнический университет) «Психологические предпосылки активизации национализма и антисемитизма» и стажера-исследователя Института национальных отношений и политологии АН Украины А. Подольского «Нацистский геноцид на Украине (1941—1944). Основные этапы трагедии» проанализированы вопросы формирования украинского самосознания в процессе становления многонационального демократического государства и приведены рекомендации, касающиеся усовершенствования законодательных способов и практики борьбы с антисемитскими и другими проявлениями ксенофобии.

Психологические аспекты рассматриваемой проблемы — тема доклада проф. В. Лабскира (Харьковский политехнический университет) «Еврейская струя» в украинском послевоенном спорте». Доклад сотрудников областной прокуратуры В. Черкашина, В. Филимонова и М. Прозера «Реабилитации не подлежат» ввел в научный оборот новые материалы, касающиеся Холокоста, которые были добыты в ходе изучения недавно открытых архивов КГБ и исполнения закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

В ходе «круглого стола» — «Еврейский вопрос» и современное украинское общество» — состоялись выступления свидетелей и бывших узников еврейских гетто Украины, презентация второго выпуска сборника научных работ «Холокост на Украине и антисемитизм в перспективе» и второго выпуска документального сборника «Желтая Книга: свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Украины в период оккупации. 1941—1943» (первый выпуск — «Попранная мезуза» — вышел в 1991 г).

Конференция приняла ряд рекомендаций, в частности по вопросу освещения этого периода оккупации Украины в школьных и вузовских учебниках и курсах. Конференция продемонстрировала существенно возросший уровень исследований по проблемам Холокоста, а также расширение диапазона и методологии исследований.

CONTENTS

RESEARCH

History

- O. BUDNITSKY (Rostov-on-Don). «The Jewish problem» in the émigré journalism of 1920—30s
- D. FELDMAN. From the history of the Shklov Jews (based on documents from the Russia's State Archives of Ancient Acts)
- L. ROSENBERG. The Jewish population of the Volga regions in mid XIX — beginning of the XX centuries
- V. ENGEL. Liberal tendencies in «the Jewish policy» of the tsarist autocracy at the end of the XIX and the beginning of the XX century
- V. GUSEV (Kiev). On Jewish pogroms, aid to victims and Jewish emigration from Ukraine (1917—1921)
- A. GREENBAUM (Jerusalem, Israel). The rebbinical conference in Korosten (1926)

Culture

- E. BINEVICH (Saint Petersburg). Jewish theatre in Odessa. Essay I: A. Goldfaden and his company
- A. LEVITOVA. The Jewish popular university in Moscow (1918—1921)

Sociology

- Z. GITELMAN (Ann Arbor, USA), V. CHERVYAKOV, V. SHAPIRO. Judaism in the national self identification of the Russia's Jews

Essays, historical portraits

- L. SALMON (Bologna, Italy). Life and works of Ben-Ami
- V. HITERER (Kiev). A.D. Margolin the Beilis's advocate

ARCHIVE

Publications

- «The Jewish problem» in private correspondence of the Soviet citizens in the middle of 1920s (based on perustration material). Publ. by V. Izmozik
- Grigory Adolphovich Landau: some additional commentaries. Publ. by V. Gessen
- Destruction of Jews in Smolensk and Bryansk regions during 1941—1943. Publ. by A. Kruglov

Reminiscences

- O. GRUSENBERG. Pages of the memoirs. Publ. by V. Kelner

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

- A. LOKSHIN. Ref. op.: *Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1862—1917*. Cambridge, 1981
- G. ESTRAIKH. Ref. op.: *Kahan A. The Impact of Industrialization in Tsarist Russia on the Socioeconomic Conditions of the Jewish Population // Kahan A. Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago; London, 1986.
- Miscellanies «Perezhytoe» V. 1—4. 1908—1913. Index of contents. Comp. by I. Kupovetsky

CHRONICLE

- I. ALTMAN. The international symposium on the history of the Holocaust
- V. MATVEEV, V. HITERER (Kiev). The scientific conference «Sholom Aleichem and the Jewish culture of in Ukraine»
- Yu. Lyakhovitsky. The Thied international scientific conference «Drobovitsky Yar: memory, time, people»

SUMMARY

O. BUDNITSKY

«The Jewish problem» in the émigré journalism of 1920s.

The author seeks to define the attitude of several émigré writers, namely P. N. Milyukov, F. N. Rodichev, V. L. Burtsev, A. V. Kartashov, towards the problem of antisemitism.

D. FELDMAN

From the history of the Shklov Jews at the end of the XVIII century (based on document from the Russia's State Archives of Ancient Acts).

Using archival material stored in RGADA (the Russia's State Archives of Ancient Acts) the author traces the history of the Byelorussian mestechko Shklov, dwells upon trades of the Shklov Jews, considers their relations with the owner of Shklov S. G. Zorich.

L. ROSENBERG

The Jewish population of the Volga regions in the middle of the XIX — the beginning of the XX centuries.

The author sets the task of studying the problem of settlement of Jews in the Volga regions; their major activities and participation in the economic and cultural life of the region are examined as well.

V. ENGEL

Liberal tendencies in «the Jewish policy» of the Tsarist autocracy at the end of the XIX and the beginning of the XX centuries.

The internal policy of the government of Russian Empire towards the Jewish population of the country is analysed as well as the views of different-minded politicians on «the Jewish problem».

V. GUSEV

On Jewish pogroms, aid to victims and Jewish emigration from Ukraine.

Based on a large amount of archival material stored in Kiev and Moscow the article considers the consequences of the Civil war in Ukraine with regard to the Jewish population.

A. GREENBAUM

The rabbinical conference in Korosten (1926).

The proceedings and results of the rabbinical conference held in Korosten at the end of October 1926 are discussed.

E. BINEVICH

Jewish theatre in Odessa. Essay I: Goldfaden and his company.

The article retraces the history of the actors' company directed by of A. Goldfaden (1840—1908) which was the first to stage musical comedies in Yiddish.

A. LEVITOVA

The Jewish popular university in Moscow (1918—1921).

On the basis of archive documents which have recently become available the author reconstructs the history of foundation of a Jewish institution in Moscow and examines its major activities.

Z. GITELMAN, V. CHERVYAKOV, V. SHAPIRO

Judaism in the national self-identification of the Russia's Jews.

The article is grounded on the results of the sociological research «The national identity of the Russia's Jews» carried out by the Jewish research centre at the end of 1992 and the beginning of 1993.

תמצית מאמרים

א. בודניצקי

"השאלה היהודית" במאמרים פובליציסטיים שפורסמו על-ידי מחברים מהגרים בשנות ה-20 וה-30. המחבר מציג את יחסם של נציגי ההגירה היהודית כלפי בעית האנטישמיות, ביניהם פ.נ. מילוקוב, פ.נ. רודיצ'ב, ו.ל. בורצב, ו.א. קרטשוב.

ד. פלדמן

יהודים בעיר שקלוב בסוף המאה ה-18 (בהתבסס על חומר שנמצא בארכיון הלאומי של רוסיה לתעודות עתיקות). המאמר מוקדש לתולדות העיירה שקלוב ברוסיה הלבנה, למשלחי-ידם של יהודי העיר ולמערכת היחסים בינם לבין בעליו של העיר, ס.ג. זוריד.

ל. רוזנברג

האוכלוסיה היהודית באזור הוולגה מאמצע המאה ה-19 ועד ראשית המאה ה-20. המאמר מוקדש לבעית ההתיישבות והפעילות של יהודים באזור הוולגה ולתרומתם לכלכלה ולתרבות של האזור.

ו. אנגל

נטיות ליברליות של "הבדניניות היהודית" של המשטר הצארי בסוף המאה ה-19 ובראשית המאה ה-20. המחבר מנתח את המדיניות הפנימית של ממשלת האימפריה הרוסית כלפי היהודים החיים בתחומה, ומתאר את יחסן של תנועות פוליטיות שונות ל"שאלה היהודית".

ו. גושב

הפוגרומים ביהודים, הסיוע לקרבנות הפוגרומים והגירת היהודים מאוקראינה (1917-1921). המאמר מתבסס על החומר הרב שנמצא בארכיונים של קייב ושל מוסקבה. המחבר בוחן את תוצאות מלחמת האזרחים לגבי היהודי אוקראינה.

א. גרינבאום (חיפה)

ועידת ז'רבניס בקורוסטון (1926). המאמר עוסק ב'רקע שהוביל לעריכת ועידת הרבנים בקורוסטון (והלין) ולתוצאותיה.

א. בינוויץ' (סט. פטרבורג)

התיאטרון היהודי באודסה. מאמר ראשון: חבורת גולדפאדן. המאמר מוקדש לתולדות חבורתו של א. גולדפאדן, המפיק הראשון ברוסיה שהעלה על הבימה אופרטות ביידיש.

א. לביטובה

האוניברסיטה הלאומית היהודית במוסקבה (1918-1921). המחברת מתארת את תולדות ייסודה של האוניברסיטה היהודית הפתוחה במוסקבה, ופעילויותיה.

צ. גיטלמן (אן ארבור, ארה"ב), ו.צ'רביאקוב, ו. שפיר

היהדות כמרכיב של הזהות הלאומית עצמית של יהודי רוסיה. המאמר נכתב על בסיס המחקר הסוציולוגי שנושא "הזהות הלאומית של יהודי רוסיה", שנערך בידי המרכז המדעי היהודי בסוף שנת 1992 ובראשית 1993.

ביקורת, ביבליוגרפיה, סקירות

א. רוגצ'בסקי, סקירה: סקירת אוסף מאמרים בנושא "פילולוגיה והיסטוריה רוסית", ירושלים 1992.
 א. לוקשין, סקירה: תמצית ספרו של י. פרנקל, "נבואה ופוליטיקה: סוציאליזם, לאומנות ויהודי רוסיה, 1862-1917", קיימברידג', 1981.
 ג. אייסטראך, סקירה: תמצית מחקרו של א. קהן, "השפעת התיעוש ברוסיה הצארית על התנאים הסוציו-אקונומיים של האוכלוסיה היהודית; מחקרים בהיסטוריה החברתית והכלכלית של היהודים", שיקאגו ולונדון, 1986, עמ' 1-69.
 מ. קופוביצקי, מלקט: אלמנכי "פרז'טויה" כרכים 1-4, סט. פטרבורג, 1908-1913 - אינדקס.

קורות העיתים

י. אלטמן: סימפוזיון בינלאומי על תולדות השואה.
 ו. חיטרר: הוועידה המדעית "שלום עליכם והספרות היהודית באוקראינה".
 י. לכוביצקי (קייב). הוועידה הבינלאומית השלישית: "דרוביצקי יאר – זכרון, זמן, אנשים".

Лицензия №30528 от 7.05.1993.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 11.11.1994 г. Подписано к печати 28.12.1994 г.
 Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 3 500 экз. Заказ 2434

Типография № 2 ВО «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.

תוכן העניינים

מחקר

היסטוריה

- א. בודניצקי: "השאלה היהודית" במאמרים פובליציסטיים שפורסמו על-ידי מחברים מהגרים בשנות ה-20 וה-30.
ד. פלדמן: יהודים בעיר שקלוב בסוף המאה ה-18 (בהתבסס על חומר שנמצא בארכיון הלאומי של רוסיה לתעודות עתיקות).
ל. רוזנברג: האוכלוסיה היהודית באזור הוולגה מאמצע המאה ה-19 ועד ראשית המאה ה-20.
ו. אנגל: נטיות ליברליות של "המדיניות היהודית" של המשטר הצארי בסוף המאה ה-19 ובראשית המאה ה-20.
ו. גוסב: הפוגרומים ביהודים, הסיוע לקרבנות הפוגרומים והגירת היהודים מאוקראינה (1917-1921).
א. גרינבאום: ועידת הרבנים בקורוסטון.

תרבות

- א. בינוויץ': התיאטרון היהודי באודסה. מאמר ראשון: חבורת גולדפאדן.
א. לביטובה: האוניברסיטה הלאומית היהודית במוסקבה (1918-1921).

סוציולוגיה, דמוגרפיה

- צ. גיטלמן (אן ארבור, ארה"ב), ו. צירביאקוב, ו. שפירו: היהדות כמרכיב של הזהות הלאומית העצמית של יהודי רוסיה.

מסות, פורטרטים היסטוריים

- ל. סלמן (בולוניה, איטליה): בן-עמי, חייו ופועלו. מסה.
ו. חיסטר (קייב): א.ד. מרגולין – עורך-הדין של בייליס.

ארכיונים

פרסומים

- עורך: ו. איזמודיק: השאלה היהודית במכתביהם הפרטיים של אזרחים סובייטיים באמצע שנות ה-20 (בהתבסס על חומר מהפיקוח על התכתבויות).
עורך: ו. גסן: גריגורי אדולפוביץ' לנדאו: ספציפיקציות הכרחיות.
עורך: א. קרוגלוב: השמדת היהודים באזורי סמולנסק ובריאנסק, 1941-1943.

זכרונות ויומנים

- עורך: ו. קלנר: ג. לנדאו – זכרונות (סוף).

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

